АНТОНЪ БУДИЛОВИЧЪ.

АНАЛИЗЪ

СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ

СЛАВЯНСКАГО СЛОВА,

съ морфологической точки зрѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Ученіе о строеніи Славянскихъ корней.—Б. Ученіе объ образованіи основъ: I. *Префиксы.* II. *Инфиксы.* III. *Суффиксы:* 1) Суффиксы основъ именныхъ. 2) Суффиксы основъ глагольныхъ. 3) Основы мѣстоименій и числительныхъ.—В. Ученіе объ образованіи словъ: 4) Суффиксы падежей. 5) Суффиксы лицъ. 6) Объ образованіи частицъ.

(Изъ „Изв. Ист.-фил. Инст кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г.).

КІЕВЪ.
Типографія В. И. Давиденко, на Михайловской ул., въ собств. домѣ.
1877.

Печатано по опредѣленію Конференціи Института князя Безбородко.

АНАЛИЗЪ

СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ

СЛАВЯНСКАГО СЛОВА,

СЪ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

СОДЕРЖАНІЕ: А. Ученіе о строеніи славянскихъ корней.—Б. Ученіе объ образованіи основъ: I. *Префиксы.* II *Инфиксы.* III *Суффиксы.* 1) Суффиксы основъ именныхъ. 2) Суффиксы основъ глагольныхъ 3) Основы мѣстоименій и числительныхъ.—В. Ученіе объ образованіи словъ: 4) Суффиксы падежей. 5) Суффиксы лицъ. 6) Объ образованіи частицъ.

Звуки представляютъ въ составѣ языка то, что атомы въ природѣ; слоги же соотвѣтствуютъ молекуламъ натуральной философіи. Подобно тому, какъ изъ атомовъ и молекулъ (по ходячей гипотезѣ) образуются химическіе элементы, изъ разнообразнаго сочетанія которыхъ естествознаніе выводитъ всѣ виды природы органической и неорганической, такъ изъ звуковъ и слоговъ образуются корни, т. е. элементы языка, изъ соединенія которыхъ развились слова, предложенія, періоды, однимъ словомъ, въ параллель макрокосму физическому, развился микрокосмъ человѣческаго языка.

Аналогію эту можно продолжить еще далѣе: какъ въ природѣ рѣдко встрѣчаются химическіе элементы въ чистомъ видѣ, а большею частію въ соединеніяхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, такъ и корни въ составѣ языка рѣдко являются въ чистомъ, обнаженномъ

видѣ; обыкновенно же они взаимно соединяются, видоизмѣняясь при этомъ такъ, что изъ данныхъ соединеній первичные корни могутъ быть выдѣлены лишь дѣйствіемъ разныхъ научныхъ реактивовъ, путемъ разнообразныхъ этимологическихъ операцій.

Корни и ихъ соединенія могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: во 1) съ внѣшней или формальной, и во 2) съ внутренней или логической. Вслѣдствіе того этимологія, или наука о словахъ, распадается на два отдѣла:

1. **Морфологію** или ученіе о формахъ словъ (на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія);

2. **Симазіологію** или ученіе о значеніяхъ (функціяхъ) тѣхъ-же словъ.

Настоящая статья посвящена разсмотрѣнію важнѣйшихъ вопросовъ Славянской морфологіи, при чемъ всѣ вопросы симазіологическіе совершенно исключены изъ этого обзора, такъ какъ во 1) смѣшеніе этихъ двухъ частей этимологіи мы считаемъ очень вреднымъ для науки, а во 2) предполагаемъ впослѣдствіи посвятить особую статью симазіологическому отдѣлу Славянской грамматики.

Задача Славянской морфологіи, какъ науки, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить:

1. какими сочетаніями звуковъ пользуется данный языкъ, какъ значащими элементами рѣчи или корнями?

2. какія звуковыя средства употребляетъ этотъ языкъ въ ходѣ образованія изъ корней—словъ, т. е. изъ элементовъ—тѣлъ?

Особое значеніе и важность получила эта часть грамматики съ тѣхъ поръ, какъ языкознаніе, съ легкой руки В. Гумбольдта, положило морфологическіе признаки въ основу классификаціи всѣхъ языковъ міра. Извѣстно, что по этимъ признакамъ (именно по формѣ корней и способамъ образованія словъ) принимаютъ три класса или типа языковъ:

1. **языки корней** (изолирующіе, моносиллабическіе), гдѣ нѣтъ различія между корнями и словами, между именемъ, глаголомъ и частицами;

2. **языки приставокъ** (агглутинирующіе), гдѣ слово состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ корней, но соединенія довольно внѣшняго

и механическаго, при чемъ лишь вторые корни (аффиксные) теряютъ свою самостоятельность, но первый удерживаетъ ее вполнѣ;

3. **языки флексій**, гдѣ процессъ органическаго срощенія корней въ единствѣ слова прошелъ гораздо дальше и выразился потерею самостоятельности и взаимнымъ приравниваніемъ всѣхъ элементовъ слова.

Славянскій языкъ принадлежитъ къ числу языковъ высшей формаціи, т. е. флексивныхъ. Въ немъ совершился и завершился полный процессъ образованія изъ корней словъ.

Задача Славянской морфологіи заключается въ томъ, чтобы прослѣдить этотъ процессъ, въ его началахъ, теченіи и результатахъ.

Такъ какъ развитіе словъ изъ корней совершается путемъ органическимъ, то оно идетъ безъ скачковъ, по непрерывной лѣстницѣ восхожденія отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, но такъ, что промежуточныя ступени часто сливаются для глаза наблюдателя и развитіе представляется, какъ ростъ дерева, рядомъ неуловимыхъ переходовъ, въ которыхъ лишь болѣе рѣзкія фазы развитія могутъ быть подмѣчены и указаны.

Такими фазами развитія слова являются слѣдующія шесть:

1. **корень** простой или первичный;
2. „ вторичный, третичный и т. д.;
3. **основа или тема** первичная;
4. „ „ „ вторичная, третичная и т. д.;
5. **слово** простое или несложное;
6. „ сложное изъ 2, 3 и болѣе отдѣльныхъ темъ или словъ.

Такъ напр. древнеславянское слово: **бѫдѫштааго** можетъ быть разложено на элементы, соотвѣтствующіе каждой изъ означенныхъ фазъ развитія слова:

1. **бу**; 2. **бѫ**; 3. **бѫд**; 4. **бѫдѫшт**; 5. **бѫдѫшта**; 6. **бѫдѫштааго**.

Ошибочно было бы утверждать, будто каждое славянское слово прошло всѣ означенныя ступени; но три изъ нихъ (1, 3, 5-ая) пройдены неизбѣжно каждымъ словомъ , хотя не всегда сохранился явственный слѣдъ всѣхъ этихъ метаморфозъ, а если и сохранился, то часто въ видѣ столь слабомъ, что трудно опредѣлить подлинную фазу развитія слова въ данной формѣ.

Соотвѣтственно тремъ главнымъ фазамъ развитія слова (1. корень; 2. основа; 3. слово), морфологія естественно распадается на 3 части:

1. ученіе о строеніи корней (первичныхъ, вторичныхъ и т. д).;
2. ученіе объ образованіи основъ (первичныхъ, вторичныхъ и т. д.);
3. ученіе объ образованіи словъ.

A. Ученіе о строеніи корней.

Къ числу самыхъ трудныхъ задачъ морфологіи принадлежитъ опредѣленіе качества и количества первичныхъ корней даннаго языка. Особенно это должно сказать о морфологіи языковъ флексивныхъ, прошедшихъ корневую фазу развитія во времена очень отдаленныя и потерпѣвшихъ значительныя измѣненія и искаженія фонетическія. Тѣмъ не менѣе наукѣ удалось уже добраться до нѣсколькихъ сотъ первичныхъ корней Арійскихъ языковъ. Дѣлаются попытки разлагать еще далѣе эти 600—800 корневыхъ созвучій, но довольно гадательныя и опасныя. Научный методъ требуетъ, чтобы въ этомъ анализѣ слова остановиться тамъ, гдѣ корень является еще живымъ и значащимъ элементомъ рѣчи, а не гипотезей или трупомъ грамматическимъ. Лучше принять какую нибудь основу за корень, чѣмъ переступить за предѣлъ первичной кристаллизаціи корня, разбивъ его пополамъ.

Какой же звуковой типъ имѣетъ корень языковъ флексивныхъ?— Не одинаковый: въ однихъ онъ является съ характеромъ готоваго слога, т. е. имѣетъ своимъ средоточіемъ гласный, прикрытый съ одной или обѣихъ сторонъ однимъ или нѣсколькими согласными; въ другихъ онъ состоитъ изъ группы согласныхъ, представляя такимъ образомъ слогъ лишь въ возможности, а не въ дѣйствительности. Этотъ главнѣйше признакъ и раздѣлилъ, какъ извѣстно, классъ языковъ флексивныхъ на два подкласса:

1. Языки **Арійскіе** (Индо-Европейскіе), или языки корней слоговыхъ;

2. Языки **Симитскіе**, или языки корней трилитерныхъ (изъ группы трехъ согласныхъ).

Предполагаютъ, что первый типъ строенія корней исконнѣе послѣдняго, такъ какъ онъ господствуетъ и въ языкахъ перваго и втораго классовъ (въ языкахъ корневыхъ и приставочныхъ), т. е. во всѣхъ почти языкахъ міра, за исключеніемъ Симитскихъ.

Славянскій языкъ, какъ одинъ изъ Арійскихъ, имѣетъ корни слоговые и притомъ односложные, такъ какъ слогъ былъ не только исходнымъ, но и конечнымъ предѣломъ въ звуковомъ развитіи Арійскаго корня. Во всѣхъ языкахъ этой семьи нѣтъ корня безъ гласнаго, но нѣтъ корня и съ двумя независимыми гласными, т. е. о двухъ слогахъ. Если по разложеніи слова окажется, что коренное его созвучіе не имѣетъ гласнаго, то это значитъ, что мы не возстановили еще его въ первоначальномъ видѣ. Такъ въ русскомъ словѣ **усну**, по отсѣченіи префикса: **у**, и суффикса: **ну**, останется корнемъ одинъ согласный **с**. Если реставрировать однако древнѣйшій видъ этого слова и прослѣдить его видоизмѣненія, то не трудно убѣдиться, что корневымъ созвучіемъ служитъ здѣсь слогъ: **съп** (**оусъпе**).

Если же, съ другой стороны, по совершеніи всѣхъ этимологическихъ операцій, остается все еще двусложный комплексъ звуковъ, то это означаетъ, что мы либо вращаемся еще въ области основъ, либо имѣемъ дѣло со словомъ иностраннымъ, котораго этимологическій разборъ можетъ быть доведенъ до конца лишь на почвѣ того языка, гдѣ оно родилось и развилось. Такъ напр. слова: атаманъ, цирульникъ, капуста, куролесить, щеголь, не разлагаются на почвѣ русскаго языка; но дѣло облегчается, если сопоставить эти слова съ иностранными ихъ прототипами: Hauptmann, χειρουργός, composita, Κύριε ἐλεῆσον (по другимъ: χοραύλης), singularis и т. п.

Въ славянскомъ языкѣ открываются слѣдующіе *типы корневыхъ звукосочетаній*.

1. *Первый типъ*: корень образуется изъ одного гласнаго звука, приряженнаго легкимъ дыханіемъ (spiritus lenis), т. е. слабымъ согласнымъ шумомъ, безъ котораго гласный въ дѣйствительности не можетъ быть выговоренъ. Въ Греческой азбукѣ этотъ шумъ имѣетъ особое надстрочное обозначеніе, которое опускается въ графикѣ Славянской. Сюда относятся корни:

а: прежде указательное мѣстоименіе, потомъ частица и т. п.
и: частица; глаголъ (**и-ти**) и т. п.
оу: частица (**оу-же**; **оу**); глаголъ (**об-оу-ти**) и т. п.

2. *Второй типъ*: гласный съ согласнымъ явнымъ: а) спереди (корни открытые), или б) сзади (закрытые):

а) да-ти; би-ти; соу-ти; мѣ-ти; вѣ-тръ и т. п.

б) аз-ъ; ин-ъ; ов-ъ; ес-мь; на-оук-а; в-он-ѧ и т. п.

Болѣе древнимъ считаютъ первый видъ этихъ корней (открытый); нѣкоторые считали его даже единственнымъ для древнѣйшаго періода, но это трудно доказать.

3. *Третій типъ*: гласный съ двумя согласными, при чемъ возможно было троякое ихъ размѣщеніе:

а) согласный+согласный+гласный.

б) согл.+гласн.+согл.

в) гласн.+согл.+согл.

Гласный могъ слѣдовательно стоять либо въ концѣ, либо въ срединѣ, либо въ началѣ группы. Таковы корни:

а) ста-ти, слоу-ти, крѣ-ти; влъ-на, чрь-та и т. п.

б) каз-ати, год-ъ, доб-а; вез-ти, съп-ати, път-ица; мьн-ѣти, чьт-ѧ; гѣб-нѧти; вѣр-а, цѣл-ити; мѧ-ти, дѧ-ти и т. п.

в) агн-ьць, алк-ати и т. п.

Нерѣдко корни типа а) и в) переходятъ въ типъ б): гла-гол-ъ; прапор-ъ; лак-омъ, и т. п.

4. *Четвертый типъ*: гласный съ тремя согласными, въ слѣдующихъ комбинаціяхъ:

а) три согласные+гласный;

б) два согл.+гласн.+согласный;

в) согласн.+гласн.+два согласн.

Мы встрѣчаетъ здѣсь корни то открытые (а), то закрытые-однимъ (б) или двумя (в) согласными.

Таковы корни:

а) стра-на, стрѣ-ла, стрь-ти, стла-ти и т. п.

б) влад-ѣти, вран-а, плак-ати, прос-ити, слъз-а, млъв-ити, въс-крьснѧти, Срьб-ъ и т. п.

в) про-зѧб-сти, при-сѧг-а, ѩз-ѣкъ, кѧс-ъ, кѧт-ъ, и т. п.

Типы а) и б) иногда взаимно мѣняются:

стла-ти: по-стел-ѧ; ср. власть: Gewalt; прас-а: porcus и т. п. Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются перезвуки изъ б) въ в): напр. Срьб-ъ: Серб-ъ и т. п.

5. *Пятый типъ*: гласный съ четырьмя согласными, въ слѣдующемъ расположеніи:

а) три согл.+гласн.+согласн.

б) два согл.+гласн.+два согласн.

Таковы корни:

а) **страд-ати, скваж-ина, сирад-ъ, силъб-ъ** (и: **стлъп-ъ**), **тврьд-ь** и т. п.

а) **празд-ьнъ, звѣзд-а, свист-ъ, прьст-ъ, прѧд-ѫ, сѫ-прѫг-ъ**, и т. п.

Перестановка часто смѣшивала оба эти типа: **стълб-ъ**: **стлъб-ъ**; ср. **тврьдь**: рус. твердый и т. п.

Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ, путемъ перестановки гласнаго, развился еще третій видъ того-же типа:

в) согласн.+гласн.+три согласные: перст-ъ, перст-ень; верст-а, черст-вый и т. п.

6. *Шестой типъ*: гласный съ пятью согласными, въ двухъ комбинаціяхъ:

а) четыре согласн.+гласн.+согласн.

б) три согласн.+гласн.+два согласн.

Таковы корни:

а) **скрвьн-а**;

б) **хвраст-ъ**.

Такимъ образомъ постояннымъ и основнымъ элементомъ корня является гласный звукъ; число же согласныхъ измѣняется отъ 1 до 5, при чемъ въ составъ каждой группы входитъ не менѣе половины протяжныхъ (continuae) согласныхъ, а въ послѣднемъ, самомъ сложномъ типѣ (6), четыре согласные должны быть протяжные, и лишь одинъ мгновенный (momentaneа).

Надобно предполагать, что въ древнѣйшія эпохи жизни Арійскихъ языковъ строеніе корней отличалось большею простотою и однообразіемъ, чѣмъ впослѣдствіи. Славянскіе корни съ четырьмя и даже пятью согласными, по всей вѣроятности, суть корни вторичнаго образованія, т. е. представляютъ родъ основъ, или соединеній корней съ аффиксами, но—столь древнихъ и плотныхъ, что аффиксы приросли здѣсь къ самому тѣлу корня и, потерявъ свою прежнюю формативную силу, стали показателями матеріальной сущности выражаемаго корнемъ понятія, т. е. нераздѣльною частію этихъ новыхъ корней; послѣдніе можно назвать потому корнями вторичнаго или третичнаго образованія.

Знаменитый чешскій славистъ П. І. Шафарикъ посвятилъ (въ 1846 г.) особую статью вопросу о расширеніи первичныхъ глагольныхъ корней посредствомъ согласныхъ [1]) въ Славянскомъ языкѣ.

1) Sebrané Spisy. III. 458—539.

Онъ отмѣтилъ цѣлый рядъ мнимыхъ первичныхъ корней, которые, по разложеніи, оказываются соединеніемъ дѣйствительныхъ корней съ разными побочными элементами, произошедшими изъ аффиксовъ. Такими элементами оказываются, по мнѣнію Шафарика, слѣдующіе согласные:

1. р: Рус. капля: Пол. kropla; Рус. тоска: Пол. troska; Чеш. stačiti: Пол. starczyć; Пол. bawić: Серб. боравити; Рус. ныть: изнурять и т. п.
2. л: Пол. chusta: Рус. холстъ; Рус. томить: Пол. tłumić; Рус. пять: пялить и т. п.
3. н: Рус. куть, ковать: Пол. knuć, knować; Рус. рѣять: ронять и т. п.
4. в: Рус. укорять: Серб. кварити; Рус. сіять: Срб. свану ти Рус. ткать: Пол. tkwić и т. п.
5. м: доу-хъ: дѫ-ти, дъм-ѫ; бѣі-ти, бѫдѫ и т. п.
6. п: Рус. драть: Пол. drapać; Рус. сѣять: сыпать; таять: топить; Ц. Сл. тѧти: Чеш. tepati, ср. топоръ; Серб. трајати: Рс. терпѣть и т. п.
7. б: длато: Рус. долбить и т. п.
8. т: чоути: Чеш. cititi; Рус. терять: тратить и т. п.
9. д: рюти: рѣідати; нѣіти: нѫдити и т. п.
10. к: Рус. чаять: Пол. czekać; рюти: рѣікати; тѣіти: тоукъ и т. п.
11. г. Рус. мотать: Пол. gmatwać; Рус. драть: дергать и т. п.
12. х: Рус. баять: бахорить; чуть: чихать; дремать: дрихнуть; ѣду: ѣхать; парить: порхать; вонять: нюхать и т. п.
13. с: кора: Пол. skòra; ср. Чеш. mrý: smrý; тати: тесать и т. п.

Шафарикъ привелъ въ своей статьѣ болѣе значительное число примѣровъ; мы выбрали самые рѣзкіе изъ ихъ числа, хотя и между приведенными многіе очень просто объясняются производствомъ расширенныхъ глагольныхъ темъ отъ именъ, образованныхъ различными суффиксами: напр. пять: пялъ: пялить; чоу-ти: чоутъ: cititi и т. п. Но нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ не могутъ быть объяснены иначе, какъ допущеніемъ гипотезы Шафарика объ образованіи вторичныхъ корней путемъ приставки согласныхъ къ первичному коренному созвучію.

Употребленный Шафарикомъ пріемъ разложенія корней вторичныхъ, посредствомъ отсѣченія позднѣйшихъ наростовъ отъ созвучія первоначальнаго, въ довольно широкой степени примѣняется современными лингвистами. Такъ напр. Шлейхеръ [1]) считаетъ возможнымъ разсѣкать даже такіе плотные и простые корни, какъ: ju-g (jungo), ma t (мѣрить), ma-n (мьнѣти), ga-n (родиться), ka-k (kochen), gi-g (жить), считая конечные согласные позднѣйшими наростами, не существовавшими въ соотвѣтствующихъ первичныхъ корняхъ.

Въ приложеніи къ Славянскому языку далѣе всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи г. Микуцкій, который помѣстилъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, за послѣдніе годы, цѣлый рядъ этимологическихъ этюдовъ, сосредоточенныхъ на операціи сѣченія корней вторичныхъ и выдѣленіи изъ нихъ созвучій первичныхъ. Г. Микуцкій считаетъ возможнымъ подводить къ одному корню слова самыя разнородныя, напр. отъ корня: ка, ки, ку (sonare) производятся, по его теоріи, слова: кавка, качка, куръ, кокошъ, комонь, хомякъ, шмель, кобза; отъ корня: да, ди, ду: дѣти (говорить), дума, дика, (Серб. слава), дуда, дубасить; отъ корня: ша, ши, шу, (са, си, су): шагать, шатать, шаркать, шипѣть, шушукать; отъ корня: ва, ви, ву: Ваьъ (говорящій), велѣть, вопить, выть. Цѣлый рядъ коренныхъ на видъ славянскихъ словъ авторъ разлагаетъ, отсѣкая то начальные звуки (какъ префиксы), то конечные (какъ суффиксы). Такъ напр. префиксъ я (а) открытъ имъ въ словахъ: яворъ, ящерица, ягода, jaskynia (Пол.); префиксъ ка, ко, ку въ словахъ: каверза, канура, кайма, ковылять, колебать, (за)коулокъ, кувыркать, кумиръ, Куява, чумазый; суффиксъ ста, ска, зда въ словахъ: блистать, свистъ, полоскать, плескъ, доска, звѣзда, узда и т. п. Нельзя сказать, чтобы всѣ этимологическія догадки г. Микуцкаго могли выдержать строгую критику; но нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ нихъ потвердятся дальнѣйшими изслѣдованіями.

До сихъ поръ мы говорили о качествѣ Славянскихъ корней или звуковомъ ихъ построеніи; коснемся теперь мимоходомъ вопроса объ ихъ количествѣ.

Аббатъ Іосифъ Добровскій, въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи: Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, впервые исчислилъ въ морфологическомъ распорядкѣ всѣ корни Славянскаго языка,

1) Compendium, 1868 г. 314 стр.

открытые его анализомъ словъ. Такихъ корней оказалось 1605, изъ коихъ 72 простѣйшаго строенія (I классъ: одинъ гласный, съ предшествующимъ ему согласнымъ или безъ него), 655 болѣе сложнаго (II кл. гласный съ двумя согласными, изъ коихъ первый можетъ быть замѣненъ начальнымъ гласнымъ) и 878 еще сложнѣйшаго построенія (III классъ: гласный съ тремя, четырьмя, пятью согласными, изъ коихъ первый можетъ иногда слиться съ начальнымъ гласнымъ). Добровскій сознается впрочемъ (Institutiones, 1852 г. 255 стр.), что нѣкоторые корни третьяго класса могли бы быть отнесены ко второму, или совсѣмъ опущены, такъ что число ихъ было-бы уменьшено. Дѣйствительно, если-бы 1605 корней Добровскаго удалось разложить на ихъ элементы, то число это навѣрное уменьшилось бы въ половину для корней первичныхъ. По методу г. Микуцкаго можно бы дойти и до одной сотни праславянскихъ корней, но мы чувствовали бы себя тогда на почвѣ очень шаткой, если не фантастической. Лучше остановиться на 600—800 корней реальныхъ (какъ это сдѣлалъ г. Миклошичъ въ своемъ сочиненіи: Radices linguae Slavicae), чѣмъ строить этимологію на одной или двухъ сотняхъ корней очень гадательныхъ.

Б. Ученіе объ образованіи основъ.

Языкъ корней, какимъ несомнѣнно былъ Праарійскій и какимъ донынѣ остается Китайскій, есть первый и самый несовершенный лепетъ человѣка. Форма этихъ корней была очень проста, а значеніе—неопредѣленно какъ по объему, такъ и по содержанію. Лишь при помощи указательныхъ жестовъ, мимики и разнообразной интонаціи голоса возможно было этими немногими сотнями созвучій обозначить простѣйшія понятія и выразить ихъ элементарныя логическія отношенія.

Геній большей части языковъ міра не остановился на этой первой ступени развитія словъ. Корни стали расти и развиваться, путемъ то взаимныхъ соединеній, то разныхъ образовательныхъ приставокъ: языки корневые (I-го морфологическаго класса) перешли въ приставочные (II-го класса), а эти въ свою очередь поднялись въ нѣкоторыхъ семьяхъ народовъ еще ступенью выше, ставъ языками флексивными (III-го класса).

Важнѣйшимъ, а быть можетъ и единственнымъ, способомъ развитія изъ корней основъ, а изъ послѣднихъ словъ, является въ языкахъ Арійскихъ система аффиксовъ, или расширеніе коренныхъ созвучій разными приставками, въ началѣ (префиксы), срединѣ (инфиксы), или концѣ (суффиксы) тѣхъ созвучій.

Аффиксы могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ:

1. съ генетической, по ихъ происхожденію;
2. съ морфологической, по звуковой формѣ;
3. съ симазіологической, по внутреннему значенію.

Въ нашемъ очеркѣ могутъ найти мѣсто лишь первыя двѣ части ученія объ аффиксахъ; третья же должна быть излагаема въ ученіи о функціяхъ или симазіологическомъ отдѣлѣ грамматики.

Такъ какъ матеріалъ языка состоялъ первоначально изъ однихъ корней, то уже a priori можно утверждать, что развитіе языка совершалось разнообразнымъ скрещиваніемъ коренныхъ созвучій. Звуки отдѣльные, не захваченные процессомъ кристаллизаціи корней, не могли принять участія въ этимологическомъ развитіи словъ; если же они и появляются иногда въ составѣ послѣднихъ, то лишь въ видѣ эвфоническихъ вставокъ, лишенныхъ динамическаго значенія. Но такъ какъ аффиксы играютъ въ составѣ словъ роль элементовъ не механическихъ, а динамическихъ, служатъ цѣлямъ не эвфоніи, а этимологіи, то они могли образоваться не изъ отдѣльныхъ и разрозненныхъ звуковъ, а изъ значащихъ звукосочетаній, т. е. изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней.

Языки флексивные (III кл.) отличаются въ этомъ отношеніи отъ приставочныхъ (II кл.) лишь тѣмъ, что составные элементы основъ и словъ (т. е. корни) въ языкахъ III-го класса срослись тверже и объединились полнѣе, чѣмъ въ языкахъ II-го класса.

Какіе же корни сближались при этомъ между собою и какую роль игралъ каждый изъ нихъ въ составѣ основы и слова?

Процессъ мышленія заключается въ обобщеніи частностей, въ преобразованіи матеріи представленій въ логическую форму понятій и сужденій. Представленіямъ мысли соотвѣтствуютъ корни языка; понятіямъ же—основы и слова. Какъ въ понятіи соединяется извѣстный матеріальный образъ съ логической формой, подъ которой онъ мыслится, такъ и въ словѣ кромѣ матеріальнаго корня существуетъ еще звуковой показатель извѣстной логической категоріи или—показатели категорій.

На разсвѣтѣ человѣческаго сознанія, въ представленіяхъ дѣтей, эти двѣ стороны понятій (матеріальная и формальная) не различаются особенно ясно: отвлеченное мыслится образно, между конкретнымъ и абстрактнымъ почти не замѣчается различій. Тоже и въ дѣтствѣ языка. Не было еще словъ,—были только корни; и эти корни были знаками извѣстныхъ представленій, неясныхъ, неоформенныхъ.

Уже во второй періодъ развитія мысли и языка начинается все болѣе строгое разграниченіе предметовъ природы, качествъ явленій и дѣйствій жизни съ одной стороны, а ихъ отношенія къ мысли, къ лицамъ говорящему, слушающему и третьему—съ другой. Тутъ-то выдѣляются корни знаменательные (знаки предметовъ, качествъ, дѣйствій и т. п.) и корни служебные (знаки логическихъ отношеній). Первые легли впослѣдствіи въ основу частей рѣчи глагольно-именныхъ, а вторые—мѣстоименныхъ и частичныхъ.

Такъ параллельно противоположностямъ мыслящаго и мыслимаго, субъекта и объекта, формальнаго и матеріальнаго—развился въ самыхъ зернахъ рѣчи или корняхъ дуализмъ, который отразился затѣмъ на всемъ дальнѣйшемъ построеніи языка.

Первымъ обнаруженіемъ этого сознанія или чувства противоположности корней знаменательныхъ и служебныхъ,—объективныхъ и субъективныхъ, былъ процессъ образованія изъ корней основъ и словъ. Хотя фактъ образованія нѣкоторыхъ именныхъ и глагольныхъ темъ посредствомъ удвоенія корня (*тотъ*, *прапоръ*, *глаголь* и т. п.), причемъ первый членъ редупликаціи играетъ роль префикса (какъ увидимъ ниже), показываетъ, что геній языка могъ-бы употреблять всякаго рода корни (т. е. какъ субъективные, такъ и объективные) для цѣлей формативныхъ; однако болѣе удобнымъ оказался другой путь, по которому и пошли въ своемъ развитіи всѣ Арійскіе языки: въ показатели отношеній или въ аффиксы словъ избраны изъ всего запаса корней лишь немногіе, именно самые отвлеченные, мѣстоименные корни. Ихъ соединеніе съ корнями объективными (глагольно-именными) составляетъ руководящее начало словообразованія въ языкахъ Арійскихъ.

Такимъ образомъ каждая Арійская основа и каждое слово представляетъ соединеніе по меньшей мѣрѣ двухъ корней, изъ коихъ одинъ долженъ быть мѣстоименнаго происхожденія.

Конечно, этотъ основный законъ Арійской морфологіи допускаетъ нѣкоторыя уклоненія; но число ихъ очень незначительно въ сравненіи съ массою образованій нормальнаго типа.

Во многихъ случаяхъ наука не успѣла еще дойти до первыхъ элементовъ слова, вслѣдствіе чего и происхожденіе многихъ аффиксовъ не разъяснено окончательно; однако аналогія заставляетъ предполагать прономинальное происхожденіе тѣхъ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ явныхъ примѣтъ противнаго.

Наконецъ должно замѣтить, что даже тѣ аффиксы, которые несомнѣнно произошли изъ корней объективныхъ (напр. суффиксы: греч. ειδης, лат. fex, нѣм. heit, и т. п.), въ этой роли совершенно теряютъ прежнее свое значеніе, сокращаются въ звукахъ, обобщаются въ смыслѣ и такимъ образомъ нерѣдко совершенно примыкаютъ, какъ формой, такъ и значеніемъ, къ аффиксамъ прономинальнаго происхожденія.

Добытый приведенными соображеніями результатъ о происхожденіи аффиксовъ изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней мѣстоименнаго значенія подтверждается фактами исторической грамматики всѣхъ Арійскихъ языковъ.

I. *Префиксы* Арійскихъ основъ и словъ, сохранившись цѣльнѣе суффиксовъ, возбуждаютъ мало сомнѣній относительно своего происхожденія.

Изъ всѣхъ обычныхъ Арійскихъ префиксовъ лишь одинъ авгментъ (Греч. ε, Санскр. a) могъ-бы показаться несамостоятельнымъ словомъ. Однако и онъ удовлетворительно объясняется изъ мѣстоименнаго корня a, являвшагося также въ видѣ предлога или нарѣчія [1]). Что касается всѣхъ остальныхъ префиксовъ, то мѣстоименные ихъ корни не подлежатъ сомнѣнію. Шлейхеръ [2]) утверждаетъ даже, что большая часть префиксованныхъ глаголовъ представляетъ результатъ очень поздняго и слабаго сопоставленія (Zusammenrückung) двухъ самостоятельныхъ словъ (а не основъ или корней), изъ коихъ первое бываетъ обыкновенно окаменѣлостью извѣстной падежной формы, напр. въ abs-tineo, гдѣ abs есть застарѣлый родит. падежъ. Слабое сцѣпленіе предложныхъ префиксовъ съ глаголами явствуетъ изъ того, что въ Греческомъ авгментъ нерѣдко вставляется въ средину такихъ соединеній: ἐξ-έ-πεσον.

Въ Славянщинѣ нѣтъ авгмента, но глаголы съ предложными префиксами представляютъ явленіе очень обычное. Самостоятельное

1) Schleicher, Compendium, 752 стр.

2) ibid. 348.

происхожденіе такихъ префиксовъ, какъ: **въ, вы, възъ, до, за, изъ, на, надъ, объ, отъ, по, подъ, при, про, прѣ, разъ, съ**, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ большая ихъ часть и теперь употребляются нерѣдко въ роли самостоятельныхъ словъ (предлоговъ); субъективное же значеніе лежащихъ въ основѣ этихъ префиксовъ корней доказывается какъ традиціоннымъ ихъ значеніемъ, такъ и звуковымъ сближеніемъ со многими обычными мѣстоименными корнями.

Гораздо труднѣе опредѣлить происхожденіе тѣхъ префиксовъ, которые, какъ выше показано, открываются въ составѣ нѣкоторыхъ простыхъ, на первый взглядъ, именныхъ темъ, напр. **я**-щерица, **ко**-нура, **чу**-мазый; но аналогія другихъ фактовъ языка заставляетъ насъ предположить и здѣсь древніе прономинальные корни.

Изъ среды префиксовъ въ особую группу выдѣляются тѣ изъ нихъ, которые образовались путемъ *редупликаціи* корня. Это явленіе особенно часто встрѣчается въ языкахъ первобытныхъ, въ рѣчи дѣтей и дикарей, а также въ говорахъ народныхъ. Это самый легкій способъ усилить смыслъ корня, расширить его въ отношеніи пространственномъ либо временномъ, или наконецъ остановить на немъ особое вниманіе слушателя. Всего чаще встрѣчается редупликація въ образованіи основъ изъ корней звукоподражательныхъ:

кукушка, кукурику, перепелка, зегзица, чечетъ; **бѣбынъ, хохотъ, глаголъ, клаколъ** (колоколъ), дудка; люлюкать, гагати (Чеш. о гусяхъ), жужжать, сосать.

Тоже явленіе повторяется при звукоподражательныхъ корняхъ другихъ Арійскихъ языковъ:

Лат. turtur, upupa, tintinnabulum, susurrus; ululare, murmurare;
Греч. λαίλαψ, ὀλολύζω, ἀλαλάζω;
Нѣм. klingklang, wirrwar.

Есть однако не мало случаевъ удвоенія корней, не имѣющихъ звукоподражательнаго характера:

мама, папа, няня; ляля (Пол. кукла); пепелъ, прапоръ, хохолъ, титька, папоротникъ.

Эти образованія параллельны слѣдующимъ иностраннымъ: Лат. me(r)mor, pi(r)per, bibo, sisto; Франц. joujou, bonbon; πίπτω, δίδωμι, γι(ν)γνώσκω, ἀραρίσκω и т. п.

Еще далѣе отъ звукоподражательныхъ—корни мѣстоименные; однако и тутъ встрѣчаемъ факты удвоенія: тотъ, сесь, какъ; ср. Лат. sese, memet.

Но особенно часто употреблялось удвосніе, какъ морфологическій пріемъ, при образованіи темъ прошедшаго времени, въ языкахъ: Санскр., Зенд , Греч., Лат. и Готскомъ, при чемъ первый членъ редупликаціи сильно сокращался, по требованіямъ эвфоніи: momordi, spopondi, tetigi, pupugi; γέγραφα, δέδορκα, πέπομφα и т. п.

Славянскому языку чуждъ былъ этотъ пріемъ образованія прошедшаго; но есть доказательство, что не противорѣчитъ духу и Славянскаго языка обозначеніе посредствомъ редупликаціи явленій или дѣйствій, передвигаемыхъ какъ бы въ даль прошедшаго или будущаго времени, напр. пра-дѣдъ: пра-пра-дѣдъ; пра-внукъ: пра пра-внукъ.

Главное отличіе префиксовъ, образованныхъ удвоеніемъ корня, отъ обычныхъ, заключается въ томъ, что мы встрѣчаемъ въ основаніи первыхъ корни главнымъ образомъ объективные (знаменательные), тогда какъ въ основѣ вторыхъ лежатъ, какъ мы видѣли, корни субъективные; сходство же тѣхъ и другихъ заключается не только въ мѣсторасположеніи обоихъ элементовъ темы (первый—формативный, второй же—матеріальный), но и въ значеніи или функціи каждаго изъ нихъ. Первый слогъ удвоеннаго корня является чистымъ аффиксомъ по своему значенію, такъ какъ онъ даетъ основному слогу лишь извѣстное логическое опредѣленіе (пространственное, временное, интензивное и т. п.), не измѣняя матеріальной стороны его значенія. Вотъ почему на редупликацію необходимо смотрѣть, какъ на одинъ изъ видовъ образованія основъ посредствомъ префиксовъ.

II. Гораздо рѣже префиксовъ употребляются и труднѣе объясняются *инфиксы* Арійскихъ основъ. Самый распространенный ихъ видъ представляетъ ринезація нѣкоторыхъ глагольныхъ корней въ темахъ настоящаго времени: сѣс-ти: сѧдѫ; леш-ти (лег-ти): лѧг-ѫ; обрѣс-ти: об-рѧшт-ѫ; бы-ти: бѫ-д-ѫ.

Еще чаще встрѣчается это явленіе въ морфологіи языковъ классическихъ: μα-ν-θ-άνω, λα-μ-β-άνω; jn-ŭ-g-o, ru-m-p-o.

Въ Санскритѣ въ соотвѣтствующихъ формахъ нерѣдко встрѣчается слогъ: на, напр. ju-na-k-ti (jungit) [1]) и т. п. Быть можетъ этотъ слогъ и соотвѣтствуетъ древнѣйшей формѣ Арійскаго инфикса, мѣстоименнаго значенія (ср. онъ, насъ и т. п.).

---

1) Schleicher, Compend. 766.

Есть въ Славянскомъ языкѣ одинъ случай полнаго инфикса на (но) въ именной темѣ: мъ-но-г-ъ. При сравненіи съ Лат. mag-nu-s оказывается, что здѣсь—корень mag, расширенный аффиксомъ na. Послѣдній является инфиксомъ, кромѣ Славянскаго, и въ Готскомъ: ma-na-ga (нѣм. ma-n-ch). Въ виду одиночности примѣра (ср. впрочемъ Греч. βένθ-ος: βάθ-ος: τύμπ-ανον: τύπ-τω) можно предположить здѣсь и позднѣйшую перестановку суффикса внутрь корня. Шлейхеръ [1]) склоненъ такъ-же объяснять и всѣ вышеприведенныя явленія ринезаціи корней въ темахъ наст. времени, основываясь при этомъ какъ на несогласіи типа инфиксовъ съ господствующимъ морфологическимъ принципомъ Арійскихъ языковъ (корень+суффиксъ), такъ и на нѣкоторыхъ примѣрахъ, гдѣ инфиксамъ однихъ языковъ соотвѣтствуютъ суффиксы другихъ, напр. Санскритск. ki-ná-d-mi: Греч. σκίδ-νη-μι. Нельзя однако считать это предположеніе доказаннымъ, такъ какъ въ послѣдняго рода примѣрахъ, даже будь ихъ много, столько же основаній считать переставленнымъ инфиксъ, какъ и суффиксъ; что же касается абсолютнаго несогласія формы инфиксовъ съ обычнымъ типомъ Арійскихъ темъ, то это еще вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ и въ обратномъ смыслѣ, если напр. форма инфиксовъ окажется, что очень вѣроятно, въ явленіяхъ динамическаго движенія кореннаго гласнаго, къ которымъ теперь переходимъ.

Въ Славянскомъ, какъ и въ другихъ Арійскихъ языкахъ, существуетъ цѣлый рядъ параллельныхъ формъ, различныхъ между собою единственно вокальнымъ элементомъ корня. Сравнивая между собою различные гласные этихъ параллельныхъ корней и основъ, мы замѣчаемъ между ними постоянное и правильное соотвѣтствіе, при чемъ наблюдается иногда различіе корней закрытыхъ и открытыхъ. Мѣняются вообше между собою слѣдующіе элементы:

1) ь: е, а; е: о; о: а;

2) ь: и; и: ѣ, ой, ай; ѣ: а;

3) ъ: ѫ, оу; ѫ: оу; ѫ: ъв, ав; оу: ов, ав; ю: ьв,ев; ѫ, оу: ва;

4) ѧ: ѧ.

---

1) Compend. 765.

Примѣры:

1. ь. е, а: рьци: рекѫ; жьгѫ: ожегъ; мрькнѫти: мракъ; врьтѣти: вратити;
   е: о: нести: вѫносъ; везти: возъ; вести: воєвода; тешти: токъ, патока; велѣти: волѫ; решти: пророкъ; грести: гробъ;
   о: а: точѫ: истачаѫ; клонити: покланѫтисѧ;
2. ь: и: пьстръ: писати; мьнѣти: поминати; цвьсти: процвитати; дьрати: дира (или дърати: дѫра?);
   и: ѣ: липнѫти: лѣпъ; висѣти: вѣсъ; обидѣти: бѣда; вити: вѣньць;
   и: ой, ай (въ основахъ открытыхъ): бити: бой; вити: повой; лити: лой; пити: поити, напаѫти; почити: покоити, оупокаѫти;
   ѣ: а: ѣсти: ѫдъ; сѣсти: садъ; рѣзати: образъ, разити; лѣзти: лазити; влѣшти: облакъ;
3. ъ: ѫ, оу: сълати: посѫлати; осъпа· сѫпати; мъшица: моуха; бъдѣти: боудити; зъвати: назѫвати; ръдѣти: рѫждь, роуда, бъчела: бѫкъ, боучати; замъкнѫти: мѫнати;
   ѫ: оу: тѫти. тоукъ; дѫшати: доушити; привъкнѫти: приоучати;
   ѫ. ъв, ав. (въ основахъ открытыхъ): рѫти: ръвъ; тѫти: отава; забѫти: забъвенъ, забава;
   оу: ов, ав (въ основахъ открытыхъ): слоути: слово, слава; плоути· пловьць, плавь; коути: ковъ, ковачь; троути: отровъ, отрава, трава; ср. сноути: основа; крѫти: кровъ;
   ю· ьв, ев (idem): рюти. ревѫ; плюнѫти: пльвати;
   ѫ, оу: ва (въ основахъ закрытыхъ): кѫснѫти: квасъ; хѫтити: хватъ; хоулити: хвала? ср. Хър-съ: Свар-огъ?
4. ѧ: ѫ: вѧзати: ѫзѫ; мати: мѫка; пати. пѫто; штѧдѣти: скѫдьнъ; трѧсти: трѫсъ; тѧгнѫти· тѫга.

Сравнительная фонетика Арійскихъ языковъ учитъ, что въ основѣ перваго (1) ряда параллельныхъ паръ лежитъ праарійскій звукъ а, въ основѣ втораго (2) i, а третьяго у; но такъ какъ въ Славянскомъ языкѣ не только чувство, но и память о древней роли названныхъ трехъ празвуковъ давно простыла, то нѣтъ основанія распространяться объ нихъ въ морфологіи нашего языка. Важнѣе разсмотрѣть характеръ существующихъ въ Славянскомъ языкѣ и чувствуемыхъ понынѣ перегласовокъ, какъ одного изъ морфологическихъ средствъ языка.

Сравнивая вышеприведенныя пары формъ, мы замѣчаемъ, что второй членъ всюду представляется усиленіемъ или расши-

реніемъ перваго, какъ по звукамъ, такъ и по значенію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это усиленіе гласнаго звука корня представляется совершенно наглядным и неоспоримымъ, въ замѣнѣ напр. гласныхъ глухихъ чистыми (ь: е; ъ: и; ъ: ѫ, оу), или простыхъ—дифтонгами (и: ѣ, ой, ай; ъ: ѫ, оу, ов, ав, ва). Никто не станетъ оспаривать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ динамическимъ усиленіемъ гласнаго. Труднѣе доказать тоже самое по отношенію къ равносильнымъ на видъ парамъ звуковъ: е: о; о: а; ѣ: а; ѧ: ѫ; однако аналогія перваго рода перегласовокъ заставляютъ насъ предположить, что и здѣсь вторые члены паръ представляютъ звукъ болѣе сильный въ сравненіи съ первыми. Въ этомъ насъ поддерживаетъ и болѣе интензивный смыслъ вторыхъ формъ, въ сравненіи съ первыми, заключающійся въ измѣненіи напр. глаголовъ непереходныхъ въ переходные (бъдѣти: боудити; висѣти; вѣшати; кꙑснѫти: квасити; привꙑкнѫти. приоучати, сѣсти: садити), или длительныхъ въ учащательные (плоути: плавати, вести: водити; лѣзти лазити), а также въ образованіи изъ глагольныхъ корней именныхъ темъ, при чемъ происходитъ сосредоточеніе зыбкаго дѣйствія или состоянія глагольнаго въ болѣе опредѣленное и энергическое именное (напр. вести: воѣвода; решти: пророкъ; съпрашти: сѫпрѫгъ; трасти: трѫсъ).

Такимъ образомъ морфологическое значеніе паръ: е. о; о· а; ѣ: а; ѧ: ѫ ничуть не разнится отъ паръ: ь: е; и. ѣ,—т. е. гласные твердые о, ѫ являются, для субъективнаго чувства славянскаго языка, сильнѣе гласныхъ мягкихъ или небныхъ е, ѧ; срединная же гласная а оказывается сильнѣе не только древняго дифтонга о (а+у), но и новаго ѣ (а+і). Быть можетъ такая сила этого звука въ данныхъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ здѣсь долгимъ (т. е. соединеніемъ а+а). Что же касается причины перевѣса дифтонга оу надъ ѫ, то она можетъ заключаться въ томъ, что одинъ изъ элементовъ послѣдняго есть небный (ѫ ъ+і), тогда какъ въ первомъ оба составные гласные были твердые (оу: а+у).

Какъ бы то ни было, изъ приведенныхъ соображеній слѣдуетъ, что образованіе многихъ основъ (особенно именныхъ) совершается въ Славянскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ Арійскихъ, посредствомъ динамическаго движенія или усиленія кореннаго гласнаго.

Въ какомъ же отношеніи находится этотъ способъ образованія основъ къ господствующему въ Арійскихъ языкахъ морфологическому пріему аффиксаціи корней?

Сравнивая многія изъ вышеприведенныхъ параллельныхъ формъ

между собою, мы замѣчаемъ во вторыхъ членахъ паръ родъ вставочнаго а. Всего нагляднѣе это видно въ звукосочетаніяхъ: ой, ай вм. и; ов, ав, ва вм. ы, оу. Формы напр. пои-ти, на-пати, благословити, прославлати, квасъ, при сопоставленіи съ корнями: пи, слоу, кыс, обличаютъ присутствіе въ себѣ вставочнаго а: пи. на-п-а-и-ати; слоу (χλύ-ω): сл-а-в ити; коус: кв-а-с-ъ, или его замѣнителя о: п-о-и-ти, сл-о-в-и ти.

Тотъ же элементъ а можно открыть и въ формахъ: лѣп-ъ, боуд-ити, при сравненіи съ корнями: лип, бъд, такъ какъ изъ Славянской фонетики извѣстно, что ѣ и оу были встарь дифтонгами, состоявшими изъ соединенія гласныхъ звуковъ: а+і; а+у. Ничего нѣтъ несообразнаго и въ томъ предположеніи, что въ общемъ замѣнителѣ звуковъ о и ѣ: а скрывалось двойное (долгое) а, при чемъ одно а представляло вставочный въ корень слогъ.

Если же допустить подобную вокальную вставку по отношенію ко всѣмъ исчисленнымъ темамъ, то нельзя считать изъятіемъ изъ общаго правила тѣ немногія основы, гдѣ нѣтъ столь явныхъ слѣдовъ вставочнаго а, напр. при усиленіяхъ: ь: е (а+і?); ь: и; е: о; ѧ: ѫ.

Предположеніе о вставочномъ а въ темахъ, образованныхъ усиленіемъ кореннаго гласнаго, потверждается еще тѣмъ явленіемъ, которое въ Санскритской грамматикѣ извѣстно подъ названіемъ: гуна и вридди. Оно состояло въ усиленіи исконныхъ гласныхъ а, і, у приставкою элемента а, одиночнаго или двойнаго, и играло въ Санскритѣ роль, аналогичную изложенному динамическому движенію гласныхъ въ Славянскомъ языкѣ.

Итакъ образованіе темъ посредствомъ усиленія кореннаго гласнаго есть родъ инфикса, аналогичнаго ринезаціи того же кореннаго гласнаго. Что же касается первоначальнаго значенія вставочнаго гласнаго а, то всего естественнѣе видѣть въ немъ тотъ указательный мѣстоименный корень, который появляется въ Санскр. и Греческомъ глаголахъ, въ видѣ префикса, называемаго авгментомъ (а, е).

III. Впрочемъ, если даже признать усиленіе гласныхъ за инфиксы и допустить такимъ образомъ этотъ способъ образованія основъ въ Арійскихъ языкахъ, а слѣд. и въ Славянскомъ, то все таки господствующимъ морфологическимъ принципомъ этихъ языковъ необходимо будемъ считать развитіе корней не префиксами или инфиксами, а—*суффиксами*. Это видно уже изъ того, что, хотя въ Арій-

скихъ языкахъ существуетъ много основъ, образованныхъ посредствомъ префиксовъ и инфиксовъ, однако существуетъ много и такихъ, которыя не имѣютъ ни того, ни другаго; между тѣмъ образованіе изъ темъ словъ совершается спеціально и исключительно посредствомъ суффиксовъ, такъ что не существуетъ въ этихъ языкахъ ни одного слова безъ явнаго или скрытаго суффикса.

Число элементовъ, которые фигурируютъ въ роли суффиксовъ, очень велико. Миклошичъ, посвятившій ученію объ образованіи основъ цѣлый (II-й) томъ своей „Сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ [1])“, насчиталъ въ нихъ до 185 суффиксовъ, которыми образованы именныя основы. Если-бы прибавить къ этому суффиксы темъ глагольныхъ, а также суффиксы словъ (т. е. показатели падежей, чиселъ, лицъ), то число этихъ элементовъ превысило-бы двѣ сотни. Конечно, въ этомъ числѣ находится множество повтореній однихъ и тѣхъ же элементовъ, въ разнообразныхъ взаимныхъ соединеніяхъ; если-бы выдѣлить изъ этой массы одни первичные и основные элементы, то ихъ число едва-ли превзошло-бы четыре—пять дюжинъ.

Грамматическій анализъ Боппа и его учениковъ доказалъ, что въ суффиксахъ скрываются самостоятельные первоначально корни, субъективнаго значенія. Такъ напр. личныя окончанія глаголовъ (ѭс-мь, ѭ(с)-си, ѭс-ть) почти совершенно совпадаютъ съ корнями личныхъ (мѧ, тꙑ: σύ) и указательнаго (тъ) мѣстоименій. Суффиксы наклоненій, напр. conjuct. a, optat. ja, i, infin. re(se), ti, находятся въ сродствѣ съ субъективными корнями: a, ja, sa, ta; суффиксы залоговъ (Лат. r=se; Слав. сѧ) совпадаютъ съ корнемъ возвратнаго мѣстоименія; суффиксы временъ произошли то отъ субъективнаго глагольнаго корня: ѭс (as-mi; ср. Аор. Греч. σα, Сл. съ, хъ; Futur. Греч. σω, Лат. ero, Слав. шѧ), то отъ отвлеченныхъ же корней. бꙑ (bhu, fu: Лат. bam, bo), дѣ (dhâ, θη: Греч. Аор. Стрд.) и т. под.

Тоже въ именныхъ образованіяхъ. Какъ ни загадочно еще происхожденіе многихъ падежныхъ напр. формъ, однако связь ихъ съ мѣстоименными корнями (sa, ta, ma, na и др.) не оспаривается

---

1) Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Zweiter Band Stammbildungslehre. Wien. 1875. XXI стр.

даже такими осторожными лингвистами, какъ Яковъ Гриммъ [1]). Въ суффиксахъ же темъ, между которыми преобладаютъ элементы: т, к, н, м, в, й и др. нельзя не открыть сродства съ тѣми субъективными корнями, которые появляются въ мѣстоименіяхъ: **то, къто, нашь, мой, овъ, иже** и т. п.

Такимъ образомъ, подобно префиксамъ, Арійскіе суффиксы произошли отъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, субъективнаго значенія. Если же и встрѣчается нѣсколько суффиксовъ, производныхъ отъ корней объективныхъ, каковы напр. Греч. ειδης, εργος, φορος; Лат. fex, spex, dicus, ficus; Нѣм. heit (haidus: образъ бытія), schaft (schaffen), thum (dôm: судъ, господство), bar (φέρω); Слав. **ликъ** (ср. нѣм. lich, gleich); то во 1. эти слоги въ роли суффиксовъ совершенно потеряли свой первоначальный объективный смыслъ, а 2. слова съ этими суффиксами представляютъ соединеніе двухъ не корней, а темъ, т. е. являются не простыми, а сложными словами.

Выше замѣчено, что при общемъ единствѣ происхожденія всѣхъ трехъ видовъ аффиксовъ (пре—,ин—и суффиксовъ) есть однако довольно существенное между ними различіе по той роли, какую играютъ префиксы и инфиксы съ одной стороны, а суффиксы съ другой въ процессѣ образованія слова. Первые образуютъ изъ корней основы, а вторые (суффиксы) и основы, и слова. Слѣдов. роль суффиксовъ въ морфологіи языка обширнѣе и разнообразнѣе роли префиксовъ и инфиксовъ. Оттого они заслуживаютъ и болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

По двоякой роли, какую играютъ суффиксы, они распадаются на два отдѣла: 1) на суффиксы основъ и 2) суффиксы словъ. Разсмотрѣніе первыхъ, подобно префиксамъ и инфиксамъ, относится ко второй части морфологіи (ученію объ основахъ); послѣдніе же (суффиксы словъ) должны быть выдѣлены въ особый отдѣлъ: ученіе объ образованіи словъ.

Но для того, чтобы выдѣлить тѣ отъ другихъ, необходимо усло-

---

1) Deut. Gram. 1870 г. стр. 753.

виться въ томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ *основою* (темою), а что подъ *словомъ?*

При тѣсной органической связи всѣхъ фазъ развитія слова, трудно бываетъ съ математическою точностію опредѣлить моментъ, гдѣ корень становится основой, а та—словомъ. Въ смыслѣ морфологическомъ основа тѣмъ отличается отъ корня, что кромѣ послѣдняго она заключаетъ въ себѣ еще аффиксъ, т. е. формативный элементъ, произошедшій изъ особаго (субъективнаго) корня; итакъ, если нормальный размѣръ корня составляетъ одинъ слогъ, то основа должна состоять по меньшей мѣрѣ изъ двухъ слоговъ. Слово же непремѣнно имѣетъ въ своемъ составѣ кромѣ корня еще суффиксъ. Но по этому признаку иногда было-бы трудно отличить основу отъ слова, если напр. первая тоже образована посредствомъ суффикса,—явленіе, очень обычное въ морфологіи; слѣдов. необходимо искать еще другаго признака для различенія основы отъ слова. Всего проще принять за такой признакъ мѣру развитія или степень реальности, достигнутую основою съ одной стороны, а словомъ съ другой. Существуетъ извѣстная аналогія въ отношеніяхъ корня къ основѣ, а послѣдней къ слову. Корень есть потенціальное зерно основы, какъ основа—слова. Основа есть нѣчто отвлеченное, неготовое, становящееся, утробное; слово же есть уже живой членъ живой рѣчи.

Аффиксъ основы можетъ стоять и въ срединѣ корня; но аффиксъ слова лишь въ концѣ его. Если въ образованіе извѣстной формы входитъ нѣсколько суффиксовъ, то всѣ они относятся къ основѣ, кромѣ послѣдняго. Такими являются въ именахъ суффиксы падежей и чиселъ, а въ глаголахъ—лицъ и чиселъ. Всѣ остальные суффиксы, какъ напр. суффиксы степеней сравненія въ именахъ, суффиксы видовъ, залоговъ, наклоненій и временъ въ глаголахъ, относятся къ образованію не словъ, а темъ, почему и могутъ быть названы тематическими, въ противоположность первымъ—лексическимъ. Суффиксы лексическіе называются иногда флексіями, хотя столь узкое пониманіе термина флексія не вполнѣ согласно съ его значеніемъ въ приложеніи къ цѣлому классу (III) языковъ, по морфологической классификаціи В. Гумбольдта и его послѣдователей.

Болѣе подробное объясненіе различія основъ и словъ по ихъ внутреннему значенію относится къ симазіологическому отдѣлу грамматики. Для нашей цѣли достаточно пока установить различіе

суффиксовъ тематическихъ и лексическихъ, и оправдать отнесеніе тѣхъ и другихъ къ различнымъ (2-му и 3-му) отдѣламъ морфологіи.

Второй важный вопросъ симазіологіи, который необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи суффиксовъ, заключается въ различеніи частей рѣчи склоняемыхъ и спрягаемыхъ, или именъ (въ обширномъ смыслѣ) и глаголовъ. Это различеніе не исконно въ языкѣ. Былъ періодъ, когда не было ни именъ, ни глаголовъ, или когда они не дифференцировались еще. Это было въ доисторическую пору жизни языковъ нашей семьи—въ эпоху корней. Китайскій языкъ и теперь не различаетъ въ словахъ категорій имени и глагола. Однако и въ этомъ эмбріологическомъ состояніи Праарійскаго языка лежали уже, безъ сомнѣнія, основанія для раздѣленія словъ на эти два отдѣла, такъ какъ иначе они не развились бы и впослѣдствіи. Что касается психическихъ основаній, легшихъ въ основу этой дифференцировки формъ языка, то онѣ представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Предметы природы и силы жизни дѣйствовали и дѣйствуютъ на человѣческое сознаніе двоякимъ образомъ: либо своими качествами, являющимися въ пространствѣ, либо дѣйствіями, совершающимися во времени. Трудно сказать, какою стороною природа и жизнь раньше и сильнѣе дѣйствовали на человѣческую душу: формами ли и свойствами своихъ тѣлъ, или энергіей своихъ силъ,—отношеніями ли тѣлъ въ пространствѣ, или измѣненіями явленій во времени? Вслѣдствіе того вопросъ о первенствѣ имени или глагола является неразрѣшимымъ. Несомнѣнно только, что дуализмъ матеріи и силы, пространства и времени, долженъ былъ такъ или иначе отразиться на содержаніи и формахъ языка, что и выразилось въ различеніи именъ и глаголовъ, формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Конечно, на физико-психической почвѣ человѣческаго языка этотъ дуализмъ не могъ развиться до контрастовъ столь непримиримыхъ, какъ въ метафизикѣ. Между именемъ и глаголомъ прошелъ цѣлый рядъ соединительныхъ звѣньевъ: такими являются инфинитивы и причастія, соединяющія въ себѣ измѣненія по категоріямъ пространственнымъ (падежи) съ временными; затѣмъ общая именамъ и глаголамъ категорія чиселъ, и наконецъ цѣлый рядъ общихъ суффиксовъ (лъ, мъ, нъ, тъ и т. п.) тоже представляютъ родъ моста между двумя полярностями въ области словъ.

Однако, при всѣхъ этихъ взаимодѣйствіяхъ и сближеніяхъ двухъ грамматическихъ категорій, все таки рѣзкая черта отдѣляетъ, какъ

по значенію, такъ и по формѣ, имена отъ глаголовъ. Однимъ именамъ свойственно обозначеніе пространственныхъ отношеній суффиксами падежей; въ однихъ глаголахъ встрѣчаемъ выраженіе личныхъ отношеній дѣйствія или явленія, посредствомъ суффиксовъ лицъ.

Итакъ, формы падежей и лицъ: вотъ существенные принадлежности именъ и глаголовъ, склоненій и спряженій. Но кромѣ этого основнаго различія развился еще цѣлый рядъ другихъ, уже болѣе спеціальныхъ особенностей, ихъ отличающихъ. Такъ имена развили категорію степеней сравненія, родъ количественнаго измѣренія качествъ и свойствъ; другія отмѣтили особыми суффиксами величину или малость предметовъ, а также способъ нашего—презрительнаго или ласкательнаго—къ нимъ отношенія. Глаголы, въ свою очередь, развили категорію отношеній временныхъ, модальныхъ, видовыхъ и т. п. Средствами для выраженія этихъ различныхъ отношеній служатъ преимущественно суффиксы—какъ тематическіе, такъ и лексическіе.

На основаніи приведенныхъ соображеній ученіе о строеніи Славянскихъ суффиксовъ считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ изложить въ слѣдующихъ рубрикахъ:

1. суффиксы основъ { а) *именныхъ*; б) *глагольныхъ*;
2. суффиксы словъ { а) *склоняемыхъ*; б) *спрягаемыхъ*.

I. *О суффиксахъ именныхъ основъ.* [1])

Такъ какъ суффиксы происходятъ изъ самостоятельныхъ корней, то нормальный размѣръ каждаго долженъ равняться одному слогу. Какъ же смотрѣть на многочисленные примѣры суффиксовъ о двухъ

1) Главнымъ пособіемъ при изложеніи этого отдѣла служилъ цитованный выше трудъ проф. Миклошича. Stammbildungslehre.

и болѣе слогахъ, таковы напр. Славянскіе суффиксы: атель, ьство и т. п. Очевидно, это должны быть комбинаціи нѣсколькихъ суффиксовъ, изъ которыхъ одинъ приставленъ непосредственно къ корню, а остальные—къ готовой уже темѣ. Перваго рода суффиксы прилично назвать первичными; а другіе—вторичными. Въ зависимости отъ того и основы распадаются на два отдѣла: первичныя и вторичныя.

Не всѣ комбинаціи суффиксовъ даннаго языка имѣютъ одинаковую сплоченность; но въ каждомъ языкѣ есть извѣстное число сочетаній очень частыхъ, привычныхъ, сросшихся такъ крѣпко, что чутью этого языка они представляются какъ-бы нераздѣльными. Такіе составные изъ нѣсколькихъ суффиксы будемъ называть, въ необходимыхъ случаяхъ, слитными, остальные же—сложными.

Суффиксы именныхъ основъ въ Славянскомъ языкѣ, по древнимъ его нормамъ, могутъ быть распредѣлены въ восемь слѣдующихъ группъ:

1. Суффиксы съ гласными;
2. „ „ іотомъ и в;
3. „ „ плавными: м, н, л, р;
4. „ „ зубными: т, д;
5. „ „ гортанными: к, г, х;
6. „ „ свистящими: ц, з, с;
7. „ „ шипящими: ч, ж, ш;
8. „ „ губными: п, б.

Между группами 1 и 2 существуетъ довольно близкое сродство, по легкости переходовъ гласныхъ і, у въ согласные й, в; столь же тѣсное отношеніе существуетъ между группами 5, 6, 7, такъ какъ свистящіе и шипящіе развились, большею частію, изъ гортанныхъ.

Суффиксы съ гласными.

На нихъ нужно смотрѣть, какъ на родъ разложенія древнихъ слоговыхъ суффиксовъ, предполагающихъ при гласномъ непремѣнно и элементъ согласный, хотя-бы то въ видѣ легкаго придыханія.

Довольно важную роль играютъ эти суффиксы въ образованіи темъ глагольныхъ (напр. тему съ характеромъ: а, ѣ, и, уа=ова); но и въ именахъ мы встрѣчаемъ ихъ нерѣдко въ чистомъ видѣ.

Такъ какъ въ Праарійскомъ языкѣ предполагается существованіе лишь трехъ гласныхъ празвуковъ: а, у, і, то и всѣ вокальные

суффиксы должны быть возводимы къ одному изъ этихъ звуковъ. Въ Славянскомъ языкѣ (по древнимъ нормамъ) находимъ, въ видѣ замѣнъ названныхъ гласныхъ, слѣдующіе вокальные суффиксы:

1. а: ъ, о, а;
2. у: ъ, ꙋ;
3. і: ь.

Такимъ образомъ суффиксъ а дифференцировался на три (ъ, о, а), при чемъ руководящимъ началомъ служила категорія рода (ъ: муж.; о: средн.; а: женск.); суффиксъ же у распался на два вида (ъ, ꙋ), тоже не безъ вліянія категоріи рода (ъ: муж.; ꙋ: жен.).

Самую обширную роль занялъ суффиксъ ъ. Онъ является главнымъ замѣнителемъ многочисленныхъ древнихъ основъ на а и большей части основъ на у. Въ первой роли онъ примыкаетъ къ суффиксу а и почти не отличенъ отъ суф. о; во второй же—сближается съ суф. ꙋ. Гораздо ограниченнѣе роль втораго краткогласнаго элемента ь, такъ какъ основъ съ суф. і всюду было очень немного.

Принимая этотъ видъ суффиксовъ (ъ, а, о; ъ, ꙋ; ь), мы избираемъ точкою отправленія при разсмотрѣніи именныхъ основъ форму именит. падежа. Можно бы, говоря теоретически, отправляться и отъ всякой другой падежной формы, такъ какъ всюду скрывается подъ нею одна и таже основа; но въ отношеніи практическомъ удобнѣе выдѣлять славянскія именныя основы съ вокальными позвуками изъ формъ именит. падежа, гдѣ онѣ являются почти въ чистомъ видѣ, по обычномъ отпаденіи падежнаго суффикса с (sa). Что же касается темъ съ позвуками согласными (ен, ес, ер, ент и т. п.), то необходимо имѣть въ виду при ихъ возстановленіи и формы падежей косвенныхъ.

Съ другой стороны, при разсмотрѣніи именныхъ основъ съ вокальными суффиксами, нельзя терять изъ виду ихъ отношенія къ первоначальнымъ кореннымъ гласнымъ. Во множествѣ случаевъ мы замѣчаемъ въ нихъ усиленіе послѣднихъ, по разсмотрѣннымъ выше законамъ славянскаго подъема звуковъ. Если смотрѣть на этотъ подъемъ, какъ на родъ инфикса, то придется признать усиленные подъемомъ коренаго гласнаго основы за первичныя. Вокальные суффиксы являются сдѣсь не первымъ, а вторымъ формативнымъ элементовъ, образуя такимъ образомъ родъ вторичныхъ, хотя очень древнихъ и прочныхъ основъ. Имѣя однако въ виду распространенность основъ съ инфиксомъ а (или съ усиленіемъ гласнаго элемента) и устано-

вившіяся привычки, мы будемъ условно называть ихъ корнями, а основы съ вокальными суффиксами—первичными.

Третье обстоятельство, которое имѣетъ значеніе при разсмотрѣніи вокальныхъ суффиксовъ, заключается въ томъ: къ какому корню (или древнѣйшей основѣ) они приставляются—открытому или закрытому? Явленія, происходящія въ первомъ случаѣ, сложнѣе тѣхъ, какія встрѣчаются во второмъ.

1. *Суффиксы*: **ъ** (**а**), **а**, **о**. Они могутъ приставляться къ корнямъ (праосновамъ) либо а) открытымъ, либо б) закрытымъ.

Если корень открытъ, то по приставкѣ къ нему вокальнаго суффикса происходитъ зіяніе (hiatus), которое должно быть устранено тѣмъ, или другимъ способомъ. Это совершается либо обращеніемъ въ согласный послѣдняго гласнаго въ корнѣ, либо вставкою эвфоническаго согласнаго. Перваго рода явленіе мы замѣчаемъ въ большинствѣ случаевъ, гдѣ корень имѣетъ позвучное **и**, **оу**, усиленное инфиксомъ **а**:

и: **бити**: **бои-ъ**, **бой-ъ**, **бой**; **гни-ти**: **гноі-ъ**, **гной-ъ**, **гной**;
оу: **плоу-ти**: **плау-ъ**, **плав-ъ**; **троу-ти**: **трау-а**, **трав-а**.

Отсутствіе **ъ** въ формахъ: **бой**, **покой**, **гной** не должно возбуждать въ насъ сомнѣній касательно суффикса этихъ формъ. Косвенные падежи показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основы, образованныя суффиксомъ **а** (**ъ**). Форма **бойъ** не встрѣчается въ памятникахъ Древнеславянскаго языка; однако она не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ его фонетикой, такъ какъ **й** (іотъ) есть звукъ согласный, слѣд. не только могъ, но и долженъ былъ имѣть послѣ себя гласный пазвукъ, подобно всѣмъ остальнымъ согласнымъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. **в**, въ вышеприведенныхъ случаяхъ) ничуть не отличны по силѣ своего согласнаго характера отъ іота. Причина опущенія этого **ъ** послѣ **й** могла быть двоякая: 1. ложный взглядъ не только Славянскихъ, но и другихъ древнихъ, а отчасти и новыхъ писателей на звукъ **й** (j), который, по своей близости къ гласному **и** (i), самъ казался гласнымъ, не будучи такимъ въ сущности; 2. общая слабость вокальныхъ пазвуковъ **ъ**, **ь** въ Древнеславянскомъ уже языкѣ, обнаруживающаяся въ частомъ ихъ опущеніи на письмѣ, особенно въ предложныхъ префиксахъ. Впослѣдствіи **ъ**, **ь** поотпадали въ пазвукахъ и при всѣхъ другихъ

согласныхъ; но это не даетъ права предполагать, будто и въ древнѣйшій періодъ Славянскаго языка они не имѣли самостоятельнаго звуковаго значенія. Тоже заключеніе позволительно сдѣлать о пазвукѣ **ъ** и послѣ іота. Что же касается перехода кореннаго гласнаго **и** въ согласный **й**, и **у** въ **в**, то это принадлежитъ къ явленіямъ очень обычнымъ въ Славянской фонетикѣ: иду: найду; понимаю: поймаю; ср. повелит. пей, бей, лей (при суфф. и: коли, вели, носи); **заоутра**: завтра и т. п.

Другой способъ устраненія зіянія заключается во вставкѣ эвфоническихъ согласныхъ: **й**, **в**. Это происходитъ обыкновенно при позвучномъ элементѣ **а**, изрѣдка же и при позвучныхъ: **и** (ѣ), **оу** (ꙑ):

а) **ба**: Рус. красно-бай; **ста**: **стай** (mansio); **ставъ**;
б) **ли**: **приливъ**; **пи**: **пиво**; **дѣ**: **чародѣй**; Рус. душегрѣя; припѣвъ;
в) **чоу**: **почоувъ** (sensus); **клювъ**; **строуꙗ**; **рѫкомꙑꙗ**, **гроборꙑꙗ**; ср. **кꙑй**, вой (**вꙑй**).

Въ послѣднихъ случаяхъ не всегда есть возможность отличить **й**, **в** эвфоническіе отъ этимологическихъ, а слѣд. суффиксъ **ъ** (**а**, **о**) отъ суффиксовъ ja, va, съ которыми мы встрѣтимся ниже. Единственною точкою опоры могло-бы служить при этомъ отличное значеніе темъ первыхъ отъ вторыхъ. Но при слабой разработкѣ симазіологіи Славянскихъ суффиксовъ и эта опора оказывается довольно шаткою. Въ сомнительныхъ случаяхъ гораздо надежнѣе считать элементы **й**, **в** этимологическими, чѣмъ эвфоническими, такъ какъ первые встрѣчаются гораздо чаще послѣднихъ. При томъ же въ наукѣ такъ часто злоупотребляли терминомъ „эвфонія", что ко всѣмъ ея явленіямъ нужно относиться съ большимъ скептицизмомъ.

На переходѣ отъ корней открытыхъ къ закрытымъ нужно поставить тѣ, гдѣ послѣднимъ элементомъ является одинъ изъ плавныхъ: **л**, **р**. Миклошичъ принимаетъ эти **л**, **р** за гласные, но памятники Древнеславянскаго языка показываютъ, что вокальный элементъ корней съ плавными заключался не въ послѣднихъ, а въ звукахъ **ъ**, **ь**, которые неизбѣжно появляются въ этихъ группахъ **влъкъ**, **съмрьть**. Несомнѣнно однако, что и плавные заключали въ себѣ столько самостоятельной силы, что роль гласныхъ (**ъ**, **ь**) могла доходить при нихъ до минимальныхъ размѣровъ. Это открывается изъ того, что гласные при группахъ, закрытыхъ плавными, являются элементомъ чрезвычайно летучимъ и измѣнчивымъ. Они являются то съ одной, то съ другой стороны плавнаго. **вал-ъ**, **влъ-на**, **вла-га**; **глаголъ**; Чеш. plapol-áti (пылать); **прапоръ**. Перегласовка кореннаго гласнаго при плав-

ныхъ (какъ въ открытыхъ, такъ и въ закрытыхъ слогахъ) гораздо свободнѣе обычныхъ нормъ движенія гласныхъ звуковъ въ Славянскомъ. Мѣняются между собой не только звуки: ь, ъ, а, ѣ, но и звуки: а: ѫ, и: ѭ.

Напр. а) **сльза** (рус. слеза): **слъза** (Серб. суза, Пол. łza); **мрък-нѫ**: **мракъ**; **облакъ облѣкати**;

б) **палити**: **пѫлъ**; **дира** (изъ: **дьрати**?) и **дѫра** (**дърати**?).

Но всѣ эти измѣненія гласнаго въ корнѣ нисколько не касаются суффикса, который сохраняетъ свой нормальный видъ: ъ, а, о: **пе(л)пелъ**; **раздоръ**; **дѫра**; **тьло**. Послѣднее замѣчаніе относится ко всѣмъ другимъ закрытымъ корнямъ. Вокальные суффиксы ложатся непосредственно на конечные согласные, при чемъ различія встрѣчаются лишь въ способахъ измѣненія кореннаго гласнаго, при динамическомъ его движеніи.

Такъ напр. гласный а остается при этомъ безъ измѣненія **закладъ**, **западъ**; **страда**; **влада**.

Гласный е то остается, то усиливается въ о

а) Рус. отекъ, ожегъ; опека; щепа;

б) отокъ, отрокъ, стонъ; патока, тропа.

Нерѣдко корень и неизвѣстенъ въ первомъ, а лишь во второмъ видѣ: **окопъ**, **потопъ**, **богъ**, **слонъ** и т. п.

Гласный и (ь) либо остается, либо переходитъ въ ѣ

а) **мигъ**; **тьма**;

б) **лѣпъ**, **вѣсъ**, **бѣда**.

Гласный ъ (ѫ) то остается, то подымается въ оу, ва:

а) **замъкъ**, **посълъ**; **пъта**, **осъпа**; **сѫръ**, **стѫдъ**, **лѫко**;

б) **сѫгоубъ**, **наоука**;

в) **квасъ**, **хватъ**.

Гласный ѣ то остается, то переходитъ въ а:

а) **обѣдъ**, **сѫсѣдъ**, **пасѣка**;

б) **садъ**, **образъ**.

Гласный ѧ либо остается, либо переходитъ въ ѫ:

а) **плѧсъ**, **присѧга**; **мѧсо**;

б) **сѫпрѫгъ**, **ѫзъ**; **тѫга**, **мѫка**.

Нерѣдко извѣстенъ лишь второй видъ (съ ѫ) корня, а не первый (съ: ѧ). **дѫбъ**, **кѫсъ**, **пѫкъ**; **дѫга**, **гѫба**.

Этимъ исчерпывается число возможныхъ метаморфозъ Славянскихъ корней, при образованіи изъ нихъ основъ суффиксомъ а (ъ, а, о). Но этотъ суффиксъ можетъ присоединяться, какъ характеръ темы,

не только къ корнямъ, или къ основамъ столь архаичнымъ, какъ образованныя подъемомъ, но и къ темамъ вторичнымъ, а даже и къ готовымъ словамъ, которыя въ этомъ случаѣ обратно метаморфозуются въ родъ темъ, новѣйшаго третичнаго образованія.

Всего чаще образованы суффиксомъ а (ъ, а, о) вторичныя именныя основы изъ темъ *глагольныхъ*, которые въ свою очередь развились изъ корней посредствомъ глагольныхъ суффиксовъ: и, ѣ, а, у. Такъ напр. отъ корня слоу, съ подъемомъ: слав, произошла глагольная тема съ суффиксомъ и: слави-ти. Эта глагольная тема можетъ лечь въ основу дальнѣйшимъ образованіямъ, между прочимъ чрезъ посредство суффикса а (ъ, а, о). Такимъ образомъ изъ первичной глагольной темы. слави можемъ получить вторичную именную: слави-ъ. Произошедшее отъ этого соединенія зіяніе устраняется вставочнымъ й: слави-й-ъ; по отпущеніи же конечнаго краткогласнаго получаемъ форму славий. Аналогичнымъ образомъ изъ первичныхъ темъ: вари(ти), сѫди(ти) получимъ вторичныя: поварий (coquus), сѫдиꙗ.

Мы видимъ, что между гласными первой темы (и) и второй (а) появляется тутъ эвфоническій согласный й. Этотъ послѣдній элементъ, согласно фонетическимъ нормамъ Славянскаго языка, можетъ воздѣйствовать на предшествующіе ему позвучные согласные глагольной темы, претворяя ихъ, и даже сливаясь съ ними въ одинъ дифтонгъ, путемъ ассимиляціи. Такъ отъ темы: гради(ти) суффиксомъ а образована форма: гради-ъ=гради-й-ъ=граждь (stabulum); изъ води(ти): вождь; въпи(ти). въпль; нѫди(ти): нѫжда; граби(ти) граблꙗ; кропи(ти): кроплꙗ; коупи(ти): коуплꙗ, и Русскія формы: пригожъ, неучъ, простокваша, сажа, порча, ловля и т. п.

Впрочемъ нерѣдко зіяніе устранялось въ подобныхъ случаяхъ не вставкой іота, а наоборотъ опущеніемъ глагольнаго суффикса и; такъ изъ темъ: оудари(ти), дѣли(ти) и пр. образовались именныя основы. оударъ, прѣдѣлъ, оукоръ, въпросъ; побѣда, прѣграда, разлѫка; Русскія: удавъ, ознобъ, поваръ; ѣзда, смута, потѣха.

Послѣдній видъ вторичныхъ темъ, съ суффиксомъ а (ъ, а, о) не всегда легко отличить отъ первичныхъ именныхъ темъ съ тѣмъ же суффиксомъ. Единственною опорою можетъ служить смыслъ этимъ формъ, показывающій, что онѣ прошли чрезъ глагольную среду, ставъ по значенію: nomen agentis, actio, actum.

При глагольныхъ темахъ на ѣ и оу вторичный суффиксъ ъ (а) встрѣчается гораздо рѣже. Миклошичъ приводитъ для первыхъ Сло-

винскую форму bogatéj (homo dives). Изъ глагольной же темы на оу произошли вторичныя темы: **поцѣлоуй**; Малорус. будова (aedificium) и н. др. Наконецъ изъ темъ на а образовались вторичныя основы: **величай** (Ц.-Сл. superbia); Рус. коровай, нагоняй, растегай, попрошай; разгулъ, ласка и н. др.

Еще болѣе новую формацію представляютъ именныя темы, образованныя суффиксомъ а (ъ, а, о) изъ готовыхъ *именныхъ* же темъ, преимущественно сложныхъ, въ родѣ слѣдующихъ. **богъ: небогъ, оубогъ; носъ: кръносъ (кръноносъ, ῥινότμητος); чѧдо: братоучѧдъ, рѫка: бѣлорѫкъ; чьсть: зълочьстъ.**

Къ этого же рода новообразованіямъ принадлежатъ формы: Марко, Михайло; Кирила, карла и т. под.

2. Выше сказано, что суффиксъ ъ соотвѣтствуетъ не только суффиксу а, но и суффиксу у другихъ языковъ. Давно уже впрочемъ Славянскій языкъ забылъ это двоякое этимологическое происхожденіе суффикса ъ. Оттого темы на у почти не отличаются въ склоненіи отъ темъ на а. Лишь въ немногихъ словахъ и формахъ сохранился слѣдъ губнаго ъ(у), напр. въ формахъ: дат. ед. на **ови**, имен. мн. **ове**, род. мн. **овъ**; въ окончаніи **оу** въ род., зват. и предл. ед., темъ-а.

Что касается словъ съ тематическимъ ъ=у, то самыми обычными и вѣроятными образованіями этого типа были слѣдующія: **домъ, медъ, полъ** (latus), **кратъ, садъ** (planta); **волъ, врьхъ, даръ, миръ, чинъ, станъ, сѫнъ, вънъ** (foras) **бръзъ** и н. др.

Впослѣдствіи темы у и а совершенно перепутались. Первая распространилась насчетъ другихъ въ род. ед. (оу) и род. мн. (овъ); но вытѣснена изо всѣхъ другихъ формъ.

3. Въ родствѣ съ суффиксомъ ъ=у былъ тотъ Древнеславянскій суффиксъ, который выражался въ именит. падежѣ дифтонгомъ ꙑ (ъ+и), а въ падежахъ косвенныхъ—слогомъ **ъв**: **любꙑ,—ъве; боукꙑ, црькꙑ, тꙑкꙑ, смокꙑ, неплодꙑ, ѥтрꙑ, свекрꙑ**; Хорут. krí (кръвь).

Уже въ Древнеслав. языкѣ согласный элементъ этого суффикса нерѣдко проникалъ и въ именит. падежъ, прикрываясь вторичнымъ гласнымъ суфф. ь или а: **бръвь, кръвь; любовь**; ср. **лихва; котва.**

Въ нарѣчіяхъ Новославянскихъ суффиксы ъв и овь, ва почти совершенно смѣшались: такъ напр. въ Русскомъ, вм. **црькꙑ, тꙑкꙑ** и т. п. мы постоянно встрѣчаемъ формы: церковь, тыква; свекровь, буква и т. п. Это явленіе можно объяснить дѣйствіемъ аналогіи болѣе частыхъ

темъ а и і на темы у (ѫ), подобно тому, какъ это выразилось и въ совпаденіи основъ съ двумя разнородными ъ-ами (ъ=а; ъ=у).

4. Третій первичный гласный, играющій, на-ряду съ а, у, самостоятельную роль въ образованіи именныхъ темъ есть—и (і). Въ темахъ именит. падежа онъ является обыкновенно въ сокращеніи—ь. Не всѣ однако темы, имѣющія въ нашемъ письмѣ ь въ имен. пад., образованы суффиксомъ і, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя сохраняли, отчасти же и теперь сохраняютъ это і во всѣхъ изгибахъ слова по склоненіямъ. Такъ напр. слово **кость** имѣетъ форму: **кости** въ 4 падежахъ ед. ч., 3 множ. и 3 дв. ч., т. е. въ большей половинѣ падежныхъ формъ. Въ остальныхъ формахъ вм. і появляются то ь, то е, естественные и обычные замѣнители перваго. Совершенно другой характеръ имѣетъ ь въ словахъ напр. **мѫжь, конь**. Оно подлежитъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и суф. ъ: **мѫжа, конѩ,—оу,—ю** и т. д. Изъ этого видно, что въ темахъ послѣдняго рода скрывается суффиксъ не **и** (і), а **йъ** (ја), съ которымъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи.

Теперь же займемся суффиксомъ **ь=и** (і). Подобно суффиксу а, онъ можетъ образовать темы первичныя и вторичныя, муж. и жен. рода. Къ числу первичныхъ темъ муж. рода относятся слѣдующія **боль** (homo aegrotus), **навь** (mortuus), **звѣрь, рѧсь, медвѣдь, чрьвь, пѫть, гладь** (fames) и н. др.

Но болѣе сродства имѣлъ этотъ суффиксъ къ женскому роду, въ который перешли даже нѣкоторыя изъ мужескихъ темъ, напр. **пѫть, рѧсь**. Тѣ же темы, которыя не измѣнили своего рода, сбились потомъ на аналогію основъ а (ја), напр. Русск. медвѣдя, звѣря. Образцами женскихъ первичныхъ основъ съ суффиксомъ ь=і могутъ служить слѣдующія: **грѧзь, сънѣдь, лъжь, мочь, рѣзь, ось, сѫпь, зобь, похоть** и т. п.

Какъ суффиксъ вторичный, является ь въ формахъ: **чѧдо: чѧдь; дѩтѧ: дѣть; долъ: ѫдоль; лѣнъ: лѣнь; тврьдъ: тврьдь**; Рус. пробѣль, просѣдь и т. п.

Разсмотрѣвъ суффиксы вокальные, перехожу къ согласнымъ. И въ нихъ мы встрѣтимъ конечно одинъ изъ обычныхъ Славянскихъ гласныхъ, такъ какъ безъ гласнаго не существовало ни одного настоящаго суффикса; но главнымъ носителемъ функціи и характеристикой этихъ суффиксовъ являются вторые—согласные элементы.

Суффиксы съ небнымъ придыхательнымъ й (іотъ).

Мы встрѣчались уже съ й въ суффиксахъ вокальныхъ; но тамъ онъ былъ (предположительно) эвфоническаго происхожденія и не на немъ опиралась этимологическая сила суффикса.

Самый обычный видъ суффиксовъ съ іотомъ есть слогъ: йъ (ja) для муж. рода, йо (ѥ) для средняго и йа (ꙗ) для женскаго. Приставляясь къ замкнутымъ корнямъ или темамъ, этотъ слогъ большею частію подвергается нѣкоторому видоизмѣненію. согласный его элементъ (іотъ) сближается съ предшествующимъ согласнымъ, воздѣйствуя на него ассимилирующимъ образомъ; гласный же звукъ ъ (о), подъ вліяніемъ предшествующихъ небныхъ элементовъ, самъ переходитъ въ небную среду (ъ=ь; о=е). Исключеніе составляетъ женскій родъ, гдѣ гласный а (вѣроятно долгій) упорно сохраняется, вслѣдствіе болѣе срединнаго своего положенія, а потому и устойчивости какъ въ твердыхъ, такъ и въ мягкихъ слогахъ.

Суффиксъ йъ, обратившись въ йь, сближается съ суффиксомъ ь (i); однако между ними существуетъ важное различіе, состоящее какъ въ видоизмѣненіяхъ по падежамъ (1) им. ь (i), род. и; 2) имен. ь (йъ), Род. ꙗ и т. д.), такъ и въ характерѣ позвучныхъ согласныхъ корня, мало измѣняемыхъ при суффиксѣ ь (i), но совершенно преобразуемыхъ при суффиксѣ йъ (ja). Это преобразованіе происходитъ по общимъ законамъ ассимиляціи сосѣднихъ согласныхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

л, р+йъ=ль, рь. хмѣль, срьдоболь (cognatus); сѫпрь (adversarius); вепрь;

б, п, в, м+йъ=бь, пь, вь, мь+ль: добль, доупль (cavus), древль;

д, т+йъ=ждь, шть: рѫждь, вѣждь, дъждь; брошть (purpura), плашть, блюшть;

г, к+йъ=жь, чь (ць): лъжь (mendax), лоучь, кличь; ниць (pronus);

з, с+йъ=жь, шь: гмѫжь (insectum); жь (funiculus); пѣшь;

ск, ст+йъ=шть: плишть (плеск-йъ: tumultus), хрѫшть, прѫшть.

Тѣже звуковые переходы происходятъ при образованіи суффиксами йо и йа именныхъ темъ средняго и женскаго рода. Вся разница состоитъ въ томъ, что гласный о самъ смягчается при этомъ въ небный е; звукъ же а остается безъ измѣненій. Такъ напр.

л, р+йо, йа=лѥ, рѥ (и: ре); лꙗ; рꙗ: полѥ, морѥ (и: море); срьдоболꙗ, тьлꙗ, постелꙗ, пьрꙗ, зорꙗ;

б, п, в, м+йо, йа=бь, пь, вь, мь+лѥ, лꙗ: каплꙗ, землꙗ, гребꙗ;

д, т+ѥ̆о, йа=жде, ште; жда, шта: вѣшто, плѣште (humerus); ръжда, стоужда, одежда, невѣжда, пишта;
г, к+ѥ̆о, йа=же, че; жа, ча: ложе, лъжа, вельможа, сѣча, тѫча;
з, с(х)+йо, йа=же, ше; жа, ша: ѫже (catena), соуша, доуша.

Кромѣ тѣмъ первичныхъ, суффиксъ йъ (ja) появляется нерѣдко и въ образованіи вторичныхъ основъ. При этомъ съ позвучнымъ согласнымъ первичной темы происходятъ тѣ же измѣненія, какія сей часъ были указаны. Такъ образованы изъ: без оума: безоумль; штоудъ: штоуждь; сласть: слашть (jucundus); вѣсть: вѣшть (peritus).

Всего чаще употребляется этотъ суффиксъ, какъ вторичный, при образованіи прилагательныхъ притяжательныхъ. орьлъ: орьль; овьнъ: овьнь; мати: матерь; Царь-градъ; Ярославль, Аврамль, медвѣждь, ослѧшть, кънѧжь, пътичь, жрьчь.

Въ послѣдняго рода вторичныхъ темахъ суффиксъ йа (йъ, йо, йа) легъ на первичные суффиксы: ъ, ь, ер, ент, ѧз и т. п., образовавъ такимъ образомъ суф. сложные. Между составными ихъ частями нѣтъ однако столь тѣсной и органической связи, чтобы для чувства языка суффиксы эти казались цѣльными и нераздѣльными, выражая вмѣстѣ особую, однообразную функцію. Есть однако цѣлый рядъ сложныхъ съ элементомъ йа суффиксовъ, представляющихъ такую плотность состава и единство значенія. Это слитные суффиксы: айа, ийа, ейа, ойа, уйа, т. е. сочетанія суффиксовъ а, и, е, о, у съ суф. йа (йъ, йо, йа). Образованныя этимъ путемъ основы нерѣдко совпадаютъ по внѣшнему виду съ разсмотрѣнными выше вторичными именными темами, образованными изъ глагольныхъ на и, ѣ, а, у, посредствомъ суффикса а (ъ, о, а), при чемъ получались иногда слоги: ий, ѣй, ай, уй; ѧй и т. п. Такіе же слоги, по сокращеніи гласнаго а (ъ, о, а), получаются нерѣдко и во второмъ случаѣ. Вся разница заключается въ томъ, что въ первомъ ряду суффиксовъ й есть эвфоническаго, а во второмъ—этимологическаго происхожденія, что отражается на значеніи тѣхъ и другихъ. Это различіе значеній не столь однако рѣзко, чтобы всегда безошибочно можно было отличить перваго рода суффиксы отъ вторыхъ. Миклошичъ принимаетъ напр. въ словѣ: коровай суффиксъ: а+ъ; но что мѣшаетъ принять за таковой а+йъ? Форма ладиꙗ фигурируетъ у него сначала въ ряду темъ и+ъ (ст. 43); а потомъ въ ряду основъ и+йъ (стр. 70), хотя оба раза сдѣлана оговорка о неясности этой темы. Разсматривая примѣры, приведенные Миклошичемъ въ ряду вторичныхъ темъ съ а (ъ, о, а), а потомъ темъ

съ **йа** (**ъ, о, а**), мы замѣчаемъ, что, въ случаяхъ звуковаго совпаденія, къ первымъ отнесены авторомъ образованія болѣе ясныя, а ко вторымъ болѣе темныя: мѣрило довольно субъективное и ненадежное! По нашему мнѣнію, выраженному уже выше, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ благоразумнѣе находить суффиксъ съ й этимологическимъ, чѣмъ эвфоническимъ.

Изъ вторичныхъ слитныхъ суффиксовъ съ **йа** (**ъ, о, а**) всего чаще употребляется его сочетаніе съ предшествующимъ **и**: **ийъ=ий**; **ие, иа**:

а) **мравий, жрѣбий, врабий, нетий, балий** (magus), **виночрьпий**; ср. Рус. кравчій, ловчій, чирей, улей, дуралей;

б) **зелие, бѣлие, съметие, ѧглие, рождие, заоутрие, орѧдие, подроужие; оунѣние, житие, бѣтие**; ср. Русс. острее, бабье, сырье, поморье;

в) **вѣтиа, брат(р)иа**; **гостиа, свиниа, лѧдвиа, ладиа**, ср. Рус. Россія, игуменья.

Есть затѣмъ цѣлый рядъ прилагательныхъ притяжательныхъ, образованныхъ этимъ слитнымъ суффиксомъ: **бабий, божий, козий** и т. п. Онѣ примыкаютъ къ аналогичнымъ образованіямъ суффиксомъ **а** (**ъ, о, а**)+**йа**: **пътичь: пътичий; жрьчь: жрьчий**. Въ послѣднихъ примѣрахъ мы имѣемъ предъ собою редупликованный суффиксъ: **йа+йа** (ja). Второй его элементъ есть мѣстоименіе **и**(**же**), въ формѣ готоваго слова. Слѣд. прилагательныя эти суть уже образованія сложныя.

Гораздо рѣже встрѣчаются сочетанія суффикса йа съ другими гласными напр. **е, о, у**:

а) Хорут. volej(bos), kumej(campater), malej(puer); Серб. гледеја; Рус. ищея, жнея, толчея;

б) Серб. Драгоје, Милоје, Радоје; Пол. dziewoja;

в) Ц.-Сл. **волоуй** (воловій), **крагоуй; чешоуи**; Пол. niechluj (замарашка); Рус. валуй (разиня).

Суффиксы съ губнымъ придыхательнымъ **в** (v).

Нѣкоторую аналогію съ суффиксомъ йа представляетъ суф. **ва** (va). Какъ первый, такъ и второй приближаются своими согласными элементами къ гласнымъ (й: **и=в**: **у**); оба являются кой-гдѣ эвфоническими вставками, для устраненія зіянія.

Суффиксъ **въ** (**во, ва**) довольно рѣдко встрѣчается въ темахъ

первичныхъ, но очень часто во вторичныхъ. Къ числу образованій первичныхъ можно отнести слѣдующія:

1. въ: влъхвъ?[1]) трѣзвъ?
   во: стрѣво (или: стрьво?);
   ва: газва, лихва; ср. Рус. листва, дресва, лягва, куропатва, драхва, ночва.

Послѣдній видъ этого суффикса совпадаетъ съ вышеупомянутымъ видоизмѣненіемъ суффикса ъі: ъва. Очень правдоподобно, что формы: лягва (лягушка), патва, ночва, развились изъ: лѧгъі, пѣтъі, нъштъі, какъ смокъі, тъікъі.

Въ темахъ вторичныхъ въ (во, ва) появляется обыкновенно въ составѣ слитныхъ суффиксовъ: авъ; овъ; ивъ.

Примѣры:

2. авъ: рѧкавъ, лѧкавъ, кръвавъ;
   ава: дѧбрава, гѧштава, понгава; Рус. мурава. Ср. Русс. суфф. лявъ: вертлявъ, костлявъ;
3. овъ: соуровъ, галовъ, дѧбовъ, адамовъ; гаковъ, сѧковъ, таковъ;
4. ивъ: мъісливъ (intelligens), завидивъ; Рус. игривъ, лживъ, служивый;
   иво: вариво, прѧдиво, кладиво (malleus); Рус. кресиво, топливо, жниво, огниво. Иногда вм. иво—ево: курево, марево, зарево, кружево;
   ива: кропива; тѧтива. Ср. Рус. суф. ливъ: бодливъ, пискливъ, похотливъ.

Въ двухъ случаяхъ (при суфф. авъ, ивъ) мы встрѣчаемъ въ Русскомъ параллельныя Ц.-Славянскимъ формы, съ участіемъ элемента л: лявъ, ливъ. Трудно рѣшить, произошелъ ли этотъ приставочный звукъ этимологически, какъ новый суффиксъ, родственный причастному лъ, или фонетически, посредствомъ замѣны эвфоническаго іота, какъ это обычно происходитъ при согласныхъ губныхъ.

Суффиксы съ носовыми м, н.

Согласный м очень обыченъ въ Славянскихъ суффиксахъ, какъ въ простомъ, такъ и въ слитномъ видѣ, особенно въ сочетаніи съ родственнымъ звукомъ н (мъі, ма, мень). На-ряду съ другими плавны-

1) Вопросительный знакъ при извѣстной формѣ показываетъ, что она не вполнѣ ясна.

ми (кромѣ р), онъ всего чаще встрѣчается въ образованіи причастныхъ основъ (какъ Греч. μενος).

Къ первичнымъ темамъ, образованнымъ суффиксомъ мъ (мо, ма), принадлежатъ слѣдующія:

1. мъ: дѫмъ, оусмъ (indumentum), оумъ?, глоумъ?; мо: рамо, оусмо; ма: косма, слама, кръма; Срб. струма.

Но большею частію этотъ суф. приставляется не къ корню, а къ темѣ, образованной уже вокальнымъ суффиксомъ: о, и, ь, какъ напр.

2. омъ: лакомъ, несомъ, вѣсомъ;
3. имъ: любимъ, хвалимъ; Рус. нелюдимъ, родимый, вѣстимо; Срб. побратимь;
4. ьмъ, ьма, ьмо: письмо, бѣльмо, кръчьма? вѣдьма.

Кромѣ причастныхъ образованій, суф. мъ, мо, ма употребителенъ въ образованіи нарѣчій направленія и образа дѣйствія, какъ напр.

мо: камо, тамо, сѣмо; амо: овамо, инамо, дроугогамо, четверамо;

ма, ми (ъма, ьма): кольма, кольми; ѥльма, — ми; вельма, — ми; весьма; полъма, бъхъма; тъкъма,—мо.

Возможно однако, что въ послѣднихъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло не съ темами, а со словами, т. е. что суффиксы ма, ми суть не тематическіе, а лексическіе,—быть можетъ формы творит. двойственнаго, или какія нибудь другія падежныя. Это какъ будто подтверждается русскими формами: кишьмя кишитъ, ливьмя льетъ; ср. двумя, тремя, четырьмя.

Суффиксъ ма можетъ соединиться съ суф. на и образовать слитный суф. мана, который затѣмъ, сокращаясь и дифференцируясь, могъ принять одинъ изъ слѣдующихъ четырехъ видовъ: 1. манъ; 2. мѫ; 3. мѧ; 4. мень.

5. манъ: Русс. сукманъ, дурманъ, лихоманъ, лиманъ? Къ сожалѣнію, этотъ суф. встрѣчается столь рѣдко и въ словахъ столь неясныхъ этимологически, что трудно допустить его въ Славянскую морфологію иначе, какъ въ видѣ вопроса, допускающаго два противоположныя рѣшенія.
6. мѫ, мен: камѫ,—ене; пламѫ;
7. мѧ: знамѧ, чисмѧ, темѧ, вѫмѧ, имѧ, плѣмѧ, брѣмѧ, врѣмѧ;
8. мень, мен: ремень, стрѣмень, кремень; Рус. сухмень, Ильмень? Ср. мно: гумно?

Изъ четырехъ параллельныхъ формъ всѣхъ ближе къ первоначальному виду этого слитнаго суффикса первая: мана: манъ. Вторая и третья формы представляютъ стяженіе того же суффикса, образовавшееся чрезъ отпаденіе позвучнаго гласнаго: мана· ман. Послѣдній звукъ этой формы, по нелюбви Древнеславянскаго языка къ согласному пазвуку, слился съ предшествующимъ гласнымъ, который предварительно нѣсколько сократился и поблекъ т. е. а=ъ, ь. Изъ слога мън развился суф. мѫ; изъ слога же мьн: мѧ. Память объ общемъ происхожденіи того и другаго сохранилась въ однообразномъ ихъ видѣ въ большей части падежныхъ формъ. камене, знамене. Что касается наконецъ формы: мень, то она представляется образованіемъ вторичнымъ, расширеніемъ суффикса мен новымъ слогомъ: йъ=ь. Въ Древнеславянскомъ эта форма изрѣдка появлялась, какъ параллельная формѣ на мѫ (каимѫ: камень; пламѫ: пламень, кремѫ. кремень). Впослѣдствіи она совершенно вытѣснила ту и смѣнила ее во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Еще обширнѣе роль суффиксовъ съ зубнымъ носовымъ. н. Чуть ли даже это не есть самый распространенный согласный элементъ суффиксовъ. Единственными соперниками ему могутъ быть лишь суффиксы съ согласными т и к.

Согласный н соединяется въ суффиксахъ, отчасти первичныхъ, отчасти вторичныхъ, со всевозможными гласными, какъ слѣдующими за нимъ (ъ, о, а; ѫ, ь, и), такъ и предшествующими ему (а, о, у, ѫ, и, ѣ, ь, е), при чемъ нерѣдко присоединяется элементъ й, чрезъ что получается цѣлый рядъ разнообразныхъ видоизмѣненій этихъ суффиксовъ:

а) нъ, но, на; нѫ; нь; ни; ня, ния;

б) анъ, ань; онъ, онь; унъ, унь; ѫнъ, ѫни; инъ, ина; ѣнъ, ьнъ, ьно, ьна, ьнь; енъ, ень и т. п. Приводимъ по нѣскольку примѣровъ для каждаго изъ видовъ этихъ суффиксовъ:

1. нъ: станъ, плѣнъ, дрьнъ; данъ, вранъ, плънъ;
   но: соукно, окно, роуно, зрьно, лоно, вѣно? вино? звѣно?
   на: десна, глина, храна, лоу(к)на, мѣна, слина, страна, весна, влъна, рана, сръна; цѣна? сосна?
2. нѫ: жрьнѫ; остегнѫ (vestis).
3. нь: дьнь, огнь; брань, длань, сѣнь, стрьнь, грань; Рус. дань, дрянь, пристань. Этотъ суффиксъ очевидно родственъ причастному на нъ: бранъ: брань; данъ: дань; дранъ; дрань (дрянь).

По звуковой формѣ не отличенъ отъ суффикса нь (ни) сложный съ элементомъ небнымъ суф. н+йъ (nja)=нь. Различіе ихъ можно усмотрѣть лишь изъ формъ косвенныхъ падежей, гдѣ вм. элемента і появляется а: сѣнь: сѣни(нь=ни); синь: синя (нь=нйъ) Гораздо чаще впрочемъ встрѣчается этотъ суф. въ формахъ женскаго рода, въ видѣ: нйа=ня. дъгня (cicatrix), ядня (cibus), стѣня (umbra); ср. Русс. брехня, долбня, квашня, пашня, кузня; Пол. rel'nia (vollmond) и т. п. Сюда относятся и формы: басня, пѣсня, если предположить, что звукъ с здѣсь вставочный. Нерѣдко суф. ня ложится на основы, образованныя уже другими простыми или слитными суффиксами, чрезъ что получаются вторичныя и третичныя образованія, въ родѣ слѣдующихъ:

альня: наковальня; съпальня;
ильня: бѣлильня; свѣтильня;
ельня: молельня;
арьня: овчарня (т. е. ов-ьч-ар-ьня); Малорус. писарьня;
отьня: бѣгот(ь)ня; писк от(ь)ня;
ушьня: конюш(ь)ня;
ышьня: барыш(ь)ня (т. е. боларъишьня);
овьня: волков(ь)ня, солодов(ъ)ня.

Тѣмъ же суффиксомъ образованы отъ числительныхъ формы: двойня, тройня, четверня, сотня.

Дальнѣйшее развитіе суффикса ни составляетъ сложный суф. нята: млъняти; свинята. Ср. Рус. унья: бѣгунья, говорунья, болтунья.

4. анъ: баланъ; пиланъ, постоланъ, истоуканъ, баранъ? жоупанъ, братанъ; Рус. брюханъ, горланъ.
   ана: сметана; полтана.
5. ань. Этотъ суф., какъ и нь, имѣетъ двоякое происхожденіе: а) изъ ани, б) анйъ:
   а) гртань, габлань; ръвань (lucta); со вставочнымъ з: азнь: богазнь, пригазнь?
   б) Хорут. vrtanj (spira); аня: копаня; Немања?
6. онъ: гомонъ?
7. онь (онйъ): комонь? Пол. luboń (возлюбленный):
   оня: Рус. тихоня; Срб. ждероња, дугоња.
8. оунъ: бабоуни (superstitio)? пероунъ? Рус. бѣгунъ, брехунъ, крикунъ, лизунъ, опекунъ; вьюнъ, в(ъ)рунъ;
9. оунь (оунйъ): Пол. bratunio, Jasiunio; оуня: Пол. babunia; ср. Рус. унья: бѣгунья, говорунья.

10. ꙑнъ: пелꙑнъ; ср. Пол. młyn.

11. ꙑни, ꙑня. богꙑни, дроугꙑни, опꙑни, грѣхꙑни, господꙑни; добрꙑни, гръдꙑни, простꙑни, сватꙑни. Всѣ эти формы измѣняютъ впослѣдствіи свое позвучное и на ꙗ. ꙑня. Впрочемъ въ Пол. и теперь удержались формы: gospodyni, bogini и т. п. Въ Рус. рядомъ съ формою ыня (простыня, богиня) встрѣчаемъ ынья, ынь: спорынья, полынья, теплынь; ср. полынь.

12. инъ: к(ъ)линъ, блинъ (мьлинъ?); ср. Рус. людинъ, воинъ, Русинъ, Гречинъ; женинъ, бабинъ, июдинъ и т. п. Этотъ суф. можетъ ложиться на другіе, образуя темы вторичныя и третичныя: Блъгаринъ, бо(л)яринъ (баринъ), гражданинъ, селянинъ, челядинъ, жидовинъ.

ина: пѫчина, лоупина; долина, година, хꙑжина, ꙗрина, ѧдина, маслина; бꙑстрина, дроужина, истина, обьштина. Со вставочнымъ (б. мож. эвфонически, какъ въ суффиксахъ снь, знь?) з образуется суффиксъ: изна: главизна, оукоризна, ѧтлизна, т(ь)ризна? ср. отьчина и отьчизна.

13. ѣнъ: дрѣвѣнъ, ꙗчьмѣнъ, льнѣнъ; роу(д)мѣнъ? Это ѣ является здѣсь какъ будто неорганической замѣной звуковъ ь, е. Иногда же параллелью для ѣ является тутъ а (собственно ꙗ, т. е. а+i=i+а): напр. Рус. деревянный, льняный. Сюда же относятся формы: кожанъ, вощанъ, пѣсъчанъ, гдѣ а=ꙗ=ѣ.

ѣно: полѣно, колѣно.

14. ьнъ: остьнъ, овьнъ, видьнъ; вѣрьнъ, больнъ, дивьнъ, тъчьнъ, иночѧдьнъ, исконьнъ. Сюда принадлежатъ и суффиксы въ названіяхъ мѣсяцевъ, напр. Хорут. brêzen, gruden, srpen, travcn и пр. По-видимому изъ того же суф. ьнъ произошелъ суф. инъ, йна, йно: достоинъ, покоинъ, таинъ, Рус. буйный; ейный. Отъ суф. инъ, ина, ино онъ отличенъ краткостью, а потому и перегласовкою въ согласный звукъ (й) элемента и.

ьно: платьно, бръвьно, пѫтьно; ьна, йна: гривьна, война, тайна; ср. кънѧжьна, царевьна. Подобно тому, какъ изъ суффикса нь образовались снь, знь, а изъ суф. ина—изна; такъ изъ ьнъ развилось ьзнъ: любьзнъ. Хотя и въ вышеприведенныхъ формахъ суф. ьнъ большею частію вторичный, но встрѣчаются еще болѣе сложныя его соче-

танія съ другими образовательными элементами, въ суффиксахъ напр. формъ: доуховьнъ, съмрьтельнъ, гоубительнъ; Русс. лиственный, жаловальная и т. п.

15. ьнь (ь=i): Рус. сажень; Чеш. řízeň. Чаще происходитъ этотъ видъ суффикса отъ соединенія элементовъ: ьн+йъ: сѫжьнь (captivus), ражьнь, глѣжьнь? отьнь, дѣдьнь; ближьнь. Въ Русскомъ суффиксъ ьнь правильно перешелъ въ ень, въ Сербскомъ же въ ањ: Рус. баловень, ливень, сидень, оборотень; селезень? Серб. сужањ.

16. енъ. Этотъ суффиксъ тѣсно примыкаетъ къ суффиксу ьнъ. Лишь устойчивость звука е въ первомъ, а шаткость ь-ря во второмъ, служитъ основаніемъ для различенія этихъ суффиксовъ. Примѣры: чрьвенъ, стоуденъ, зеленъ;
ено: врѣтено;
ена: с(п)лѣзена?

17. ень (ь=i): юсень? ср. Пол. kieszeń (карманъ);
ень (ь=йъ), ення: Рус. жменя.

Суффиксы съ язычными плавными: л, р.

Хотя оба эти звука развились въ Арійскомъ изъ одного общаго празвука, а по сходству своей артикуляціи находятся въ очень близкомъ взаимномъ сродствѣ, что отражается и на близости функцій образованныхъ ими суффиксовъ; однако, даже для Праславянскаго языка, необходимо принять ихъ раздвоеніе и значительную уже обособленность. Большую роль играетъ въ Славянщинѣ первый изъ двухъ элементовъ; однако и второй участвуетъ въ цѣломъ рядѣ образованій, хотя менѣе ясныхъ и прозрачныхъ.

Суффиксы съ плавнымъ л:

1. лъ, ло, ла. Существуетъ предположеніе, что суф. ло развился изъ слога: тра, являющагося въ суффиксахъ многихъ Арійскихъ языковъ (ср. trum, τρον и т. п.). Основывается оно на нѣкоторыхъ формахъ сѣверозападныхъ Славянскихъ нарѣчій, гдѣ появляется согласная д: mydło (мыло), sadło (сало), а также на довольно обычномъ опущеніи коренныхъ д, т, предъ звукомъ л, въ юговосточной группѣ Славянскихъ нарѣчій: па(д)лъ: ира(д)лъ; цвѣ(т)лъ, ме(т)лъ и

т. п. Это предположеніе не лишено вѣроятности, но не можетъ пока считаться доказаннымъ ; такъ какъ возможно допустить и вставку зубнаго звука въ сѣверозападныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, для чего существуетъ аналогія въ формахъ: островъ, страмъ, Чеш. střibro и т. п., гдѣ зубной звукъ вставленъ въ группу предъ плавнымъ. Съ другой стороны не мало есть случаевъ, гдѣ при суф. ло нѣтъ зубнаго д не только въ юговосточныхъ, но и въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, напр. въ формахъ: дѣло (Пол. działo, Чеш. dilo), село, стебло (Пол. źdźbło, Чеш. stblo), ср. było, gniło и т. п. Что звукосочетаніе дло не совершенно чуждо и юговосточнымъ нарѣчіямъ, и слѣд. могло-бы удержаться хоть отчасти въ разсматриваемыхъ суффиксахъ, видно изъ слова: сѣдло, существующаго въ этой формѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Итакъ возможно производить не только суф. ло изъ дло, но и наоборотъ: дло изъ ло. Рѣшеніе этого спорнаго вопроса должно предоставить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь же мы ограничимся приведеніемъ образцовъ употребленія суффиксовъ лъ, ла, ло. Всего чаще встрѣчается этотъ суффиксъ въ образованіи одной изъ Славянскихъ причастныхъ формъ: бы̏лъ,—о,—а; гнилъ, кы̏слъ, поухлъ. Въ сродствѣ съ этими причастіями находятся прилагательныя: мѫтлъ, крѫглъ, свѣтлъ, бѣлъ? подлъ? и существительныя: мѫзлъ, оудѣлъ; било (tintinnabulum), дѣло, гръло, кръ̏ло, ръ̏ло, сало, тѣло; началo, жѫло, масло, весло, число, сѣдло, стьбло; ср. Рус. дуло, гирло (о=і: малоруссизмъ), тягло, русло? кресла (ср. чрѣсла)? мьгла, жила, скула, игла? стрѣла, вила (русалка).

2. ль: лѣторосль; гѫсль, пасли; ср. Рус. убыль, вдосталь.

Этотъ, по-видимому, суффиксъ лежитъ въ основаніи неясныхъ адвербіальныхъ формъ: отъколѣ, доселѣ, николи; ср. Рус. отколь, откуль, откель; Малорус. витки(лѣ). Кромѣ суф. ль=ли встрѣчается однозвучный съ нимъ, но отличный суффиксъ ль=лйъ (lja): сребродѣль, кашль; мгль; таль? Къ послѣднему суф. относится однородный женскій на лꙗ: недѣлꙗ, дрѣводѣлꙗ; ср. Рус. петля, сопля, тесля и т. п.

3. алъ: Рус. дать д(ь)рала; Пол. kawał;

ала: Рус. объѣдала, запѣвала, шагала, Чеш. žižela (насѣкомое).

ало: чрьпало, клепало, (о)рало, зрьцало; Рус. мѣняло.

4. аль (алйъ): сокаль; Рус. коваль; Пол. Moskal, Góral.
5. олъ: соколъ?
   ола: Чеш. mrtvola.
6. оль (олйъ): дрьколь; мозоль, кѫколь, тополь; Рус. гоголь? соболь?
   оля: Рус. сусоля? Чеш. homole; Серб. топола.
7. оуль (оулйъ): Хорут. metulj (мотылекъ); Срб. славуль.
   оула: кошула, конопоула? Рус. ходули, зозуля; Пол. matula.
8. ꙑла: могꙑла, кобꙑла.
9. ꙑль (ꙑлйъ): Рус. мотыль, костыль, горбыль.
10. ило: кадрило, кадило, мѣрило, бѣлило, чрьнило, свѣтило, точило.
11. ѣль, аль: дѣтѣль, гꙑбѣль, кѫпѣль, сопѣль, свирѣль, кѫдѣль; пишталь, млъчаль; печаль.
12. ьлъ: орьлъ, осьлъ, козьлъ.
13. ьль (ьлйъ): кашьль.
14. елъ: плѣвелъ, жоупелъ? дѫтелъ(-ель), кꙑселъ, веселъ, дебелъ? Рус. буселъ.
    ела: бъчела; Рус омела? Хут. dežela.
15. ель (ели): жоужель (scarabaeus); Рус. мятель (метель).
    ель (елйъ): Рус. кошель.

Суффиксы съ дрожащимъ р.

1. ръ: даръ, пиръ, жи(в)ръ, вихръ, дѫб(р)ъ (ср. дѫбрава); миръ? бъдръ, хꙑтръ, мокръ, остръ, пьстръ, старъ? сѣръ, штедръ, добръ, мѫдръ, бꙑстръ? ѫдръ?
   ро: вѣдро, ѫдро, ребро? сребро?
   ра: мѣра, сѣра, икра? искра? вѣра? вꙑдра, мѫздра; Рус. кара;
2. рь(ри): дьбрь, ноздрь.
   рь(рйъ): жгрь, вепрь, кѫдрь.
3. аръ: комаръ, овьчаръ, столаръ(—яръ); Срб. гусар;
   ара: кошара; Срб. овчара, Пол. moczara.
4. арь(арйъ): пекарь, зидарь, мꙑтарь, лѣкарь; Рус. знахарь, пахарь, глухарь, господарь; ср. ар-инъ: болгаринъ, Блъгаринъ.
5. оръ: топоръ? стоборъ (columna)? Малорус. вихоръ; Пол. kaczor; ср. заматорѣлъ.
   ора: котора (rixa); Чеш. bachora, nemotora.
6. орь(орйъ): тъхорь(дъхорь); ср. Рус. хорекъ; Чеш. piskoř.
   оря: Рус. бахо́ря(краснобай); моторя.

7. оуръ, оурь(ь=йъ): коτоурь; Срб. мехур; Малорус. качуръ; ср. Мазуръ.
   оура: Рус. Нѣмчура, кочура; ср. Срб. дѣвойчура.
8. ꙑрь(ь=йъ): мѣхꙑрь (Срб. мехур); Рус. поводырь, гладырь, пупырь, пустырь; ср. богатырь?
   ꙑра: сѣкꙑра.
9. еръ, ерь(ь=йъ): вечеръ, дѣверь; бисеръ? сѣверъ? Рус. костеръ.
   еро: ꙗзеро.
   ера: пештера; Чеш. mezera.
10. ѣръ: Хорут. kosěr (Срб. косијер).

Суффиксы съ мгновенными зубными т, д.

Элементъ т занимаетъ между всѣми согласными первое мѣсто по разнообразію и многочисленности суффиксовъ, въ которыхъ онъ играетъ существенную роль. Звонкій д далеко отсталъ въ этомъ отношеніи отъ своего тихаго (шепотнаго) коррелятива (т: д=к: г=п: б) въ средѣ мгновенныхъ согласныхъ. Формы, образованныя при участіи звука т, отличаются большей ясностію, чѣмъ тѣ, въ которыхъ является д,—замѣчаніе, которое приложимо ко всѣмъ согласнымъ тихимъ съ одной стороны и звонкимъ съ другой.

Съ участіемъ тихаго зубнаго т образованы слѣдующіе суффиксы:

1. тъ (ъ=а), то, та. Самое обширное примѣненіе нашелъ этотъ суффиксъ въ образованіи причастныхъ страдательныхъ формъ: начѧтъ, възѧтъ, проклѧтъ, повитъ, отвръстъ. Такъже повидимому образованы прилагательныя: сѣтъ, гѫстъ, чѧстъ, лютъ, сватъ, тлъстъ, жлътъ; ср. пѧтъ, шестъ, девѧтъ, четвртъ и т. п. Въ неподвижныхъ родовыхъ формахъ именъ существительныхъ встрѣчается суффиксъ тъ, то, та въ слѣдующихъ основахъ:

   тъ: млатъ, мостъ, прьстъ, сѫпостатъ, щитъ, вѣтъ; ср. листъ? сътъ?
   то: длато, жито, пѫто, мѣсто, злато, лѣто, оуста; врата; блато? гато сито, мꙗто;
   та: врьста, невѣста, пѧта, свита; Рус. трата?

Есть еще другой суффиксъ тъ, однозвучный съ вышеприведеннымъ, но отличный отъ него этимологически тѣмъ, что его ъ про-

изошло не изъ а, но изъ оу. Это встрѣчается въ образованіи Древнеславянскаго супина на тъ, тоу: битъ, литъ; бꙑтоу.

2. ть(ь=и). Изрѣдка этогъ суф. появляется въ именахъ муж. рода, но большею частію въ женскихъ: тать, съврьсть (aequalis); гость? тьсть, зѧть; благодать, благодѣть, гръсть, съмрьть, памѧть, нить, ость, сѣть, сласть, страсть, съвѣсть, власть, чѧсть, побꙑть; пешть, вешть, мошть; клѣть? лѣть? прьсть, тръсть, плъть, опѧть? рать?

3 тйъ=шть ништь? обьшть?
тѥ, ште. плѥшта (plur.); Чеш. plice; вѣче (вѣште).
тꙗ, шта: оноушта, клѣшта; Рус. добыча, дача

4. тръ: брат(р)ъ; вѣтръ, ꙗтръ.
тро оу(с)тро? ꙗтра; Пол. piątro.
тра: Рус. пятра.

5. тлъ: пѣтлъ, дѧтлъ? Рус ветла; Пол. petla

6. тер: матер е, дъштер-е.

7. теръ, торъ: ѥтеръ, которꙑй; въторъ; Хорут. stotero.

8. тель(й=йъ) житель, властель, датель;

9. тꙑрь(ь=йъ) пастꙑрь (pastor), пластꙑрь? псалтꙑрь (ψαλτήριον); ср. богатырь?

10. тоухъ. пастоухъ; Рус. пѣтухъ; ср. свинтюхъ.

11 тий(й=йъ) нетий; питий (potabilis).

12. тоунъ: пѣстоунъ; Рус. пѣтунъ (пѣтухъ).

13. твъ Этотъ суфф. сродни вышеприведенному тъ=тоу (ср. Лат. mutuus). Примѣры: мрьтъ: мрьтвъ; чрьствъ.

тво: Рус ятво.

тва: ꙗства, битва, сѣтва, бритва, клѧтва, жѧтва, жрьтва, Рус. плотва. Иногда тва переходитъ въ тба Срб. сѣтба.

14. твь=tev: вѣтвь, Хут. britev.

15. ьство. Этотъ суф представляетъ дальнѣйшее развитіе суффикса тво, посредствомъ новаго тематическаго гласнаго ь и эвфонической вставки с: дѣвьство, тръжьство, рождьство. При открытыхъ корняхъ ь обращается въ й: дѣйство, оубийство. Иногда суф. ьство приставляется къ другимъ, предшествующимъ ему, или послѣдующимъ за нимъ: цѣсарьство, страдальство; цѣсарьствиѥ, бальствиѥ (medicina), свойствиѥ.

16. атъ: богатъ, брадатъ, Рус. ушатъ.
ата: лопата. Съ новыми наращеніями образуются сложные суффиксы: оватъ: виноватъ, трьноватъ; Рус. бѣловатъ, гор-ьков-атъ; ьнатъ: прьнатъ, сустьнатъ. Со вставочнымъ (эвфонически?) с образованъ суффиксъ астъ плѣштастъ; Рус. чревастый, усастый, коренастый; Серб брдаст, репаст, будаласт, ср. Рус. лопасть?

17. атай(й=йъ): (о)ратай, ходатай, съгладатай; Рус. глашатай

18. атель: казатель, приятель; Рус. обыватель.

19. ота: длъгота, льгота, красота, работа; Рус. дремота, ломота, р(ъ)вота, пѣхота, сирота. Со вставочнымъ с- образуется суф. оста: староста.

20. сть Рус. мякоть, копоть. Со вставочнымъ с-ость: тѧгость, ѧзость, гарость, милость, пакость, радость.

21. оутъ. Рус. ж(ь)гутъ, Чеш. kohout; Пол. kogut, maluty (ср. малютка);
оута, юта: Рус. плакута, Васюта; Хут. košuta. Со вставочнымъ с суф. юсть: челюсть.

22. ѧіто: копѧіто, корѧіто;
ѧіта: Рус. волокита, ракита?

23. итъ: маститъ, срьдитъ, нарочитъ, наймитъ
ита: данита. Съ наращеніемъ ов, ен образовались сложные суффиксы: овитъ, енитъ: домовитъ, сановитъ, надовитъ; именитъ, племенитъ. Со вставочнымъ с произошелъ суф. истъ рѣчистъ, плѣштистъ; Рус. голосистый, льдистый, лѣсистый. Иногда этотъ суффиксъ иностраннаго происхожденія гуслистъ, бандуристъ, ср. нигилистъ, лингвистъ и т. п. Такимъ же образомъ изъ суффиксовъ ить, ѧіть развились исть, ѧість: користь; корысть, дешевисть?

24 итва: молитва, ловитва, гонитва.
итво: чоувитво, творитво.

25. итель: чьтитель, з(ь)ритель, проситель, гонитель.

26. итйъ=ишть: отрочишть, робишть, пътишть, дѣтишть, ср. Рус. дѣтище.
Изъ Древнеславянскаго суффиса ишть развился русскій патронимическій суф. ичъ (Серб. иħ, Пол. и Чеш. ic): дѣдичъ, сестричъ, княжичъ, Лукичъ, Ѳомичъ, Пол. dziedzic, księżyc.

Чеш. Martinic, Серб. Обилић. Отъ наращенія ов (ев) образовался сложный суф. овичъ (евичъ). Ивановичъ, королевичъ; Пол. królewicz; Серб. Обреновић.

27. ътъ, отъ: ръпътъ, тъпътъ; Рус. ропотъ, грохотъ, животъ, хоботъ?
28. ъть (ь=йъ): лакъть, ногъть; Рус. деготь, коготь?
29. ьтъ, етъ: шьпьтъ; трепетъ, кречетъ; Рус. лепетъ.
30. ето: тенето, Рус. рѣшето, нерето; еть (ь=и): Рус. чернеть, мокреть, теплеть, темнеть; ср. едь: чернедь, мокредь.

Со вставочнымъ с-есть, ѣсть: болѣсть, доблѣсть.

31. ѣтель: радѣтель, свидѣтель.
32. ѣтва, ятва: желѣтва, сѣятва.
33. мть: могмть (dominus); ср. Рус. ртуть (Пол. rtęć)? Чеш. peruť.

Въ основаніи этого суффикса лежитъ слогъ ант. По законамъ Древнеславянской фонетики онъ могъ преобразиться и въ ѫ, а градѫ: градмшта; словѫ: словмшта; хвалѧ, хвалѧшта; биѧ: биѧшта; ср. тъсмшта. Изъ этихъ формъ развились русскія на учій, ущій: кипучій, гремучій, могучій, пахучій, скрипучій; большущій, тмущій, злющій.

34. ат. Сродни предшествующему тотъ суффиксъ, который встрѣчается въ названіяхъ молодыхъ звѣрятъ и который въ формахъ имен. падежа звучалъ въ Древнеславянскомъ ѧ, ата: агнѧ, дѣтѧ, котѧ, прасѧ, штенѧ, жрѣбѧ; Рус. близнята, ребята, утята.

Суффиксы со звонкимъ зубнымъ

1. дъ: сѣдъ? тврьдъ? подъ, прѣдъ, задъ.

до: стадо, чоудо (штоудо)? чѧдо?

да: бразда? гроуда? мьзда (μισθός)? Подобный суффиксъ, съ темнымъ вставочнымъ звукомъ г, встрѣчается въ образованіи нарѣчій времени: къгда, тъгда, инъгда, югда, вьсегда. Нѣсколько аналогично образованіе нарѣчій мѣста суффиксомъ де: къде, онъде, сьде, вьсьде. Нельзя не привести въ связь съ этими формами и тѣ адвербіальныя образованія, гдѣ въ видѣ суффикса являются слоги мдоу, мдѣ, мда: кмдоу, кмдѣ, кмда; инмдоу,—дѣ,—да; смдоу,—дѣ,—да; Рус. куда, туда; сюды, туды; сюдою, тудою. Наконецъ сюда же примыкаютъ адвер-

біальные суффиксы: **жде, жди, ждъı, шьди, шти: тойжде, ижде; малижди, многаждъı; тришьди, четъıришти.**

2. **дь**· **стадь** (grex), **пѧдь, задь; прѣдь.**
3. **адъ**: Хорут. strnad; **ада: громада; сковрада?** Рус. голяда.
4. **адь, гадь; площадь, челгадь?** Рус. пестрядь, рухлядь, стерлядь? мокрядь (ср. мокреть). Въ Сербскомъ этотъ суффиксъ часто употребляется въ названіяхъ молодежи; момчад, шокчад, грчад; ср. гњилад.
5. **ѧдъ: скарѧдъ; ѧдо, ѧда: говѧдо**, Пол. gawęda; ср. Рус. дуринда; **ѧдь**? Пол. labędź (лебедь)?
6. **оудъ**? Хут. mrtvud, Пол. maruda.
7. **ьда: правьда, кривьда, вражьда.**

Суффиксы съ гортанными **к, г, х.**

Тихимъ гортаннымъ **к** образованы слѣдующіе суффиксы:

1. **къ: знакъ. бракъ, навъıкъ, прѣкъ, плъкъ: ка: ласка, соука?** Рус. бѣломойка; Срб. дойка.
2. **акъ, гакъ: своягкъ, юнакъ, инакъ, вьсягкъ**; Рус. черпакъ, ходакъ, рѣзакъ; простакъ, русакъ; чудакъ, гусакъ, завтракъ; Полякъ, добрякъ, синякъ, морякъ, обинякъ.
   ака, гака: Рус. писака, зѣвака, служака; гуляка, кривляка, забіяка;
3. **ѣкъ: человѣкъ**? Хут. pisěk; **ѣка: калѣка?**
4. **икъ: мужикъ, ближикъ**; Рус. мужикъ, старикъ, кроликъ, рыжикъ, вѣникъ, пряникъ, семикъ; мячикъ, братикъ; **ика: мужика, ближика**; Рус. черника, гвоздика.
   Отъ приставки къ этому суффиксу другихъ образовались слѣдующіе сложные суффиксы:
   аникъ. рожаникъ, Рус. пос(ъ)ланикъ; земляника;
   омикъ: питомикъ;
   имикъ: любимикъ,
   ѣникъ: кръмлѣникъ, оученикъ;
   ьникъ; пѧтьникъ, **кръвьникъ**; Рус. жальникъ, плот(ь)никъ;
   льникъ: начѧльникъ;
   альникъ: Рус. утиральникъ;
   мльникъ: бѣлильникъ, будильникъ;

овьникъ: громовьникъ; пировьникъ;
итьникъ: рѣбитьникъ;
ьтьникъ: шьпьтьникъ;
ьдьникъ: вражьдьникъ;

ьчикъ: Рус. колокольчикъ; мальчикъ; нѣт(ь)чикъ; завод(ь)чикъ.
овьщикъ: Рус. часов(ь)щикъ;
ен'щикъ: Рус. камен(ь)щикъ.

5. ъкъ, ькъ: пѣсъкъ, шипъкъ, цвѣтъкъ, пятъкъ, добѣтъкъ; жзъкъ, близъкъ, дрьзъкъ; Рус. глотокъ, пинокъ, плевокъ; затылокъ, пасынокъ, наперстокъ; смѣчькъ, горькъ, тьнькъ, тяжькъ, Рус. скачекъ, прыжекъ, хорекъ;

ъко, ько: яблъко; Рус. батько, гнѣд(ь)ко, бур(ь)ко;
ъка, ька(йка): гадъка, тъчька, оуйка; Рус. глот(ъ)ка, ков(ъ)ка, слив(ъ)ки, незабуд(ъ)ка, зыб(ъ)ка, ут(ъ)ка.
Отъ соединенія этихъ суффиксовъ съ другими образовался цѣлый рядъ сложныхъ суффиксовъ:
енъкъ: Рус. гусенокъ, львенокъ;
онькъ, еньк: Рус. диконькій, блѣдненькій.
оушькъ: Рус соловушекъ; пѣтушекъ.
ѣшькъ: Рус. колышекъ;
ашькъ: Рус. барашекъ?
ешькъ Рус. гребешекъ;

ютькъ: Малорус. ранютко, свѣжуткій.
охонькъ Рус. бѣлехонекъ, Малорус. всехонько;
ешенькъ: Рус. здоровешенекъ; ранешенько.
юсенькъ: Малорус. голюсенькій:
осенькъ. Малорус. махосенькій.
отенькъ: Малорус. махотенькій.
охонькъ: Малорус. махохонькій.
атъко: Рус. дивчатко.
енько: Рус. оченьки.
ечько: Рус. мѣстеч(ь)ко, сердеч(ь)ко.
ишько, ишька: Рус. домиш(ь)ко; мальчиш(ь)ка;
ѣшько: Рус. солныш(ь)ко.

оушька, юшька: Рус. дѣдуш(ь)ка, лягуш(ь)ка, батюш(ь)ка;
ашька: Рус. милаш(ь)ка;
енька: Рус. дяденька, тетенька.
отъка: Рус. крохот(ъ)ка;

овъка: Рус. воров(ъ)ка;
ѣлъка: Рус. горѣл(ъ)ка.

6. окъ: съвѣдокъ, глѫбокъ, широкъ, вꙑсокъ; Рус. ходокъ, ѣздокъ;
ока: лалока (palatum)?

7. оукъ, юкъ: клобоукъ? Рус. индюкъ, канюкъ; Малорус. псюкъ.
юка: Рус. гадюка, подлюка.

8. ꙑкъ: ѫзꙑкъ; Рус. кадыкъ? к(ъ)лыкъ.
ꙑка: владыка, мотыка? Рус. кавыка?

9. иско, иске=иште: Пол. ognisko, babisko, chlopisko, nazwisko; ср. Рус. головишка, мужичишко.
Въ Древнеславянскомъ этотъ суффиксъ является въ смягченномъ видѣ-иште (ср. искати: иштѫ; поускати: поуштѫ): нꙑриште, огниште, плъчиште, поприште, врѣтиште, гноиште, капиште; Рус. городище, кладбище, топорище; ср. ручища.
Отъ сложенія съ суффиксами ал, ил, ел образовались формы: игралиште, сѣдилиште, дѣлателиште.

10. ьскъ, йскъ: дѣтьскъ, мѫжьскъ; Рус. тысяцкій (т. е. тꙑсѫштьскъ); свойскій; войско.
Сложные съ другими суффиксы: звѣриньскъ; жидовьскъ.

Суффиксы со звонкимъ гортаннымъ г.

1. гъ: плоугъ? Рус. четвергъ (ЦСл. четврьтъкъ).
га: слоуга, строуга, розга, снага?

2. агъ, ягъ (ѧгъ?): кръчагъ? Рус. липнягъ, мочагъ; ага, яга (ѧга?): лежага; Рус. бродяга, скряга? сермяга? Суф. этотъ соединяется съ другими въ формахъ Рус. бѣд(ъ)няга, порт(ъ)няга, двор(ъ)няга, роботяга.
Предположеніе о существованіи въ этомъ суффиксѣ юса основывается на Польскихъ формахъ: włoczęga, siermięga, mitręga?
Если это предположеніе вѣрно, то разсматриваемый суффиксъ былъ бы совершенно аналогиченъ суф. ягъ въ словахъ: Варягъ, колбягъ, и суф. язь (см. ниже), который въ женскомъ родѣ открываетъ согласный г: кънязь, кънагꙑни.

3. оугъ, югъ (жгъ?): Рус. яругъ? пестругъ (Пол. pstrąg, т. е. пьстрѫгъ); жемчугъ? оуга, юга: коюга (pes ligneus)? Рус. бѣ-

луга, волочуга (Пол. włoczęga, т. е. влачага), яруга, вьюга, дерюга, радуга? ср. пар(ь)нюга, кольчуга, пьянюга.

Со вставочнымъ з получаемъ суффиксъ юзга: мелюзга.

4. ѧгъ: сасѧгъ (fornax fusoria); ѧга: котѧга (tunica)? Рус. лодыга (Пол. łodyga, caulis); прощелыга, торопыга.
5. игъ: гаригъ? ига: верига, кънига, коврига?
6. егъ, ѣгъ: ковьчегъ? бѣлѣгъ? Со вставочнымъ з-езгъ: Рус. дребезги; Пол. drobiazgi.
7. огъ: острогъ, чрьтогъ, иногъ (gryps), Сварогъ, брълогъ, сапогъ? хѫдогъ (kundig)? Рус. пирогъ, тварогъ? батогъ?
ога: Рус. острога, берлога.

Суффиксы съ гортаннымъ придыхательнымъ х.

1. хъ: спѣхъ, слоухъ, доухъ, смѣхъ;
ха: стрѣха; Рус. пряха, сваха, неряха, вѣха, лѣха?
2. ахъ: сиромахъ; Малорус. п(ъ)тахъ (ср. пташка);
аха: Рус. черепаха, рубаха, плаха, п(ъ)таха.
Въ соединеніи съ суффиксомъ ънъ образуется сложный суф. ахънъ: Серб. маљахан (parvus); Рус. боляхный.
3. ехъ, Рус. лемехъ (Цсл. лемешь)?
еха: маштеха (Рус. м[illegible]ниха); Рус. лепеха; ср. малехонекъ.
4. ихъ: женихъ; иха: Рус. гречиха; Чеш. pleticha; ср. Малорус. ковалиха, гончариха.
5. охъ: Рус. ворохъ; Чеш. jinoch, lenoch; Пол. pieszczoch;
оха: т(ь)роха; Рус. проидоха, суматоха, кумоха.
6. оухъ, юхъ: сопоухъ; Рус. пѣтухъ, конюхъ, пентюхъ;
оуха, юха: пазоуха, горюха; Рус. сивуха, веснуха, требуха; Пол. zawierucha.
7. ъхъ, ьхъ: ветъхъ? брьчьхъ (πλόκαμος); ъха; плетъха?

Суффиксы съ согласными свистящими (ц, з, с) *и шипящими* (ч, ж, ш).

Хотя первый членъ каждой тріады есть не элементарный звукъ, а дифтонгъ (ц$=\frac{т}{2}+$с; ч$=\frac{т}{2}+$ш), однако въ суффиксахъ онъ является для чутья языка звукомъ столь же цѣльнымъ и единичнымъ, какъ и четыре остальные.

Изъ фонетики Славянскаго языка извѣстно, что звуки свистящіе и шипящіе (т. е. протяжные зубной и небной среды) развились первоначально изъ гортанныхъ (к: ц: ч=г. з: ж=х с: ш), а кой-гдѣ изъ зубныхъ (напр Русскіе: ч=шт=тй; ж=жд=дй), и слѣд. представляютъ родъ звуковъ вторичныхъ, за исключеніемъ одного с, который принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, къ числу звуковъ Праарійскихъ; но метаморфоза эта произошла во времена столь отдаленныя, что для исторической поры жизни Славянскаго языка необходимо признать самостоятельность этихъ производныхъ звуковъ и въ морфологическомъ отдѣлѣ грамматики разсматривать ихъ отдѣльно отъ ихъ первоисточниковъ.

Суффиксы съ зубнымъ дифтонгомъ ц.

1. ць: сиць, сице? Этотъ суффиксъ встрѣчается, въ видѣ слога ци, какъ энклитическая привѣска при мѣстоименіяхъ и числительныхъ, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: дроуг ици, двоици.
2. ьць: борьць, коупьць, пѣвьць, ж(ь)рьць, съсьць, отьць, пальць, Рус. истецъ; заводецъ, Корсунецъ;
   ьце, йце: слъньце, срьдьце, словьце, дрѣвьце; гайце; Гус. донце; словцо, кольцо;
   ьца, йца: овьца, мъшьца; оубийца, кръвопийца, любодѣйца; Пол. darca, rządca, rajca, owca

Сложные суффиксы съ тѣмъ же слогомъ:

аньць: рожаньць;
еньць: пътеньць;
оньць: Рус. червонецъ;
иньць: гостиньць, мизиньць; дѣтинецъ, звѣринецъ;
ѣньць: роумѣньць;
авьць: дѣлавьць, ласкавьць;
ивьць: лъживьць;
овитьць: имовитьць;
льць: пришьльць;
альць: страдальць;
ильць: Рус. кормилецъ.

3. ица: пътица, ж(ь)рица, чародѣица; дѣвица, грълица, лъжица, соулица; львица, юница; троица; Рус. столица, бездѣлица.

Сложные суффиксы:

ьница: грѣшьница, плѣньница, деньница, горьница; Рус. ризница;
ꙗница: пиꙗница;
авица, ꙗвица· пиꙗвица; трѧсавица;
овица: ноговица; маковица; оноговица;
ивица: страшивица,
ьлица: Рус. свѣт(ь)лица;
илица. Рус. кормилица

4. иць: гвоздиць, Растицъ (Ростиславъ); Чеш. střevic. Впрочемъ суффиксъ іс въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ чаще произошелъ изъ суф итйъ=иштъ=Рус. ичъ, о чемъ см. выше.
5. ѧць: мѣсѧць? заꙗць?

Суффиксы со звонкимъ зубнымъ протяжнымъ з.

Число этихъ суффиксовъ такъ незначительно и составъ соотвѣтственныхъ темъ столь неясенъ, что трудно положительно присваивать Славянскому языку этотъ элементъ, какъ темообразующій. Въ однихъ случаяхъ онъ могъ развиться, какъ поздняя неорганическая вставка, въ другихъ-же является какъ будто варягомъ, пришельцемъ изъ-за моря.

Къ числу формъ перваго рода можно отнести слѣдующія:

1. езъ: Серб. љемез?
2. озъ: Чеш. lomoz?
3. изь· Рус. прямизь (ср. прямизна), бѣлизь, дробизь;
4. оузъ: Рус. мелузъ, мелюзъ (ср. мелюзга); Бѣлорус. ментузъ (налимъ).

5. Къ темамъ, заимствованнымъ изъ-чужа, должны, по всей вѣроятности, принадлежать тѣ, которыя образованы суффиксомъ ѧзь, ѧгъ (Рус. язь, ягъ), соотвѣтствующимъ нѣмецкому ing. Таковы: кънѧзь (ср. староверхненѣм. chuning), витѧзь, пѣнѧзь (ср. ст. вер. нѣм. phenning), склѧзь или стьлѧзь (Пол. szeląg; ср. ст. вер. нѣм. scilinc), оусерѧзь (Рус. серьга; Готск. auhsariggs), кладѧзь (ср. Готск. kaldiggs); Пол. mosiądz (ср. средневерхненѣм. messinc), rzeciądz (и: wrzeciądz), Чеш. řetèz, Малорус. ретязъ (catena), ср. Szlązk (Чеш. Slezsko); Grudziąż (Graudenz). Во всѣхъ этихъ формахъ скрывается звукъ г, какъ показываетъ форма кънѧгꙑни, а равно и сравненіе съ соотвѣтственными формами Нѣмецкаго; слѣдовательно суффиксъ ѧзь не от

личенъ въ сущности отъ суффикса **агъ**, который необходимо предполагать въ Древнерусскихъ формахъ: Варягъ (ср. старонижненѣм. vaering), корлягъ (ср старовержненѣм. karling), колбягъ, Ятвягъ (Ядзвингъ); ср. Пол. Elbjąg (Elbing). Касательно происхожденія исчисленныхъ словъ не установилось еще полнаго согласія между изслѣдователями, хотя не одинъ разъ онѣ были уже предметомъ изслѣдованія лингвистовъ и историковъ. Приверженцы нормандизма Варяговъ-Руси всегда принимали эти слова за одно изъ доказательствъ своей теоріи; ихъ же противники старались подъискать Славянскіе корни для приведенныхъ формъ. Наиболѣе вѣскими соображеніями подкрѣплена гипотеза послѣднихъ въ „Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка“ Проф. И. И. Срезневскаго. Эти соображенія не для всѣхъ однако показались убѣдительными, какъ показываетъ примѣръ знаменитаго вѣнскаго слависта Фр. Миклошича, который считаетъ вышеприведенные слова и формы по большей части (Stammbildungslehre. 317) заимствованными. Мы должны сознаться, что при всемъ желаніи доказать славянизмъ этихъ словъ, мы бы затруднились въ этомъ. Суффиксъ **азь**, **агъ** встрѣчается всего въ дюжинѣ формъ, изъ которыхъ ни одна не представляетъ особенно яснаго и прозрачнаго Славянскаго корня, а наоборотъ всѣ почти представляютъ очень подозрительное сходство съ созвучными Нѣмецкими. Вслѣдствіе того предположеніе о германизмѣ этихъ словъ опирается, по нашему мнѣнію, на данныхъ несравненно болѣе осязательныхъ, чѣмъ противоположное—объ ихъ славянизмѣ.

Во всякомъ случаѣ, формы эти существуютъ уже очень давно во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и потому заслуживаютъ упоминанія въ Славянской морфологіи.

Суффиксы съ тихимъ зубнымъ протяжнымъ **с**.

1. **съ**: **часъ**, **вѣсъ**, **лѣз(к)съ**; **рѣсь**?
   са: Рус. **плакса**; Пол. beksa.

2. **ес(о,еса)**. Суффиксъ этотъ производитъ закрытую тему, какъ и два нижеслѣдующіе (**ъс**; **ийъс** (ijas). Такъ какъ въ им. ед. мы встрѣчаемъ форму сокращенную на о, то приведемъ здѣсь для наглядности формы именит. множ. **дивеса**, **словеса**, **небеса**, **очеса**, **тѣлеса**, **оушеса**, **колеса**, **оудеса**: ср. **ложесно**, **древеснъ**.

3. ъс. Это суффиксъ прошедшихъ причастій дѣйствительнаго, соотвѣтствующій Праарійскому us (vas, vans). Въ Древнеславянскомъ слогъ ъс въ именит ед мужескаго рода сократился въ звукъ ъ, ь; но въ женскомъ элементъ с выступаетъ наружу, въ видѣ вторичнаго звука ш, который остается затѣмъ во всѣхъ косвенныхъ падежахъ: плетъ, плетъши (ж. р.); начьнъ начьнъша (Род. ед.); хвалъ, хвальша; коупль, коупльша.
4. ийъс (ijas) или иіъсйъ (ijasja). Этотъ суф. образовалъ форму сравнительной степени. Въ Древнеславянскомъ изъ первой приведенной формы образовалось окончаніе ий (ийьс=ийъ=ий), а изъ второй окончаніе ѣйшь. Первое встрѣчается въ древнѣйшихъ образованіяхъ. а послѣднее въ болѣе новыхъ: болий, больши (ж. р.); мьний, лиший, льжий, тѫжий, брѫжий, глѫбли́й, хоуждий, слаждий, поуштий, ваштий, оуний; но добрѣй, добрѣйши.

Въ Русскомъ изъ этого суффикса развились два слѣдующіе: ьшій (большій) и ѣйшій (малѣйшій).

5. асъ: к(ъ)ласъ? в(ъ)ласъ? Рус. дубасъ, бѣласый; бѣлбасъ?
   аса: клъбаса? Рус. мордасы?
6. осъ: Серб. прокос (прекословіе).
7. оусъ, оусь. Пол. obdartus, całus, Kostuś; Малорус. Петрусь, татусь;
   оуса: Малорус. бабуся.
8. ѕісъ, ѕісь. Малорус. Венадысь (Benedictus); Рус. малысъ, — ыса; ср. Пол. Marysia.
9. ись: Пол. młodniś; strojniś;
   иса: Пол. strojnisia.

Суффиксы съ зубнонебнымъ дифтонгомъ ч.

1. чь (чйъ): бичь, бричь, врачь.
2. ачь (ачйъ): тъкачь, сочачь, играчь, ковачь, скрипачь; Рус. богачъ, калачъ. силачъ;
   ача: Хорут. bedača (stulta); Срб. грбача (dorsum).
3. очь(очйъ): ласкочь (adulator), врькочь? иночій.
4. оучь: Рус. сивучъ;
   оуча: Срб. главуча.
5. ѕічь: Пол. słodycz, gorycz.
6. ечь: Срб. Голечь (гора);
   еча: Бѣлорус. малеча (малолѣтній).

7. **ичь: которичь** (homo rixosus). Этотъ суффиксъ напоминаетъ однозвучный съ нимъ въ Русскомъ патронимическій суффиксъ ичъ(итйъ). Ихъ различіе видно единственно изъ разницы формъ Церковнославянскаго: **ишть: ичь.**

Суффиксы съ звонкимъ небнымъ протяжнымъ **ж.**

1. **жа**: Рус. любжа. Миклошичъ относитъ сюда и Пол. формы odzieża, przedaża; но гораздо проще объяснять ихъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ Русскихъ формъ: одежа, продажа, правильно образованныхъ изъ Цер.-славянскихъ: **одежда, продажда** (суффиксомъ: дйа).
2. **ежь: матежь, падежь, грабежь**; Рус. дѣлежъ, свербежъ; холостежь, молодежь.
3. **оужа**. Пол. kaluża (или: ka-luża?)? Срб. калужа (limetum)?
4. **ѧжь, ижь**: Хут. drobiž; Пол. Чеш. ſaniž,—yš (родъ гриба)?

Суффиксы съ тихимъ небнымъ протяжнымъ **ш.**

1. **ша**. Рус. крыша, лѣвша, векша? Маша, Саша; ср. докторша.
2. **ашь** (ь=йъ): Рус. торгашъ, кругляшъ; Срб. великашъ; Хут. banderaš.
3. **ешь**(ь=йъ): **лемешь** (aratrum). Ср. суфф. **езъ.**
4. **ошь** (ь=i): **кокошь**; Рус. Мокошь; **ошь** (ь=йъ) Пол. rokosz, Długosz; Срб. Милошъ, Рус. юноша, святоша; ср. ладоши?
5. **оушь, оуша**: Рус. кликуша, толстуша; ср. матушка, хохлушка; Срб. Негуш, Хут. bogatuš.
6. **ѧшь**: Рус. катышъ, огарышъ, околышъ, подкидышъ, пріемышъ, проигрышъ, зародышъ, гладышъ, малышъ, дѣ⁼енышъ, кукишъ? нагишемъ? Лотышъ? **ѧша, иша**. Срб. богиша, грубиша.

Суффиксы съ миновенными губными **п, б.**

Звуки эти рѣже всѣхъ остальныхъ появляются въ образовательныхъ окончаніяхъ, какъ и вообще эти наружные звуки стоятъ довольно изолированно отъ другихъ (внутреннихъ по органамъ про-

изношенія) согласныхъ, не обмѣниваются съ ними, и даже очень слабо соединяются въ сложныя группы.

Въ роли суффиксовъ встрѣчаются слѣдующія сочетанія этихъ звуковъ:

1. **оупъ**: Серб. скоруп; Хут. gorjup (горькій);
   оупа: Рус. скорлупа (м. б. с-кор-луп-а?), ср. Бѣлорус. малюпаткій; Пол. maciupki; **стлъпъ и стлъбъ.**
2. **ба, ьба**: **врьба**? **борьба, гѫдьба, мольба; сѫдьба, тажьба**; Рус. рѣзьба, усадьба, туж(ь)ба, жур(ь)ба. Въ сложеніи съ суф. **ть=тьба, атьба, итьба: сѣтьба, оратьба, женитьба.**
3. **оба**: **зълоба, ѫтроба**; Рус. худоба, жалоба, хвороба.

Относительную роль разныхъ звуковъ въ образованіи суффиксовъ можно опредѣлить до нѣкоторой степени по числу комбинацій, въ которыхъ каждый изъ такихъ звуковъ является. Принимая точкой отправленія исчисленныя нами формы суффиксовъ, мы получимъ слѣдующія *количественныя отношенія роли звуковъ* въ суффиксахъ:

1. суффиксовъ вокальныхъ 4;
2. „ съ придыхательными 5 (**й**: 1; **в**: 4);
3. „ „ плавными 50 (**м**: 8; **н**: 17; **л**: 15; **р**: 10);
4. „ „ зубными мгновенными 41 (**т**: 34; **д**: 7);
5. „ „ гортанными 24 (**к**: 10; **г**: 7; **х**: 7),
6. „ со свистящими 19 (**ц**: 5; **з**: 5; **с**: 9);
7. „ съ шипящими 17 (**ч**: 7; **ж**: 4; **ш**: 6);
8. „ „ губными мгновенными 3 (**п**: 1; **б**: 2).

Такимъ образомъ изъ 163 комбинацій звуковъ, играющихъ роль именныхъ суффиксовъ, лишь въ 4 случаяхъ находимъ чистые *гласные;* во всѣхъ остальныхъ встрѣчаемъ ихъ соединенія съ *согласными.* Этотъ сильный перевѣсъ суффиксовъ консонантныхъ надъ вокальными вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что выше сказано о генезисѣ суффиксовъ. Происходя изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, они должны имѣть слоговой характеръ, т. е. представлять соединеніе гласнаго звука съ однимъ или нѣсколькими согласными.

Плавные являются въ 50 комбинаціяхъ, т. е. обнимаютъ 30, 6% общаго числа именныхъ суффиксовъ. Столь значительная роль плавныхъ объясняется ихъ участіемъ въ причастныхъ образованіяхъ

(м, н, л), легшихъ въ основу цѣлому ряду вторичныхъ именныхъ суффиксовъ.

Сравнивая число группъ съ согласными *протяжными* (со включеніемъ плавныхъ) съ одной стороны и *мгновенными* съ другой, мы получимъ слѣдующее отношеніе: 98. 61. Роль первыхъ гораздо обширнѣе, слѣдовательно, роли вторыхъ. Впрочемъ, нужно вспомнить, что въ числѣ протяжныхъ есть цѣлый рядъ вторичныхъ разложеній изъ мгновенныхъ, напр. ц, ч развились изъ к, з, ж изъ г. Если прибавить эти четыре элемента къ мгновеннымъ, по происхожденію, то получится уже другое отношеніе: 77: 82, т. е. сила тѣхъ и другихъ оказалась бы почти равномѣрною, съ нѣкоторымъ даже перевѣсомъ мгновенныхъ надъ протяжными. Это согласно съ древнѣйшимъ состояніемъ Арійскаго консонантизма, гдѣ девяти согласнымъ мгновеннымъ соотвѣтствовало 6 протяжныхъ (I. k, g, gh; t, d, dh; p, b, bh; II. j, s, v; r, n, m [1]).

По отношенію къ звону согласные (за изъятіемъ плавныхъ, которые являются обоюдными) распредѣлены въ суффиксахъ такъ: комбинацій со *звонкими* (й, в, д, г, з, ж, б) 30; съ *тихими* же (т, к, с, ц. ч, ш, п) 79. Итакъ рѣзительный перевѣсъ оказывается на сторонѣ послѣднихъ. Отношеніе было-бы еще рѣзче, если-бы мы приняли во вниманіе обширную роль звука н въ сложныхъ суффиксахъ, далеко не полно выражаемую его показателями. 10 Роль звонкихъ въ суффиксахъ не мало ослабляется еще тѣмъ, что въ очень многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся здѣсь съ образованіями темнаго происхожденія (напр. *д, г, з, ж, б*), и сомнительной оригинальности. Тѣмъ не менѣе не основательно было бы заподозривать Славянизмъ того или другаго суффикса по той единственно причинѣ, что въ его составѣ является звукъ звонкій, а не тихій, такъ какъ къ числу первыхъ принадлежатъ й, з, играющіе довольно обширную и самостоятельную роль въ Славянской морфологіи.

По *органамъ* произношенія согласные въ образованіи исчисленныхъ 159 суффиксовъ находятся въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

зубные (н, т, д, ц, з, с)	въ 77	суффиксахъ;
небные (й, ч, ж, ш)	„ 18	„
гортанные (к, г, х)	„ 24	„
язычные (л, р)	„ 25	„
губные (в, м, п, б)	„ 15	„

1) *Schleicher.* Compendium. 10.

Итакъ всѣхъ чаще встрѣчаются зубные и гортанные, съ примыкающими къ нимъ небными; всѣхъ рѣже губные; средину занимаютъ язычные.

Нельзя утверждать, чтобы разсмотрѣнныя числовыя отношенія безошибочно выражали дѣйствительную роль разныхъ звуковъ въ образованіи именныхъ основъ. Нѣкоторыя несообразности этихъ показаній прямо бросается въ глаза Такъ напр. по нашимъ цифрамъ звуки к и р должны бы встрѣчаться по-ровну въ образованіи суффиксовъ, между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что к играетъ въ образованіи темъ роль несравненно болѣе обширную, чѣмъ р. Тоже должно сказать о х въ сравненіи съ г (7: 7), о ц въ сравненіи съ з (5: 5) и т. д. Для установленія отношеній болѣе точныхъ, необходимо провѣрить изложенныя указанія по другому метому, напр. высчитать процентное отношеніе именныхъ суффиксовъ съ разными элементами, на основаніи текста Церковнославянскаго, Русскаго и т. п.

Опытъ подобнаго вычисленія произведенъ нами, съ приблизительной точностію, по тексту Древнеславянскаго перевода „XIII словъ Григорія Богослова“ [1]), при чемъ оказалось слѣдующее.

Между 200 именными суффиксами, встрѣтившимися въ избранномъ отрывкѣ, находится: вокальныхъ 59, консонантныхъ же 141.

Въ числѣ послѣднихъ:

21	суф.	образованныхъ	придыхательными (й: 19; в: 2);
53	„	„	плавными (м: 14; н: 31; л: 3; р: 5);
35	„	„	зубными мгновенными (т: 31; д: 4);
12	„	„	гортанными (к. 7; г· 0; х: 5);
9	„	„	свистящими (ц: 2; з: 0; с: 7);
9	„	„	шипящими (ч: 3; ж: 0; ш: 6);
2	„	„	губными мгновенными (п: 1; б: 1).

Сравнивая этотъ счетъ съ предшествующимъ, мы находимъ существенное различіе въ числовомъ опредѣленіи роли гласныхъ звуковъ въ образованіи суффиксовъ. Вмѣсто прежняго отношенія 4 (гласн.): 159 (согл.) мы получаемъ: 59: 141. Послѣднее несомнѣнно вѣрнѣе, такъ какъ суффиксы вокальные, несмотря на малое число ихъ обычныхъ комбинацій, являются уже въ Древнеславянскомъ очень частымъ и важнымъ дѣятелямъ въ образованіи именныхъ основъ.

Въ ряду согласныхъ плавные обнимаютъ 25%, что почти совершенно согласно съ отношеніемъ, выведеннымъ выше (30, 6%).

1) См. изданіе СПБ. Академіи наукъ. 1876. стр. 110—112.

Число суффиксовъ съ протяжными и мгновенными опредѣляется отношеніемъ: 97: 44 (ср. выше: 98: 61), слѣд. фактъ перевѣса первыхъ надъ вторыми потверждается еще болѣе рѣзкимъ образомъ.

Отношеніе суффиксовъ съ тихими и со звонкими (за изъятіемъ плавныхъ) опредѣляется цифрами: 62: 26 (ср. выше: 79: 30). Для трехъ звонкихъ (г, з, ж), поставленныхъ нами выше въ ряду сомнительныхъ дѣятелей темообразованія, не оказалось ни одного примѣра, что вполнѣ соотвѣтствуетъ незначительности ихъ роли въ Славянской морфологіи.

Въ распредѣленіи согласныхъ по органамъ получаются и здѣсь отношенія, аналогичныя предшествующимъ:

зубные	участвуютъ	въ	75	суф.	(ср. выше:	77);
небные	„	„	28	„	(„ „	18);
гортанные	„	„	12	„	(„ „	24);
язычные	„	„	8	„	(„ „	25);
губные	„	„	18	„	(„ „	15).

Итакъ преобладаніе зубныхъ надъ всѣми другими потверждается и новымъ вычисленіемъ; но роль губныхъ нѣсколько выдвигается впередъ, превышая въ употребленіи не только гортанные, но и язычные, которые оказываются факторомъ болѣе скромнымъ, чѣмъ какъ могло казаться по числу образуемыхъ ими комбинацій суффиксовъ. Второе мѣсто послѣ зубныхъ приходится, слѣдовательно, оставить за гортанно-небными (въ совокупности 40); третье мѣсто займутъ (благодаря носовому м) губные, а послѣднее язычные.

2. *О суффиксахъ основъ глагольныхъ.*

Разсмотрѣвъ суффиксы основъ именныхъ, перейдемъ къ основамъ глагольнымъ. Онѣ отличны отъ именныхъ не только въ симазіологическомъ, но отчасти и въ морфологическомъ отношеніи. Вокальные элементы составляютъ, какъ мы видѣли, въ суффиксахъ именныхъ основъ факторъ несравненно слабѣе согласныхъ (59: 141); въ глаголахъ наоборотъ они играютъ роль преобладающую. Въ связи съ этимъ находится фактъ, что многія именныя основы представляютъ комплексъ звуковъ закрытыхъ позвучнымъ согласнымъ (напр. при суффиксахъ: ер, ес, ьш, мд, ат); въ глаголахъ же мы постоянно имѣемъ предъ собою основы открытыя, за исключеніемъ

развѣ временныхъ темъ съ суффиксомъ ес, хотя и тутъ находимъ обыкновенно какой нибудь вокальный позвукъ (а, е, ъ).

Неоспоримое различіе основъ глагольныхъ и именныхъ не простирается однако до такой степени, чтобы устранять всякую между ними аналогію. Суффиксы тѣхъ и другихъ равно были нѣкогда самостоятельными словами; произошли изъ корней субъективныхъ или (въ новѣйшихъ образованіяхъ) опустѣлыхъ по значенію объективныхъ (bam, θην и т. п.); составляютъ слогъ, если не утратили своего вокальнаго элемента. Подобно суффиксамъ именнымъ, глагольные способны, хотя и въ меньшей мѣрѣ, къ дальнѣйшему наращенію и могутъ являться въ видѣ суффиксовъ сложныхъ или слитныхъ, напр. суффиксъ ова (оу+а). Наконецъ связующимъ звѣномъ основъ именныхъ съ глагольными служатъ формы инфинитива и причастныя. Какъ по значенію, такъ и по образованію онѣ являются родомъ грамматическихъ амфибій. Съ пространственными функціями именъ (въ склоненіяхъ) онѣ соединяютъ временныя (въ спряженіяхъ) глаголовъ; кромѣ разсмотрѣнныхъ выше именныхъ суффиксовъ (**ти, тоу; ѧшт, ъш, лъ, мъ, нъ**), онѣ заключаютъ въ себѣ еще особые глагольные суффиксы (**нѫ, а, ова, ѣ, и**), которые будутъ разсмотрѣны нами вслѣдъ за симъ.

Число видоизмѣненій глагола, или его тематическихъ развѣтвленій, чрезвычайно обширно, чуть ли не обширнѣе именныхъ. Если сосчитать всѣ формы любаго Славянскаго глагола по видамъ, залогамъ, наклоненіямъ, временамъ и лицамъ, то получится нѣсколько сотъ видоизмѣненій одного и того же корня, въ области преимущественно основъ, такъ какъ словообразующими элементами глаголовъ являются одни личные суффиксы, съ ихъ различеніемъ по числамъ.

Удивительно, какими простыми звуковыми средствами достигается въ Славянскомъ (какъ и другихъ Арійскихъ) языкѣ это грандіозное развитіе глагольнаго корня въ области темъ! Пять суффиксовъ видовыхъ (нѫ, а, ова, ѣ, и); два для наклоненій (е, і); одинъ для временъ (съ=хъ): восмью этими суффиксами и исчерпываются морфологическія средства Славянскаго языка при развитіи темъ чисто глагольныхъ (безъ причастій и инфинитива)! Если прибавить сюда еще три личные суффикса глагола, то мы получимъ 11 суффиксовъ для всѣхъ его видоизмѣненій, въ области не только темъ, но и словъ! При разсмотрѣніи глагольныхъ темъ, необходимо обращать вниманіе

на то обстоятельство, что всѣ онѣ даже морфологически группируются около двухъ логическихъ центровъ: а) темы аористовъ (онѣ же и инфинитива) и б) темы настоящихъ временъ, а иногда и имперфектовъ.

По внѣшнему виду перваго рода темы можно бы назвать простыми или краткими, а вторыя распространенными.

Краткія глагольныя основы (аористныя или инфинитивныя) могутъ быть образованы въ Славянскомъ языкѣ шестью различными способами:

1. Корень принимается за основу;
2. къ корню прибавляется суффиксъ нѫ;
3. къ корню или основѣ прибавляется суффиксъ а;
4. „ „ „ „ „ „ ова (оуа);
5. „ „ „ „ „ „ ѣ;
6. „ „ „ „ „ „ и.

Такъ получается шесть видовъ или классовъ Славянскаго глагола, отличныхъ какъ по строенію, такъ и по значеніямъ, вслѣдствіе чего на нихъ должно быть обращено особое вниманіе какъ въ морфологіи, такъ и въ симазіологіи Славянскаго языка.

Первый изъ 6 видовъ существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что по отсѣченіи суффиксовъ временныхъ или модальныхъ (хъ, ти) мы получаемъ въ немъ односложный комплексъ звуковъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ классахъ остается въ результатѣ два и даже три слога. Такъ напр. по отсѣченіи суффикса **ти** мы получимъ для каждаго изъ шести классовъ слѣдующія звукосочетанія:

1. да, би, обоу, бꙑ, сѣ, пек, жи(в), мѧ, трь;
2. кос-нѫ, гꙑб-нѫ, дрьз-нѫ, гъ(б)-нѫ,
3. чес-а, рꙑд-а, бѣг-а, дѣл-а;
4. лик-ов-а, цѣл-ов-а, вои-ев-а,
5. бъд-ѣ, мьн-ѣ, им-ѣ, блест-ѣ;
6. боуд-и, сад-и, блѫд-и.

1. По своей роли въ образованіи глагольныхъ формъ, *первый* изъ шести видовъ совершенно аналогиченъ пяти послѣднимъ, почему и принимается, подобно имъ, за глагольную основу; но въ сущности онъ такъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ, въ морфологическомъ отношеніи, какъ только можетъ быть отличенъ односложный корень отъ многосложной основы.

Число глаголовъ перваго типа не очень значительно: Миклошичъ насчигалъ до 100. Мы видимъ въ нихъ глаголы самой простой и древней формаціи.

2. Второе мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ глаголы, образованные суффиксомъ нѫ. Онъ приставляется обыкновенно къ корнямъ и образуетъ основы первичныя, тогда какъ остальные суффиксы весьма часто приставляются и къ именнымъ основамъ, образуя такимъ образомъ темы вторичныя.

Что касается происхожденія слога нѫ, то сравнительное языкознаніе ставитъ его въ одинъ рядъ съ Греческимъ суффиксомъ νυ (въ формахъ· δείκνυμι, πήγνυμι), соотвѣтствующимъ Санскритскому nu. Есть дѣйствительно основаніе предполагать, что ринезація слога ноу произошла въ Славянскомъ языкѣ во время сравнительно позднее, являясь родомъ удвоенія элемента н (нѫ=нун или нан). Въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ бѣглый характеръ втораго носоваго (**двигнѫ двигнеши, — неть**), такъ и случаи перегласовки кса (ѫ) въ слогъ **ов**, что возможно объяснить лишь предположеніемъ, что въ этомъ ѫ скрывается древній **оу**: **прикоснѫсѧ: прикосновенъ**; **плинѫти: плиновенъ**; **двигнѫти: двигновенъ** и т. п.

3. Глагольныя основы на а обнимаютъ очень обширный кругъ формъ, съ разнообразнымъ значеніемъ, при чемъ встрѣчаются темы какъ первичныя (**чесати, рꙑдати**), такъ и вторичныя (**дѣлати, оупокаѭати, стрѣлѧти**). Иногда этотъ суффиксъ какъ будто удвояется, такъ что получается тема трехсложная: **сочет ава(ти)**, **оувѣшт-ава(ти)**; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ ложится на суффиксъ съ другимъ гласнымъ: Рус. сказывать, игрывать.

Гласный суффиксъ а встрѣчается и въ прочихъ Арійскихъ языкахъ: Лат. amare; Греч. τιμάω; въ Санскритѣ онъ звучалъ аја.

4. Къ темамъ на а примыкаютъ основы на **ова**. Суффиксъ этотъ есть слитный; онъ явственно распадается на два: **ов**+**а**. Касательно перваго элемента возможны два мнѣнія: либо онъ самостоятельно произошелъ изъ мѣстоименнаго корня ava (**овъ**); либо развился подъемомъ изъ звука ъ(=ѧ, оу) именныхъ темъ, отъ которыхъ произошли относящіяся сюда глагольныя основы. Послѣднее предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ оно потверждается и производнымъ (denominativa) характеромъ глаголовъ этого типа, и появленіемъ слога оу въ темахъ настоящаго времени: **цѣловати: цѣлоуѭ**; **даровати: дароуѭ**; **воювати: воюѭ**. Принимая это мнѣніе, не надобно

думать, будто суффиксъ **ов** могъ развиться лишь изъ именныхъ темъ на **оу**; возможно допустить образованіе его и изъ основъ на а, чрезъ посредство ъ, въ которомъ совпѣщался характеръ какъ одного, такъ и другаго прагласнаго. Мы допускаемъ здѣсь такой же переходъ звуковъ, какой совершился въ развитіи суффикса родительнаго множественно на **овъ**, въ темахъ не только **оу**, но и а.

5. Темы на **ѣ** примыкаютъ съ одной стороны къ темамъ на **а**, а съ другой къ темамъ на **и**, что видно на основахъ настоящаго времени:

а) **имѣти: имѣеши**; ср. **рꙑдати: рꙑдаеши**;

б) **бъдѣти: бъдиши**; ср. **садити: садиши.**

Такая двойственность формъ этого типа коренится, по всей вѣроятности, на двойственности происхожденія и характера звука **ѣ**(а+і): одной своей стороной онъ примыкаетъ къ а, а другой къ і (ср. **сѣсти: садити**; **вѣдѣти: видѣти**). Быть можетъ въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ источникъ разногласія, а вмѣстѣ и почва для примиренія взглядовъ на происхожденіе этого суффикса. Шлейхеръ выводилъ его изъ аја(=еје=ѣ), а Миклошичъ изъ ја(=аj, еj, ê). Возможно какъ то, такъ и другое; но позволительно допустить и третье, именно формы **ѣти, ѣеши** выводить изъ аја (по Шлейхеру), а формы **ѣти, иши** изъ ја (по Миклошичу).

6. *Шестой* и послѣдній видъ темъ имѣетъ суффиксъ **и**. Формы, имъ образованныя, представляютъ основы по большей части вторичныя: **побѣда: побѣдити**; **покой: покоити**, **садъ: садити**. Этотъ суффиксъ и замѣчателенъ тѣмъ, что остается и въ темахъ настоящаго (какъ въ одной половинѣ глаголовъ 5 класса); но онъ является тамъ, по-видимому, результатомъ вторичнаго стяженія, какъ увидимъ ниже.

Изъ темъ, образованныхъ шестью исчисленными способами, развился, посредствомъ дальнѣйшихъ суффиксовъ, рядъ другихъ основъ, съ общимъ смысломъ прошедшаго или будущаго времени, какъ въ причастныхъ, такъ и личныхъ формахъ. Суффиксы прошедшихъ причастій (**ъш, ьш, лъ**; **нъ, тъ**) разсмотрѣны уже выше, въ обзорѣ именныхъ основъ. Что касается *темъ аористныхъ*, то онѣ бывали въ Древнеславянскомъ либо совершенно обнаженныя отъ всякаго временнаго суффикса (**идъ, идомъ**; **вънидѫ** вм. позднѣйшихъ **идохъ, идохомъ, идоша**; **сѣдъ, сѣдомъ, сѣдѫ** вм. **сѣдохъ, сѣдохомъ, сѣдоша** и т. п.), либо украшенныя суффиксомъ **с**. **чисъ**(**чьт-съ**), **съблюсъ, привѣсъ, принѣсъ, погрѣсъ, възасъ, распасъ, сънаса**. Впрочемъ какъ та, такъ и

другая форма, соотвѣтствующія Греческому II и I-ому аористамъ, довольно рано выходятъ изъ употребленія въ славянщинѣ и замѣняются новымъ видомъ аориста съ суффиксомъ: хъ (вм. съ).

Славянскій аористъ раскололся затѣмъ на двѣ формы: краткую (оконченнаго дѣйствія) и распространенную (неоконченнаго, или несовершеннаго дѣйствія и состоянія). Элементомъ распространенія является звукъ а, который въ зіяніи прикрывается іотомъ: чоу-ꙗ-хъ, мꙑ-ꙗ-хъ, одѣꙗхъ (при краткихъ аористныхъ формахъ: чоухъ, мꙑхь, одѣхъ). Трудно сказать, въ какомъ отношеніи къ этимъ формамъ Славянскаго преходящаго находятся тѣ, въ которыхъ вмѣсто одного а появляется его удвоеніе: аа, аꙗ: бихъ: биꙗахъ; лихъ: лиꙗахъ; пѣхъ поꙗахъ; плоухъ. пловꙗахъ; дѫхъ: дъмꙗахъ; мѧхъ: мьнꙗахъ. Возможно двоякое предположеніе: либо перваго рода формы (съ одиночнымъ а) представляютъ позднѣйшее и довольно рѣдкое стяженіе вторыхъ (аа), какъ это допускаютъ по отношенію къ а инфитивовъ на ати (изъ: aja-ti); либо наоборотъ, формы аахъ развились изъ древнѣйшихъ на ахъ, по вліянію аналогіи преходящихъ временъ глаголовъ съ суффиксами въ инфинитивѣ: а, ѣ, и, т. е. что формы биꙗахъ, поꙗахъ, развились изъ болѣе древнихъ: биꙗхъ, поꙗхъ, по дѣйствію формъ: дѣлаахъ, жадаахъ, писаахъ; слꙑшаахъ; велѣахъ (и: велꙗахъ), дѣлꙗахъ, люблꙗахъ. Первое предположеніе имѣетъ за себя чрезвычайную рѣдкость въ Древнеславянскомъ языкѣ формъ преходящаго съ одиночнымъ а, а также фактъ позднѣйшаго повсемѣстнаго стяженія суффикса аахъ въ ахъ: древнія стяженныя формы на ахъ могли быть слабымъ предвѣстникомъ того обширнаго звуковаго процесса, который обнялъ впослѣдствіи весь подлежащій матеріалъ языка. Но съ другой стороны, если не соблазняться внѣшнимъ видомъ суффиксовъ преходящаго времени (аахъ, ꙗахъ), а обращать особенное вниманіе на происхожденіе ихъ элементовъ, то окажется, что большинство Древнеславянскихъ глаголовъ имѣли характеромъ означеннаго времени суффиксъ съ одиночнымъ а, такъ какъ первое а (въ суф. аахъ) не только можно, но и должно принимать за характеръ не преходящаго времени, а первой глагольной основы, которая удерживается и въ аористѣ: дѣла-хъ: дѣла-ахъ; мета-хъ: мета-ахъ; кова-хъ: кова ахъ; жьда-хъ: жьда-ахъ; велѣ-хъ: велꙗ-ахъ; висѣ-хъ: висꙗ-ахъ; дѣли-хъ: дѣлꙗ-ахъ; оучи-хъ: оуча-ахъ. Мы считаемъ послѣднее предположеніе болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, при подобномъ объясненіи перваго изъ удвояемыхъ гласныхъ, число формъ съ чисто-временнымъ суффиксомъ аахъ (какъ: биꙗахъ, поꙗахъ) будетъ очень незначительно, слѣ-

довательно, принимая характеромъ Славянскаго имперфекта звукъ а, мы отдаемъ предпочтеніе прочнымъ основаніямъ этимологическимъ предъ призрачными очевидностями звуковыми.

Что касается способа распространенія суффикса аахъ на темы не только съ элементомъ а, но и съ ѣ, и, даже нѫ и односложныя, то это должно было произойти по аналогіи самыхъ частыхъ формъ имперфекта, какими несомнѣнно, по своему значенію, были темы на а, заключающія въ себѣ понятіе длительности и незаконченности дѣйствія, или состоянія. Всѣхъ легче могли сбиться на тотъ же путь основы на ѣ, чрезъ промежуточную ступень звука ꙗ; за темами ѣ должны были слѣдовать родственныя имъ на и. а въ концѣ концевъ этотъ процессъ обобщенія обнялъ и глаголы перваго и втораго классовъ: вести: ведꙗахъ; пещи: печаахъ; гънѫти: гънꙗахъ; тагнѫти: тагнꙗахъ.

Когда впослѣдствіи началося процессъ стяженія сосѣднихъ гласныхъ, то во многихъ случаяхъ исчезло всякое различіе между темами аориста и имперфекта. Это произошло именно въ глаголахъ 3 и 4 класса по строенію первыхъ основъ: изъ дѣлаахъ образовалось дѣлахъ, изъ воѥваахъ—воѥвахъ, т. е. формы прошедшаго растяженнаго слились съ краткими. Это сліяніе началось очень рано и образцы его встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности. Быть можетъ это обстоятельство не осталось безъ вліянія на вторичную дифференцировку двухъ аналогичныхъ формъ въ суффиксахъ 2 и 3 лл. ед. и 3 множ. Она выразилась въ томъ, что общій характеръ времени обѣихъ формъ х(е) оставленъ въ однихъ формахъ, а видоизмѣненъ или выброшенъ въ другихъ. Такъ въ 3 л. мн. ч. мы встрѣчаемъ суффиксъ хѫ(т) въ имперфектѣ, но ша(т) въ аористѣ; въ 2 и 3 л. ед. тотъ же суффиксъ, хотя и видоизмѣненный въ ш, сохраненъ въ темахъ времени преходящаго (бишеше, мѣшеше), но изгнанъ безслѣдно изъ основъ аористныхъ (би, мѣ). Обнаружилось стремленіе дифференцировать какъ-нибудь еще формы 3 л. дв. и 2 л. мн., совпадавшія въ однообразныхъ суффиксахъ. ста, сте (дѣлааста: дѣласта; писаасте: писасте). Въ имперфектѣ, по аналогіи формъ единст. числа, стали показываться оригинальныя формы: шета, шете; но онѣ не имѣли уже времени распространиться и утвердиться въ языкѣ.

Суффиксъ с(ѥс) образовалъ, какъ въ Греческомъ, такъ и въ Славянскомъ языкѣ, темы не только аористовъ, но и *будущаго* времени, если позволительно судить объ этой давно утраченной категоріи

Славянскаго спряженія на основаніи единственной надежной формы: **бѫшѫщеѥ**, которая разъ пять встрѣчается въ рукописи XIII Словъ Григорія Богослова (въ смыслѣ Греческихъ: τὸ μέλλον, γενόμενον, ἐσόμενον), а также и въ нѣкоторыхъ другихъ Древнеславянскихъ памятникахъ. Эта причастная форма предполагаетъ изъявительную на **шѫ**: **бѫшѫ** (ср. **бѫдѫщеѥ**: **бѫдѫ**), что вполнѣ совпадаетъ съ литовской формой busiu и Греческой φύσω. Славянскіе филологи, съ легкой руки Шафарика, приводятъ еще полъ—дюжины формъ Древнеславянскаго будущаго: **измишѫ** (отъ **минѫти**), **бѣгаснѫ** (**бѣгати**), **обрьснѫ** (**брити**), **въскопъснѫ** (**копати**), **тъкъснѫ** (**тъкнѫти**), **пласнѫ** (**планѫти**). Надобно сознаться, что ни одна изъ этихъ шести формъ не представляетъ столь ясныхъ примѣтъ будущаго, чтобы могла разсѣять всѣ сомнѣнія и возраженія. Четыре послѣднія формы очень легко могутъ быть объяснены какъ формы настоящаго времени отъ инфинитивовъ на **нѫти**, со вставочнымъ **с** (ср. именные суффиксы: **снь**, **знь**, **изна**, **ость**: **баснь**, **боязнь**, **отьчизна**, **милость**); изъ двухъ же первыхъ очень темныхъ формъ нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода.

Другая глагольная основа (настоящихъ временъ) характеризуется вставочнымъ гласнымъ, который является въ видѣ то **е**, то **о**: **плет-е ши**, **дъм-еть**; **несѫ**(**несон**), **несѫть**(**онть**); **везомъ**. Лишь четыре архаическіе глагола (**ѥсмь**, **имь**, **вѣмь**, **дамь**) образуютъ praesens indic. безъ этого вставочнаго гласнаго. Въ глаголахъ 5 и 6 класса, т. е. съ темами **ѣ**, **и**, встрѣчаются формы безъ вставочныхъ **е**, **о**. **бъдиши**, **блѫдиши**; **трьпимъ**, **любимъ**. Руководствуясь аналогіею, можно предположить, что и эти формы развились при участіи, хотя и скрытомъ, вставочнаго гласнаго **е** (**о**), т. е. что вышеприведенныя формы: **бъдиши**, **любимъ** развились изъ древнѣйшихъ: **бъди-ѥ-ши**, **люби-ѥ-мъ**. Стяженіе сосѣднихъ слоговъ **и**+**ѥ** въ одинъ (долгій)', путемъ ассимиляціи сосѣднихъ гласныхъ, не представляется явленіемъ невозможнымъ. Въ параллель этому роду стяженія можно поставить извѣстные случаи стяженія прилагательныхъ сложныхъ: **добра**+**ѥго**=**добраго**, Чеш. dobrého; или глагольныхъ формъ: **видѣахъ**: **видѣхъ**. Еще большее сходство съ разсматриваемыми формами стяженія имѣетъ Древнеславянская же форма **имамь** изъ **има**+**ѥмь**.

Нельзя сказать, чтобы приведенныхъ соображеній достаточно было для окончательнаго разъясненія вопроса объ отношеніи формъ на **ѥши** къ формамъ на **иши**; однако гипотеза о скрытомъ присутствіи гласной **е** въ составѣ звука **и** является пока единственнымъ

болѣе или менѣе раціональнымъ объясненіемъ разсмотрѣнныхъ формъ, вслѣдствіе чего должна быть удержана до пріисканія лучшей.

Что касается происхожденія вставнаго въ распространенныхъ темахъ звука, то большинство изслѣдователей склоняется къ предположенію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ элементомъ эвфоническаго, а не этимологическаго происхожденія. Такой элементъ встрѣчается въ Санскритѣ (а), въ Греческомъ (ε) и другихъ Арійскихъ языкахъ. Шлейхеръ предполагалъ, что соединительный гласный (α; ε; е, о) появился первоначально лишь въ тѣхъ глагольныхъ темахъ, гдѣ представлялся эвфоническій къ тому поводъ. Потомъ, по аналогіи, онъ распространился и на всѣ другія основы, проникнувъ даже въ аористы, при согласныхъ темахъ: **иде, идомъ, идѫ; идохъ, идохомъ; ведохъ, гребохъ, жегохъ, топохъ, гъбохъ.**

Все это произошло въ пору столь отдаленную, что не представляется фактическихъ данныхъ для убѣдительнаго рѣшенія вопроса Даже эвфоническій характеръ соединительнаго гласнаго кажется намъ предположеніемъ, далеко еще не доказаннымъ. Можно пріискать эвфоническіе мотивы для появленія и многихъ другихъ вокальныхъ суффиксовъ (**а-ти, и-ти, ѣ-ти**), но много ли пользы наукѣ отъ столь шаткихъ предположеній?

Есть случаи, гдѣ въ темахъ настоящаго времени, кромѣ вставочнаго **е**, появляется еще при немъ небный элементъ **и, й**, который отражается то въ іотаціи гласнаго **е**, то въ разложеніи предшествующаго согласнаго: **лиѥши, сѣѥши; пишеши, жѫждеши, приѥмлѥши.** Въ первомъ случаѣ (при открытыхъ корняхъ, какъ: **лити: лиѥши**) **й** могъ быть эвфонической при зіяніи вставкой; но трудно предполагать тоже при корняхъ закрытыхъ, какъ **пис, жѫд, им.** Въ параллель съ этими Славянскими формами можно поставить Греческія: φαίνω (φαν-ί-ω), τείνω; ἔζομαι (ἐδ-ί-ομαι), κράζω (κραγ-ί-ω), στέλλω (στελίω) и т. п.

Кромѣ вокальной вставки (соединительнаго гласнаго), вторая глагольная основа характеризуется и нѣкоторыми другими особенностями, потверждающими за ней названіе основы распространенной. Она принимаетъ иногда и согласныя прибавки, то въ концѣ корня (въ видѣ суффиксовъ), то въ срединѣ его (въ видѣ инфиксовъ). Такова приставка звука **д** въ формахъ настоящаго времени глаголовъ: **бы-ти, и-ти, о-дѣ-ти, дати:** бѫ-д-еть, и-д-еть, о-де-жд-ѫть, да-дѧть. Изъ настоящаго этотъ вставной д перешелъ иногда въ имперфиктъ и даже въ аористъ: **бѣдѣахъ, идѣахъ; идохъ, идъ, идомъ, идѫ.** Это

вставное **д** распространилось впослѣдствіи въ Сербскомъ нарѣчіи какъ на презенсъ, такъ и на аористъ: дадем, знадем, имадем; дадох, знадох, имадох. Что касается происхожденія этого вставочнаго согласнаго, то всего вѣроятнѣе предположеніе, что въ немъ скрывается корень **дѣ** (dhâ, θε: **дѣ-ти, дѣ-лъ, дѣ-нѫ**), подобно тому, какъ онъ скрывается въ Латинскихъ формахъ: vendo, credo, perdo, а быть можетъ и въ Греческихъ πρήθω, πλήθω, и въ страдательномъ аористѣ θην.

Примѣръ внутренняго распространенія корня во второй глагольной основѣ представляютъ тѣ формы, гдѣ произошла ринезація коренного гласнаго, такъ какъ она равносильна вставкѣ носоваго н, м: **лешти: лѧжеть; сѣсти: сѧдеть; обрѣсти: обрѧштеть; бѣити: бѫдеть** (изъ бѣид-еть?). Въ послѣднемъ примѣрѣ нужно предположить развитіе корня бѣ сначала звукомъ **д**: бѣид (ср. **ид, дад**), а потомъ вставочнымъ (по аналогіи формъ: **лѧг, сѧд, рѧт**) въ средину этого комплекса звукомъ **н(м)**. Аналогичное расширеніе корня въ основахъ настоящаго вр. встрѣчается и въ классическихъ языкахъ: λα-μ-β-άνω; τυ-γ-χ-άνω; ju-n-g-o, pu-n-g-o.

Послѣдній способъ расширенія второй глагольной основы состоитъ въ усиленіи кореннаго гласнаго: **пѣ-ти: поі-ѫ; плѣити: плов-ѫ; ли-ти: лѣ-ѭ; сми-ѣтиса: сиѣ-ѭса; рю-ти: рев-ѫ; зъв-ати: зов-ѫ; бьр-ати: бер-ѫ**; ср. Пол. nieść: niosę; wieźć: wiozę и т. п.

Ринезація и усиленіе кореннаго гласнаго могутъ, по вышеизложеннымъ соображеніемъ, быть принимаемы за родъ инфикса— согласнаго въ первомъ случаѣ, и гласнаго во второмъ, вслѣдствіе чего эти явленія представляютъ видоизмѣненія одного и того же морфологическаго пріема.

Отъ второй глагольной основы, которую мы назвали распространенною, производятся, посредствомъ особыхъ суффиксовъ, темы настоящаго времени не только изъявительнаго, но и другихъ наклоненій, именно: повелительнаго и причастія.

Изъявительное не имѣетъ особаго модальнаго суффикса, если не считать таковымъ разсмотрѣнный выше вставочный звукъ **е, о**, который обыкновенно выводятъ изъ требованій эвфоніи.

Повелительное наклоненіе имѣетъ въ Славянскомъ суффиксъ **и**, который во множ. числѣ видоизмѣняется обыкновенно въ **ѣ** или **ѣ** (послѣ согласныхъ), а въ обоихъ числахъ въ **й** послѣ гласныхъ: **иди. идѣмъ; нэси: несѣмъ; дъми: дъмѣмъ; бий: бийте; пой: пойте.**

Нѣкоторое уклоненіе отъ общихъ нормъ представляютъ глаголы на **ѣти** (praes. **иши**) и **ити** (praes. **иши**). Во множ. числѣ они не измѣняютъ своего **и** въ **ѣ**: **велите, видите, любите, таите.** Быть можетъ это происходило отъ большей силы звука и, образованнаго въ этихъ глаголахъ изъ сліянія двухъ гласныхъ: 1) **ѣ**, **и** глагольной основы; 2) **и** императива. **дѣ-ли-ти: дѣли-и=дѣли; люби-ите: любите.** Такимъ образомъ возможно предположить въ этомъ **и** (какъ результатѣ контракціи) долготу, которая отразилась какъ въ большей устойчивости этого звука въ Древнеславянскомъ, такъ и въ преобладаніи на этомъ слогѣ ударенія въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ Русскомъ: **дѣлите, острите, любите, носите, оучите, трьпите,** при отсутствіи въ тѣхъ же формахъ ударенія въ настоящемъ изъявительнаго.

Что касается происхожденія суффикса **и** въ Славянскомъ императивѣ, то его объясняютъ аналогіею Греческаго оптатива, гдѣ звукъ ἰ(ῃ) соотвѣтствуетъ Санскритскому ja, ī, ē. *).

---

*) Примѣч. Въ октябрской книжкѣ Рус. Вѣстн. 1876 г. (т. 125) напечатана любопытная статья *„объ образованіи основъ и временъ Русскаго глагола“ г. Вестфаля.* Авторъ касается въ ней между прочимъ и вопроса о Славянскомъ императивѣ, который, согласно съ другими лингвистами, признаетъ за Арійскій оптативъ. При этомъ онъ останавливается на Русскихъ формахъ: пеки, сѣки и утверждаетъ, будто мы имѣемъ здѣсь предъ собою чрезвычайно архаичное образованіе, „что въ этомъ отношеніи Русскій языкъ гораздо древнѣе и первобытнѣе всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, первобытнѣе даже Церковнославянскаго“ (стр. 509). Это основывается на недоразумѣніи. Формы: **пеки, моги** (какъ и аналогичныя именныя: луки, руки, ноги) не только не превосходятъ, но наоборотъ далеко уступаютъ въ древности формамъ: **пеци, мози** (какъ и формамъ: **лѫци, рѫци, нози**), такъ какъ послѣднія господствуютъ и въ Русскомъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не только XII, но и XIII в. Формы же: пеки, моги развились въ немъ уже позже, на глазахъ исторіи, какъ въ этомъ можно удостовѣриться по фактамъ, собраннымъ въ изслѣдованіи г. Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка“ (стр. 53, 63, 79, 92, 106).

Промахъ г. Вестфаля не стоилъ-бы не только опроверженія, но и упоминанія, еслибъ авторъ не придалъ мнимому своему открытію чрезвычайной важности, говоря, что вышеозначенная „глагольная форма (пеки, моги) бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Русскаго языка и Малороссійскаго нарѣчія къ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ“ и дѣлая изъ этого выводъ, что „пора-бы вывести Русскій языкъ изъ той почти рабской зависимости отъ Церковнославянскаго языка, въ которую его до сихъ поръ ставятъ составители русскихъ грамматикъ“. Выводъ г. Вестфаля столь же невѣренъ, какъ и посылки, на которыхъ онъ построенъ. Если самъ авторъ считаетъ полезнымъ проводить аналогію между формами Русскаго языка съ одной стороны, а Санскрита, Греческаго и Латинскаго съ другой, то онъ долженъ признать существованіе извѣстныхъ аналогій,

Чище всего сохранился слѣдъ слога ja въ формахъ: гаждь, даждь, вѣждь, виждь (изъ гад-йа=гад-йъ=гажд-ъ=гаждь; дад-йа, вѣд-йа, вид-йа). Въ формахъ множественнаго: берѣмъ, берѣте, ѣ образовалось, какъ предполагаютъ, изъ соединенія тематическаго гласнаго а съ модальнымъ суффиксомъ і: а+і=ѣ.

Изъ второй же глагольной основы, какъ сказано, развились формы настоящаго времени причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залоговъ. Суффиксъ перваго—ант (ср. выше), т. е. слогъ, почти неотличный отъ личнаго суффикса 3 л. мн. ч. настоящаго изъявительнаго. Близость этихъ 2 формъ открывается и изъ того, что появленіе большаго или малаго юса въ обѣихъ формахъ взаимно совпадаетъ: ведѧть: ведѧшти (жен. р.); пекѧть: пекѧшти; бижѧть: бижѧшти; колжѧть: колжѧщи; но: видать: видаштн; острать: острашти; дѣлать: дѣлѧшти; тащть: тащти. Разсмотрѣніе скрывающихся въ основѣ этихъ формъ первыхъ глагольныхъ темъ показываетъ, что ѧ употребляется въ четырехъ первыхъ изъ шести вышеразсмотрѣнныхъ основъ (1) темы односложныя; 2) темы съ суффиксомъ нѧ; 3)—а; 4)—ова, ева); юсъ же малый употребляется въ темахъ 6-го класса (и). Что же касается 5-го класса (ѣ), то одна половина его сохраняетъ ѧ (бѣлѣти: бѣлѣюши: бѣлѣжть: бѣлѣжшти), другая же измѣняетъ его въ а (велѣти: велиши: велать: велашти). Изъ этого слѣдуетъ, что измѣненіе ѧ въ а какъ въ той, такъ и въ другой формѣ (praes. 1) indic. 2) partic.) происходитъ при темахъ съ суффиксами ѣ, и и безъ сомнѣнія по дѣйствію этихъ элементовъ, т. е. что а=иѧ, ѣѧ. Такимъ образомъ большой юсъ въ этихъ формахъ древнѣе малаго. Откуда же проникъ послѣдній во всѣ почти причастныя формы имен. п. муж. р., какъ напр. дѣлѧ, важа, пиша, велѧ, дѣлѧ? Надобно предположить конечно, что и здѣсь существовалъ раньше ѧ, какъ видно

а слѣдов. и сторонъ для сравненія между любымъ изъ современныхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчій и тѣмъ отпрыскомъ языка Древнеславянскаго, какой для насъ сохранился въ древнихъ памятникахъ Церковнославянской письменности. Научная разработка любаго языка предполагаетъ сравненіе формъ его развитія какъ въ пространствѣ (діалектологіи), такъ и во времени (исторіи языка) Самые важные законы какъ фонетики, такъ и морфологіи всѣхъ Славянскихъ нарѣчій открыты преимущественно путемъ ихъ сравненія съ церковнославянщиной. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя долго еще будетъ служить цензскаемымъ источникомъ для поученія Славянскихъ лингвистовъ и что она навсегда сохранитъ въ нашей филологіи значеніе Славянскаго Санскрита.

изъ косвенныхъ падежей: дѣ҃шта, вдаж҃шта и т. д. Онъ преобразился въ ѧ во 1. вслѣдствіе ослабленія голоса въ концѣ слова и во 2. по вліянію мягкаго согласнаго, предшествующаго юсу. Первымъ объясняется между прочимъ то явленіе, что ѧ҃ (и҃) сохранился въ жен. родѣ (при сохраненіи конечной гласной: пишѧ҃шти); а второе потверждается судьбою звука ѧ въ темахъ, имѣющихъ твердые согласные позвуки. Въ этихъ случаяхъ юсъ тоже нѣсколько помутился, но преобразился онъ при этомъ не въ ѧ, а въ ꙑ зовꙑ (зовѧ҃шта), мꙑ, ведꙑ, пекꙑ.

Что касается настоящаго причастія страдат. залога, то суффиксомъ его является элементъ мъ (какъ въ прошедшихъ причастіяхъ нъ, тъ). Онъ приставлялся (какъ въ praes. indicat.) къ глагольной основѣ, распространенной вставочнымъ е, о: дѣемъ, мѧемъ, колемъ; ковомъ, зовомъ, ведомъ. Первый появлялся въ слогахъ мягкихъ (какъ ѧ въ муж. р. прч. дѣйств.), а второй въ твердыхъ (какъ ꙑ, тамъ же) Ихъ взаимное отношеніе и употребленіе совершенно аналогично юсамъ, т. е. е: о=ѧ. ѧ҃(ꙑ). Но въ темахъ на ѣ, и (praes. indic. иши) мы не находимъ въ явномъ видѣ вставочнаго гласнаго е или о: видимъ, любимъ. По аналогіи съ praes. indic. нужно предполагать, что этотъ вставочный е, о (если онъ тутъ существовалъ) слился съ тематическимъ и.

Что касается образованія темъ преходящаго времени (имперфекта), то подобно аористнымъ онѣ правильно образуются изъ первой (аористной) глагольной основы. Но есть случаи, гдѣ мы находимъ противное. Изъ 63 образцевъ Славянскаго спряженія, приведенныхъ въ таблицѣ Востокова [1]), 43 образуютъ имперфектъ, изъ аористной глагольной основы, а 20 изъ второй или распространной. Между послѣдними находится 10 имѣющихъ въ инфитивѣ форму I го класса (односложная основа), 4—втораго (нѧ҃-ти) и 6—шестаго (и-ти). Въ числѣ десяти односложныхъ основъ—3 имѣютъ позвуки чисто гласные (пѣ-ти: поѧ҃: помахъ; плсути: пловѧ҃: пловмахъ; стати: станѧ҃: станмахъ), 2 гласные же, но при плавныхъ л, р (млѣти: мелѧ҃: мелмахъ; трѣти: тьрѧ҃: тьрмахъ), 3 юсовые (дѧти: дъмѧ҃: дъмлахъ; жѧти: жьмѧ҃: жьмлахъ; мѧти: мьнѧ҃: мьнлахъ) и 2 согласные (пешти: печеть: пчаахъ; жешти: жежеть: жежлахъ). Касательно основъ съ юсовыми позвуками позволительно высказать предположеніе, что мы имѣемъ тутъ предъ собой фактъ фонѣтическаго, а не этимологическаго происхожденія.

---

[1]) Грамматика церковнославянскаго языка. 1863. Спб.

Юсы не могли стоять предъ гласными, почему и разлагались на свои обычные элементы: **дѧти**=**дъм-ти**: **дъм-ѧахъ**.

Не вполнѣ также очевидно происхожденіе имперфектныхъ основъ отъ темъ вторыхъ или распростаненныхъ въ глаголахъ VI класса. Процессъ разложенія коренныхъ согласныхъ, подъ вліяніемъ созвучія и+а=ѧ, могъ совершиться въ имперфектѣ и независимо отъ аналогическаго прецедента въ темѣ настоящаго: **люби-ти**: **люби-ѧахъ**=**люблѧахъ**; **носи ти**. **носи-аахъ**=**ношаахъ**.

Такимъ образомъ число несомнѣнныхъ образцевъ производства имперфекта отъ темъ настоящаго оказывается довольно ограниченнымъ и можетъ быть потому принято за частное уклоненіе отъ общей нормы.

3. *Объ образованіи основъ мѣстоименій и числительныхъ.*

Разсмотрѣвъ морфологическіе пріемы и средства Славянскаго языка, прилагаемые къ образованію основъ именныхъ и глагольныхъ, бросимъ теперь бѣглый взглядъ на характеръ темъ мѣстоименныхъ, а въ связи съ ними числительныхъ и частицъ.

По порядку логическому слѣдовало-бы темы мѣстоименныя разсматривать прежде именноглагольныхъ, такъ какъ первыя входятъ уже элементами въ образованіе послѣднихъ, какъ ихъ формативные экспоненты; но для ясности изложенія удобнѣе начинать съ формъ болѣе прозрачныхъ; между тѣмъ въ основахъ мѣстоименныхъ мы встрѣчаемся съ образованіями очень древними и вмѣстѣ очень трудными для научнаго анализа. Ни имена, ни глаголы не представляютъ въ строѣ рѣчи словъ столь малочисленныхъ и вмѣстѣ столь частыхъ по употребленію, какъ мѣстоименія и частицы. Вслѣдствіе того послѣднія подверглись съ теченіемъ времени чрезвычайнымъ звуковымъ измѣненіемъ, такъ что наукѣ все еще не удается возстановить ни первоначальнаго вида этихъ основъ, ни послѣдовательныхъ фазисовъ ихъ развитія. По этой причинѣ и мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями и сопоставленіями, ходячими въ наукѣ, хотя, по большей части, очень проблематической еще достовѣрности.

Основы мѣстоименій личныхъ.

1. **Перваго лица.** Славянское **азъ** соотвѣтствуетъ Санскритскому agham, Греч. ἐγώ, ἐγών, Лат. ego, Гот. ik (ich). Разлагаютъ его двояко: 1) ag+am и 2) ma-gha-m [1]). Звукъ м вводится во второмъ разложеніи, на основаніи его появленія въ темахъ другихъ падежей: мене, **мѧ**, mei, μοῦ и т. п. Если послѣднее вѣрно, то корень ма могъ быть въ сродствѣ съ тѣмъ, который является въ формахъ: **мь-н-ѣти**; **мѫжь** (ман-ж-ь), **мѣ-ра**, **мѣ-сяць** и т. п.; элементъ же г трудно объяснить; ср. Греч. γε.

2. **Втораго лица.** Слово **тꙑ**, звучало въ Санскритѣ: tvám, Лат. tu, Греч. σύ (Дорич. τύ), Нѣм. du. Предполагать ли въ немъ корень tva, (по Боппу), или tu (по Шлейхеру), матеріальное значеніе его остается неизвѣстнымъ. Присутствіе губнаго согласнаго въ Санскритѣ отражается и въ нѣкоторыхъ формахъ Славянскаго: **тебе**, **тобоѫ** и т. п.

Столь же темны формы множ. и дв. числа этихъ мѣстоименій:

1. л. **мꙑ**, **нꙑ**, **намъ**:—**вѣ**, **на**;

2. л. **вꙑ**, **вамъ**;—**ва**;

Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что въ основѣ этихъ формъ скрываются звукосочетаніе: 1. ma-sma (я-онъ=мы); 2. tva-sma (ты-онъ=вы); но самъ сознается, что ничего не можетъ привести для его потвержденія.

3. **Третьяго лица.** Аналогію съ **мене**, **тебе** представляетъ, по своимъ формамъ, мѣстоименіе **себе**; ср. Лат. sibi, Греч. σφέ, ἕ; ср. **свой**: suus, σφός. Но въ Славянскомъ языкѣ оно имѣетъ, какъ извѣстно, отношеніе не только къ третьему (какъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Нѣмецкомъ), но и къ двумъ прочимъ лицамъ всѣхъ чиселъ. По звукамъ разсматриваемая основа очень близка къ темѣ 2 лица: **тебе**: **себе**=тъ: **сь**, **того**: **сего**. Родственны ли онѣ и по происхожденію,—это не можетъ быть ни утверждаемо, ни отрицаемо.

Въ самомъ близкомъ и непосредственномъ отношеніи къ неродовымъ личнымъ мѣстоименіямъ стоятъ, по своему образованію, мѣстоименія *притяжательныя*. Онѣ произведены отъ личныхъ суффиксомъ **йа**: **мой**, **твой**, **свой**, **нашь**, **вашь**. Послѣднія формы развились, кажется,

1) Ср. Schleicher, Compend 642.

изъ род. множ. **насъ**, **васъ**+**йа** (ср. **домъ**: домовъ: домовой; **часъ**: часовъ: часовой). Еще явственнѣе связь притяжательныхъ съ родит. падежемъ въ формахъ: **ѥговъ**, **т говъ**.

За отсутствіемъ въ Славянскомъ, какъ и въ другихъ Арійскихъ языкахъ, спеціальной темы для обозначенія 3-го лица, фунгируютъ въ этой роли различные *указательные* мѣстоименные корни и ихъ основы.

а) **тъ**, **сь**: **того**, **сего**. Разница между этими двумя темами, кажется, часто фонетическаго характера: обѣ могли развиться изъ одного корня вторичной дифференцировкой. Въ Славянскомъ языкѣ переходъ **т** въ **с** можно видѣть въ формахъ: **да-си**, **ꙗ-си**, **вѣ-си**, гдѣ **с** есть элементъ личнаго суффикса, происходящаго изъ мѣстоименнаго корня: **ты** (tu, Греч. σύ; ср. τυρός: **сыръ**?). Можно указать еще на аналогическій переходъ мгновеннаго въ протяжный въ формахъ: **гонѫ**: **женѫ**; **годити**: **жьдати**; **грѣло**: **жрьло**; **коса**: **чесати**; а также въ случаяхъ диссимиляціи въ группахъ дт, тт: **чьс-ти**, **пас-ти**. Корень **тъ**, **сь** является въ формахъ **тъи** (**тъ**+**и**), **тотъ** (**тъ**+**тъ**), **толикъ** (**тъ**+**лик**), **такъ** (**тъ**+**къ**), **сѧкъ**, **селикъ**, **сиць**, и т. п.

Соотвѣтствующій Славянскому **тъ** (**сь**) мѣстоименный корень является во многихъ формахъ языковъ родственныхъ: tam, talis, tum, tunc, tot; dum, demum; τοί, ταί, οὗτος; der, dieser и т. п.

б) **онъ**: ср. ἄν, ἀνά, alius (anyas: **инъ**?); исходною формою предполагаютъ: ana.

в) **овъ**: ср. αὖθι, αὐτάρ, αὐτός; οὖν; Лат. ve; праформа могла звучать: ova.

г) **и**, **ꙗ**, **ѥ**, обыкновенно съ частицею **же**: **иже**. Въ основѣ предполагаютъ слогъ: ja. По значенію своему это мѣстоименіе хотя и было первоначально указательнымъ (ср. **благъ**+**и**=ὁ ἀγαθός, Новоболгар. благъ-т), однако впослѣдствіи утвердилось въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ *относительнаго* мѣстоименія (ср. is, item, ibi; ὅς, ὅσος; Нѣм. ja).

Наряду съ указательными развились мѣстоименія *вопросительныя*. Корневой ихъ элементъ есть звукъ **к** въ соединеніи съ разными гласными: **къй** (**къ**+**и**), **кѧ**, **коѥ**; **чий**; **какъ** (**къ**+**къ**); **къ-то**; **коль** (**къ**+**ли**); **коликъ** (**къ**+**лик**), **которъ** (**къ**+**тор**); ср. qui, quod, quam, cur; ποῖος (ποῖος), πῶς (πῶς), πότερος (ποτερος). Въ основѣ всѣхъ этихъ формъ лежитъ, повидимому, слогъ ka. Изрѣдка появляется въ той же роли и корень **йа**, въ формахъ: **ꙗкъ** (**ꙗ**+**къ**), **ѥликъ** (**ѥ**+**лик**) и т. п.

Изъ соединенія темъ вопросительныхъ съ указательными развились *соотносительныя* (correlativa): **кто**: **тъ**; **какъ** (**гакъ**): **такъ**; **коликъ** (**ѥликъ**). **толикъ**; ср. πηλίκος (ἡλίκος): τηλίκος.

Нѣсколько аналогично вопросительнымъ образовалось изъ корня ѥ (ja?) *неопредѣленное* мѣстоименіе **ѥтеръ**. Быть можетъ тотъ же корень лежитъ въ основѣ образованій: **нѣкъто**, **нѣкъи**; **нѣкакъ**, **нѣколикъ** (ср. jemand, jemals; нѣкто: никто=jemand: niemand).

Очень остроумную теорію образованія мѣстоименныхъ корней и основъ представилъ г. Микуцкій [1]). Онъ вычислилъ тѣ простѣйшія комбинаціи звуковъ, которыя были возможны въ Праарійскомъ языкѣ, при существованіи въ немъ трехъ лишь гласныхъ (a, i, u) и 18 согласныхъ, между которыми было 6 мгновенныхъ чистыхъ (k, g; t, d; p, b), 6 мгновенныхъ же аспированныхъ (kh, gh; th, dh; ph, bh) и 6 протяжныхъ (m, n; j, r; v, s). Авторъ считаетъ нормальными корни открытые, но допускаетъ и закрытые, при вокальномъ элементѣ a: ka, ki, ku, ak; ja, ji, ju, aj и т. п. Такимъ образомъ получается 75 звукосочетаній, которымъ г. Микуцкій приписываетъ значеніе первоначальныхъ указательныхъ частицъ, изъ коихъ возникли затѣмъ мѣстоименія, образовательныя приставки, указательныя нарѣчія, предлоги и союзы, напр: азъ=a-gha-am; ты=tu-a; мене=ma-na и т. п. Нельзя сказать, чтобы теорія эта заключала въ себѣ какія нибудь внутреннія противорѣчія или невозможности; но она ничѣмъ не потверждена, почему и не можетъ претендовать на значеніе прочнаго научнаго положенія.

Очень близки къ мѣстоименіямъ по значенію и происхожденію *числительныя*. Онѣ тоже имѣютъ смыслъ чисто абстрактный и произошли изъ корней субъективныхъ, либо опустѣлыхъ по смыслу объективныхъ. Происхожденіе основъ числительныхъ очень древне, какъ видно изъ ихъ общности во всѣхъ Арійскихъ языкахъ, а также изъ темноты ихъ состава [2]).

---

1) Филологическія Записки. 1870. № 2. стр. 104.

2) Этимологическому разбору числительныхъ Славянскаго языка посвящено специальное изслѣдованіе П. І. Шафарика, напечатанное въ Чешскомъ музейникѣ 1848. См. Sebrané spisy. т. III. 615 сл.

Въ основѣ Славянскаго счисленія, какъ оно выражается въ языкѣ, лежитъ десятичная система, общая всѣмъ Арійскимъ языкамъ и народамъ. Высшимъ предѣломъ Праарійской нумераціи было число 999. Самостоятельными корнями и темами обозначены въ Славянскомъ слѣдующія 12 цифръ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 100, 1000. Всѣ остальныя образованы путемъ сложенія этихъ основныхъ чиселъ десятичной системы.

1. Для перваго въ ряду чиселъ находимъ въ Славянскомъ языкѣ двѣ различныя основы:

а) **инъ: инорогъ, иноходь, иночѧдъ; въинѫ**; Чешское jenom (**ѥдиноѭ**). Въ основѣ этой формы предполагаютъ мѣстоименный корень i, развитый суффиксомъ на: и-на. Славянскому **инъ** вполнѣ соотвѣтствуютъ Латин. unus (изъ oi-no=ai-na), Гот. ains, Нѣм. ein. Ср. инакъ.

б) **ѥдинъ**. Его сближаютъ съ Санскритскимъ adi (начало). Шафарикъ разлагаетъ его такъ: **ѥ-ди-нъ** и считаетъ первый слогъ указательнымъ мѣстоименнымъ корнемъ ja, а второй сравниваетъ съ Греч. δείς (въ смыслѣ τίς): οὐ-δείς.

2. **дъва**, duo, δύο, Гот. tva (zwei). Шафарикъ предполагалъ, что **дъва=дъ+ва**, т. е. сложено изъ двухъ указательныхъ корней: **тъ** и **овъ**.

3. **три**, tres, τρεῖς, Гот. thri (drei). По Шафарику **три**, подобно суффиксу тор, τερος, сложено изъ двухъ указательныхъ корней: **та+ра**.

4. **четъıриѥ**, четыре, quatuor, τέσσαρες, Гот. fidvor (vier). Праформа (по Шлейхеру) должна была звучать: katvar. Шафарикъ видѣлъ въ этой темѣ соединеніе 3 корней: **чет+ва+ра**, изъ коихъ первый однозвученъ и однозначенъ съ словомъ чета, четъ (**чьтѫ**), второй съ суффиксомъ двойствен. числа **ва**, а третій съ указательнымъ корнемъ, находящимся и въ словѣ **три**. Другіе производятъ тоже слово изъ ка+три, т. е. видятъ въ немъ указат. мѣстоименіе ка, въ смыслѣ „одно", да предшествующее числительное три.

5. **пѧть**, πέντε, quinque, Гот. fimf (funf), Санскр. páńkan. Шлейхеръ предполагаетъ праформу kankan, состоящую изъ удвоенія корня kan. Шафарикъ сближаетъ слова **пѧть** и **пѧсть** (отъ корня: **пѧти, пьнѫ**, ср. Санск. pâni=pyka), находя въ этомъ

свидѣтельство, что пять пальцевъ руки служили первымъ счетнымъ орудіемъ человѣка. Объясненіе Шлейхера хромаетъ тѣмъ, что считаетъ болѣе нормальною форму съ начальнымъ к, вм. п; между тѣмъ это к встрѣчается лишь въ Латин. и Кельтскомъ, во всѣхъ же остальныхъ Арійскихъ языкахъ видимъ формы съ начальнымъ п(р).

6. **шесть**, sex, ἕξ, Гот. saihs, Сан. šaš. Шафарикъ сближаетъ это слово съ Югославянскимъ **шака** (горсть, отъ Санскр. корня sač=jungere), видя въ немъ повтореніе той же метафоры, какая скрыта въ **пать: пасть.**

7. **седмь**, septem, ἑπτά; Сан. saptán, Гот. sibun (sieben). Въ Славянскомъ опущенъ звукъ п, а звукъ т преображенъ въ д, по вліянію слѣдующаго м, въ которомъ видятъ элементъ, аналогичный суффиксу превосходной степени **ка** (**седьмъи, осмъи**). Корень этого слова очень теменъ. Шафарикъ рѣшался сближать его съ еврейскимъ шабат=sabbatum, день священный; но предполагать вліяніе Еврейскаго термина на образованіе Праарійскаго—болѣе чѣмъ смѣло.

8. **осмь**, octo, ὀκτώ, Сан. aštán. Предполагаемая праформа могла звучать aktu, такъ что **осмь** было-бы производнымъ изъ **окти=оки=осми=осмь**. Значеніе корня—темно. Шафарикъ видѣлъ въ этой формѣ префиксъ а и корень ket (тотъ самый, который является въ словѣ четыре), объясняя смыслъ ихъ соединенія: два раза четыре.

9. **девать**, novem, ἐννέα, Гот. niun (neun), Сан. navan. Славянское **д**, какъ видно изъ сравненія со всѣми другими соотвѣтствующими Арійскими формами, есть видоизмѣненіе звука **н**, произведенное, вѣроятно, дѣйствіемъ аналогіи сосѣдней формы: **десать**. Корень этой основы Шафарикъ сближалъ съ тѣмъ указательнымъ элементомъ на, который виденъ въ словахъ: νῦν, nunc, нынѣ; новъ, νεός novus. Девять означало-бы, по этому предположенію, новый рядъ чиселъ, послѣ двухъ четверней (4+4=8+1=9),—что въ свою очередь служило-бы подтвержденіемъ гипотезы Шафарика о происхожденіи слова восемь (повторенныя четыре).

10. **десѧть**, decem, δέκα, Сан. dáçan, Гот. taihun (zehn). Предполагаемая праформа: dakan. Въ Славянщинѣ она (подобно формамъ **пѧть**, **шесть**, **девѧть**) развита суффиксомъ **ть**. Корень слова **десѧть**: дек, дак, очевидно находится въ родствѣ съ формами: **десьнъ**, δεξιός, dexter; (in)dicare, digitus, δάκτυλος. Шафарикъ пытался пойти еще дальше и доказать, что не первая (**десѧть**) форма развилась изъ корня послѣднихъ, а наоборотъ, такъ что **десѧть** произошло де изъ **дъва**+**сѧть** (**сѧгати**, **сѧжень**), какъ Готское tai—hun=tvai—hand (двѣ руки). Но это—предположеніе очень ужъ искуственное и не оправдываемое формами большинства Арійскихъ языковъ.

100. **сто**, centum, ἑκατόν, Сан. çatá, Гот. hunda (hundert). Шлейхеръ производитъ эту форму гипотетически изъ редупликаціи темы: dakan (**деса-ть**), предполагая возможность слѣдующаго перехода: dakan dakanta=(da)kan(da-kan)ta=kanta (Сан. çatá, Лат. centum)=kata (Слав. **сто**). Если это вѣрно, то смыслъ ста былъ-бы: десять (разъ) десять.

1000. **тъıсѧшта**, **тъıсѧшта**; Гот. thusundja (tausend), Лит. tukstanti. Форму эту Шлейхеръ считаетъ не невозможнымъ производить изъ: daka (10)+kanti (100) = da(ka)kantja = taçantja = **тъıсѧшта**. Названіе этого числа въ другихъ Арійскихъ языкахъ произведено отъ совершенно другихъ темъ: Сан. sahásra, Греч. χίλιοι, Лат. mille. Это показываетъ, что Праарійское счисленіе не восходило выше цифры 999.

Образованіе темъ для промежуточныхъ между разсмотрѣнными чиселъ: 11—19, 20—99, 101—999, совершается въ Славянскомъ языкѣ очень просто и наглядно.

Единицы прибавляются къ одному десятку посредствомъ предлога **на** (**единъ-на-десѧте**), а къ двумъ и болѣе—либо непосредственно, либо при участіи союза **и** (**двѣдесѧте и три** [1]); въ остальныхъ образованіяхъ (6×10=**шєстьдесѧтъ**; 2×100=**двѣ сътѣ**) обходится безъ всякой вставочной частицы, съ отношеніемъ то подчинительнымъ, то сочинительнымъ между 2 частями формы.

---

1) Рѣже употреблялась форма: **три междѫ десѧтьма** (23). Она уцѣлѣла въ Чешскомъ.

Для цифры 40 развилась въ Русскомъ особая форма: **сорокъ**, заимствованная изъ Новогреческаго: σαράκοντα (ср. **сорокоустъ**, σαρακοστός).

Въ нѣкоторомъ, хотя болѣе косвенномъ, отношеніи къ числительнымъ стоятъ еще слѣдующія формы:

1) **полъ** (1/2); ср. πλαxα, **полѣно** (ср. secare, segmentum);
2) **разъ**: **два раза**; корень: **разить**, **рѣзать**;
3) **кратъ**: **дъва кратъı**; корень: kar (facere) или kart (findere)?
4) **самъ** (1), въ смыслѣ одинъ; ср. semel, simplex; ἅμα, ἅπαξ, εἷς (ἑνς=sans);
5) **гоубъ**: **соугоубъ**, **тригоубъ**; корень: **гъ(б)нѧти**; ср. duplex, triplex (plicare);
6) **оба** (2): ambo, ἄμφω, ἀμφί;
7) **десть** (24): ср. **десьница**?
8) **копа** (60): **копити**? ср. copia, cumulus;
9) **тьма** (10,000): **тьмьнота**; **туманъ** [1]).

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ образованіи *числительныхъ порядочныхъ*.

Оригинальныя темы представляютъ формы для 1-й и 2-й цифры: **прьвъ**, **дроугъи**. **Прьвъ** соотвѣтствуетъ Санскритскому: pûrva, primus, πρῶτος; ср. par (равенъ); per, παρά. **Дроугъи** не имѣетъ аналогичной основы въ языкахъ родственныхъ. По всей вѣроятности въ немъ скрывается тотъ же корень, какой въ словѣ другъ (amicus).

Всѣ остальныя порядочныя числительныя образованы изъ темъ вышеразсмотрѣнныхъ, посредствомъ суффиксовъ степеней сравненія торъ, тъ, мъ:

а) **вътороъи**=**дъвъ-тор-ъ**; δεύτερος, andere; ср. **которъ**, **ютеръ**; uter; πότερος; κουφότερος;

б) **тъ**, **тъи**: **четврьтъи**, **пдтъи**, **шестъи**; **третий**; ср. quartus, πρῶτος, τέταρτος; ср. μέγιστος;

г) **мъ**: **седмъи** (septimus, ἕβδομος), **осмъи**; ср. primus, summus, infimus.

---

1) Въ подобномъ же смыслѣ употреблялось слово **несъвѣдь**, обозначавшее и 10,000 и 100,000 (вм. легеонъ).

Частицы, или неизмѣняемыя части рѣчи, представляютъ окаменѣлости формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ; поэтому образованіе ихъ темъ какъ произошло, такъ и должно быть разсматриваемо въ связи съ формами глагольно-именными, съ ученіемъ о падежныхъ формахъ именъ и личныхъ—глаголовъ.

Въ заключеніе главы объ основахъ, бросимъ взглядъ на *основы сложныя* изъ нѣсколькихъ темъ или даже словъ.

Собственно говоря, каждая тема есть результатъ сложенія по крайней мѣрѣ двухъ самостоятельныхъ этимологическихъ элементовъ, изъ коихъ одинъ произошелъ обыкновенно изъ области корней объективныхъ, а другой—субъективныхъ или опустѣлыхъ; но это сложеніе произошло во времена столь отдаленныя и совершилось столь полно и тѣсно, что полученный въ результатѣ комплексъ звуковъ чувствуется въ языкѣ однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ. Отъ этого сложенія первобытнаго необходимо отличать позднѣйшее, гдѣ элементами являлись не чистые корни, а готовыя уже темы, или даже слова. Первымъ элементомъ вторичнаго сложенія могла быть либо одна изъ частицъ, либо форма глагольно-именная. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ обнаружилось стремленіе обратить полученный комплексъ звуковъ въ основу префиксованную, т. е. первый элементъ пустѣлъ до извѣстной степени, становясь вспомогательнымъ, опредѣлительнымъ для втораго, въ которомъ сосредоточивалась матеріальная сторона значенія.

Духу Славянскаго языка болѣе отвѣчаетъ форма сложеній съ префиксами (вторичными) частичными: **нечистъ**, **недѫгъ**, **ѫдолъ**, **оунꙑлъ**, **възмездіе**, **оубогъ**, **патока**, **потокъ**, **прадѣдъ**, **прѣлихъ**, **проказа**, **раздоліе**, **надежда**, **бездъна**, **облако**, **обꙑноштьнъ**, **забава**, **измѣна**, **сѫпрѫгъ**, **съборъ** и т. п. Еще болѣе обширную роль играютъ вторичные частичные префиксы въ Славянскихъ глагольныхъ основахъ: они исчислены уже выше, въ отдѣлѣ о префиксахъ.

Что касается сложныхъ основъ съ первыми элементами изъ частей рѣчи измѣняемыхъ, то значительная ихъ часть въ Славянскомъ языкѣ возникла въ историческое уже время на книжной почвѣ, по вліянію сосѣднихъ языковъ. Такъ напр. множество подобныхъ образованій Церковнославянскаго носятъ явные слѣды Греческаго вліянія: **благовѣствованіе**: εὐαγγέλιον; **любомѫдріе**: φιλοσοφία; **богословьць**: θεολόγος; **православьнъ**: ὀρθόδοξος и т. п.

Есть однако въ Славянскомъ извѣстное число подобныхъ образованій несомнѣнно самобытныхъ: куропатка (ср. кoуропѣтина), виноградъ, листопадъ, хлѣбосолъ, инорогъ, иноходь, чрьноокъ, малъженъ, браточадъ. Въ этихъ словахъ первая часть стоитъ въ тематической формѣ; но болѣе согласно съ духомъ Славянскаго языка ставить ее въ формѣ лексической: жаръ-птица, горемыка, скопидомъ, не-тронь-меня, перекати-поле и т. п.

На послѣдней ступени, въ образованіи словъ сложныхъ изъ словъ же, языкъ переходитъ уже изъ области этимологической въ синтаксическую, т. е. изъ круга словъ въ среду предложеній.

В. Ученіе объ образованіи словъ.

Предѣлъ и цѣль развитія корня въ Арійскихъ языкахъ заключается въ образованіи слова, т. е. такого комплекса звуковъ, который обозначаетъ не только матерію, но и форму понятія, отношенія называемаго предмета въ пространствѣ и времени, а также въ примѣненіи къ лицамъ говорящему, слушающему и третьему.

Ученіе объ образованіи изъ основъ словъ—составляетъ содержаніе третьей и послѣдней части аналитической морфологіи. Съ первою и второю ея частями (ученіемъ о строеніи корней и способахъ образованія темъ) оно находится въ тѣсной связи, ибо корень и основа составляютъ не что другое, какъ послѣдовательныя ступени въ органическомъ развитіи слова. Если ученіе о строеніи корней и темъ сравнить съ эмбріологіей естественныхъ организмовъ, то ученіе объ образованіи словъ соотвѣтствовало бы анатоміи организмовъ на степени ихъ самостоятельнаго существованія.

Тотъ дуализмъ языка, который выразился довольно рѣзко въ различеніи основъ именныхъ и глагольныхъ, съ полной силой обнаруживается въ области словъ, въ видѣ различенія словъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Морфологическія средства языка, которыми образуются тѣ и другія, чрезвычайно просты и немногочисленны. Онѣ заключаются въ двухъ дюжинахъ суффиксовъ (или, какъ ихъ нѣкоторые называютъ, флексій), обозначающихъ падежныя формы въ именахъ (съ мѣстоименіями) и личныя въ глаголахъ. Второстепенныя логическія категоріи, которыя выражаются тѣми же лексическими суффиксами (или флексіями), заключаются въ родахъ и числахъ для

именъ, и въ числахъ же для глаголовъ. Такимъ образомъ въ третьей части морфологіи слѣдуетъ разсмотрѣть:

1. суффиксы падежей, въ ихъ видоизмѣненіяхъ по родамъ и числамъ;
2. суффиксы лицъ, съ ихъ развѣтвленіями по числамъ.

4. *О суффиксахъ падежей.*

Въ Праарійскомъ языкѣ предполагаютъ существованіе девяти падежныхъ формъ [1]), если причислять къ нимъ и звательный, который въ сущности есть не слово, а голая тема, столь же изолированная въ рѣчи, какъ междометіе. Уже рано эти формы начали между собою сливаться и число падежей стало непрерывно уменшаться. Такъ въ историческія эпохи мы находимъ, вмѣсто 9 первоначальныхъ падежныхъ формъ, въ Латинскомъ 6, въ Греческомъ 5, въ Готскомъ 5, въ Новонѣмецкомъ 3, въ Новороманскихъ и Англійскомъ 1 (для каждаго числа). Въ Древнеславянскомъ языкѣ было 7 болѣе или менѣе различныхъ формъ для единственнаго числа, да сверхъ того 6 для множественнаго и 3 для двойственнаго. Въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ число ихъ нѣсколько уменшилось; въ Болгарскомъ онѣ даже совсѣмъ пропали. Тѣмъ не менѣе Славянскій языкъ, въ большинствѣ своихъ нарѣчій, и теперь еще богаче склоняемыми формами языка Греческаго, временъ Омира!

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію звукосочетаній, служившихъ и служащихъ суффиксами Славянскихъ падежей, остановимся на тѣхъ способахъ, какими различены въ нашемъ языкѣ имена по *родамъ*. Предполагаютъ, что въ древнѣйшую эпоху жизни Арійскаго языка категорія рода совсѣмъ не выражалась въ языкѣ и лишь впослѣдствіи роды были различены и то не самостоятельными суффиксами, а вторичными вспомогательными средствами. Одни изъ суффиксовъ утвердились за мужескимъ родомъ, другіе за женскимъ, третьи за среднимъ. Гриммъ [2])находилъ,что въ Нѣмецкомъ языкѣ мужескій родъ имѣетъ формы болѣе явственныя и прочныя, женскій—мягче и нѣжнѣе, а средній—близкія къ мужескимъ, но тупѣе. Въ Славянскомъ наоборотъ

1) *Schleicher.* Compendium. 515.
2) Grammatik, I. 597.

самыя ясныя и прочныя формы представляетъ родъ женскій (а, і, ъв, ер); гораздо шатче и неопредѣленнѣе суффиксы мужескаго (ъ, йъ); средину между этими противоположностями занимаютъ формы средняго (о, е, ес, ѧ, ѧт): онъ выдѣлился, повидимому, позже двухъ первыхъ и примыкаетъ къ мужескому во всѣхъ формахъ, за исключеніемъ именит. падежа, а отчасти и винительнаго.

Какъ-бы то ни было, категорія рода не имѣетъ въ языкѣ Славянскомъ, какъ и прочихъ Арійскихъ, особаго суффикса, а выражается совокупностію формъ, развивающихся изъ соединенія суффиксовъ тематическихъ съ падежными, вслѣдствіе чего она и не можетъ быть предметомъ особаго разсмотрѣнія въ морфологическомъ отдѣлѣ грамматики.

Что касается категоріи *числа*, то и она не всюду имѣетъ особое звуковое выраженіе. Единственное (нормальное и древнѣйшее) напр. число совершенно обходится безъ числоваго указателя; во множественномъ числѣ находимъ распространеніе падежной формы единственнаго посредствомъ суффикса с (sa?); двойственное же характеризуется не самостоятельнымъ суффиксомъ, а вторичнымъ растяженіемъ падежныхъ суффиксовъ множественнаго, отъ котораго оно, очевидно, отдѣлилось уже въ позднее сравнительно время.

При тожествѣ логическихъ отношеній, выражаемыхъ падежными суффиксами, нѣтъ основанія предполагать для древнѣйшаго вида Арійскаго языка различныхъ падежныхъ формъ для различныхъ отдѣловъ склоняемыхъ словъ. Впослѣдствіи оказалась однако дифференцировка склоненій именнаго съ одной стороны, а мѣстоименнаго съ другой. Для Древнеславянскаго языка необходимо принять уже два главныя склоненія: 1) именное и 2) мѣстоименное. Комбинація формъ того и другаго произвела третье склоненіе—сложныхъ съ мѣстоименіями прилагательныхъ. Дѣленія дальнѣйшія будутъ развиты и разсмотрѣны впослѣдствіи.

Падежные суффиксы именъ.

1. На переходѣ отъ основъ къ словамъ стоитъ форма *звательнаго* падежа. Морфологически она принадлежитъ еще къ области темъ; но сиктаксически является словомъ, входящимъ въ составъ рѣчи, хотя и изолированнымъ въ ней, какъ междометіе.

Не принимая въ Славянскомъ языкѣ никакого подежнаго суффикса, форма зват. п. тѣмъ не менѣе отличается нѣсколько отъ чистой именной основы усиленіемъ тематическаго гласнаго, слабѣющаго въ другихъ падежныхъ формахъ, напр. въ именит. п.

Такъ при темахъ:

а) а получается въ именит. **ъ**, **а**, а въ зват. **е**, **о**: **влъкъ**: **влъче**; **доухъ**: **доуше**; **богъ**: **боже**; **рѫка**: **рѫко**; ср. λύκε, lupe;

б) у, въ именит. **ъ**, зват. **су**: **сѣнъ**: **сѣноу**; **медъ**: **медоу**; ср. γλυκύ;

в) и, въ именит. **ь**, въ зват. **и**: **кость**: **кости**; ср. πόλι.

Съ теченіемъ времени зват. п. былъ вытѣсненъ формами именительнаго, съ которыми онъ издавна совпадалъ во всѣхъ числахъ при среднемъ, а также въ двойственномъ и множественномъ при мужеск. и женск. родахъ.

2. *Именительный падежъ.* Суффиксомъ этого падежа для Арійскихъ языковъ принимается **с**(s) для мужескаго и женскаго рода и **т**(t) для средняго. Эти элементы сближаются съ прономинальными корнями: sa(ὁ, ἡ) и ta(τό).

Суффиксъ s хорошо сохранился въ языкахъ классическихъ: ἵππος, ναῦς; vox, mors. Что касается суффикса средняго рода t, то отъ него остались лишь скудные остатки: id, quid, istud, aliud, illud; Нѣм das, was, Англ. it, that, what.

Въ Древнеславянскомъ издавна замѣчалась антипатія къ согласнымъ позвукамъ; они обыкновенно отпадали и слова кончались на гласные, которые при этомъ нѣсколько слабѣли и мутились въ чистотѣ и ясности звука. Такимъ образомъ изъ **влъкас** (λύκος, lupus) вышло **влъка**=**влъкъ**; **новас** (νέος, nouus): **новъ**; **съто** (ἕκατον, centum), **слоуто** (κλυτόν, inclutum); **гостис** (hostis): **гость**; **сѣноус** **сѣнъ**; **именс** (nomen): **има**; **каманс** (ἀκμών-ς): **камъı**; **матерс** (μήτηρ-ς, mater-s): **мати**, **небесс** (ср. νέφος, nubes): **небо**; **давусс** **давъ** (**давъши**); **пекантс** (coquens): **пекъı**. Въ формахъ женскаго рода, при темахъ а, согласный **с**(s) тоже отпалъ, но тематическій гласный сохранился въ чистомъ видѣ: **вьдова** (vidua), **жена** (γυνή); иногда къ суффиксу приставляется вторичный тематическій гласный: **пекѫшти**, **берѫшти**.

Во множест. числѣ въ формахъ имен. п. является суффиксъ **с**(s), составляющій, вмѣстѣ съ созвучнымъ падежнымъ суффиксомъ с, группу сс, происходящую, какъ полагаютъ, изъ саса, что видно изъ сокращенныхъ формъ: сас, ас. Этотъ приблизительно видъ имѣетъ

суф. имен. множ. въ древнѣйшихъ формахъ языковъ классическихъ: ὄπες, πατέρες, πόλιες; voces, boves; но: ἵπποι, equi (изъ equeis, equoes).

Въ Славянскомъ не сохранилось этого суффикса ни въ видѣ сас, ни въ видѣ ас, с. Слѣдъ этихъ утраченныхъ звуковъ отразился единственно на нѣкоторомъ усиленіи (замѣнительномъ растяженіи) позвучнаго тематическаго гласнаго. Такъ изъ темы **влькъ** образовалась форма **влъци**, гдѣ звукъ **и** соотвѣтствуетъ Греческому дифтонгу οι (λύκοι) и произошелъ, быть можетъ, изъ Славянскаго дифтонга **ѣ**. Въ соотвѣтствующихъ основахъ средняго рода появляется звукъ **а** (**нова**, νέα, nova), быть можетъ — усиленный тематическій элементъ.

Нѣсколько другой характеръ представляетъ образованіе имен. множ. женскихъ основъ на **а**. Тутъ получается звукъ **ѫ** въ твердыхъ темахъ, и **ѧ** въ мягкихъ: **вьд вѫ**: **доушѧ**. Послѣдняя форма показываетъ, что и въ первой **ѫ** имѣетъ носовой характеръ, то есть почти равняется юсу (ср. **камѫ**: **камень**; **берѫ**: **берѫшта**). Возстановляя первоначальный его звукъ, получимъ слогъ ам, ан, за которымъ слѣдуетъ предположить утраченный с: амс, анс. Послѣдній суффиксъ совершенно совпадаетъ съ суффиксомъ винит. множ., что ведетъ къ предположенію,—не представляютъ ли формы: **вьдовѫ**, **доушѧ** винит. множ., фунгирующаго въ роли именит.? Предположеніе это потверждается стародавнимъ совпаденіемъ формъ именит. и винит. въ единствен. мужескаго рода, во всѣхъ числахъ средняго рода, и во всѣхъ трехъ родахъ двойст. числа.

При темахъ на **у** появляется въ имен. множ. слогъ **ов** съ позвучнымъ гласнымъ **е**: **сѫнове** (υἱέϜες). **Ов** могло быть усиленіемъ тематическаго **у**; гласный же **е** представляетъ, повидимому, остатокъ суффикса ес (as). Такъже образована форма имен. множ. на **ие** въ темахъ **і**: **чрьвие** (vermes)

Формы двойственнаго числа объясняютъ, какъ сказано выше, растяженіемъ соотвѣтствующихъ суффиксовъ множественнаго. Процессъ образованія этихъ формъ не завершился ни въ одномъ Арійскомъ языкѣ, отчего количество раздѣльныхъ падежныхъ формъ двойств. гораздо меньше нормальнаго ихъ числа, для каждаго отдѣльнаго языка. Такъ и въ Славянскомъ, при 7 формахъ единственнаго и 6 множественнаго, находимъ лишь три для двойственнаго, именно:

1) именительный, который фунгируетъ также въ роли винительнаго; 2) родительный, замѣняющій съ тѣмъ вмѣстѣ формы предложнаго и 3) дательный, онъ же и творительный. Вслѣдствіе того три падежныя формы двойственнаго должны быть разсматриваемы въ связи съ соотвѣтственными этимологическими прототипами множественнаго (т. е. 1) именительнымъ, 2) родительнымъ и 3) дательнымъ).

Суффиксомъ именит. двойств. для языковъ Арійскихъ принимаютъ слогъ cāc (sās), āc (ās), т. е. растяженіе суффикса именит. множ. Согласный элементъ этого суффикса не сохранился въ Славянщинѣ; но слѣдъ долгаго гласнаго отразился въ нѣкоторомъ растяженіи именныхъ темъ: **дъва влъка** (λύκω); **дъвѣ сътѣ**; **доуши** (изъ **доушѣ?**); **пѫти, кости, цркъви, имени.**

3. Къ именит. и звательному падежамъ ближе всѣхъ примыкаетъ *винительный*. Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ ихъ формы совпадаютъ. Трудно сказать, на какой логической основѣ произведено въ языкѣ сближеніе падежей, столь противоположныхъ по смыслу, какъ падежъ субъекта (именит.) и объекта (винит.). Впрочемъ рѣшеніе этого вопроса не относится къ задачамъ морфологіи, а можетъ найти мѣсто въ симазіологіи.

Суффиксомъ винит. един. въ Арійскихъ языкахъ является слогъ ам (am), или его сокращеніе: м. Въ среднемъ родѣ онъ часто фунгируетъ и въ роли именит. (вмѣсто архаичнаго суф. ta, t), распространившись туда по какой-то внутренней аналогіи (ovum, φόν). Суффиксъ **ам**, по происхожденію своему, сближается съ указательнымъ мѣстоименіемъ ама, которое уцѣлѣло въ Санскритѣ.

Извѣстно, что въ Латинскомъ языкѣ элементъ м(m) очень хорошо сохранился въ винит. (един. vocem, equum); въ Греческомъ онъ то перешелъ въ ν (ἵππον, φύσιν), то исчезъ совершенно (πατέρα, ὄπα). Подобное случилось и въ Славянщинѣ. Звукъ м пропалъ въ немъ либо вполнѣ, либо на половину. Послѣднее относится къ основамъ на а женскаго рода, гдѣ слѣдъ исчезающаго м сохранился въ юсѣ: **вьдовѫ** (viduam); **слоутѫ** (κλυτήν, incluta**m**). Во всѣхъ другихъ случаяхъ позвучный м отпалъ безслѣдно, какъ с въ именит. ед., вслѣдствіе чего эти двѣ формы совпали по звукамъ: **влъкъ** (**влъкас**, λύκος)=**влъкъ** (**влъкам**: λύκον); **чрьвь**(-is)=**чрьвь**(-im). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ замѣны отпавшаго слога ам, находимъ гласный **ь**, е. **большь**, **давъшь**, **камень** (и: **камене**), **матерь** (и: **матере**). Фор-

мы на е, быть можетъ, принадлежатъ родит. падежу и лишь по аналогіи фунгируютъ иногда въ роли винительнаго.

Во множеств. числѣ имена муж. и жен. рода прибавляютъ къ суффинсу ам характеристику множ. числа с: амс Въ среднемъ же родѣ находимъ здѣсь, какъ и въ именит. мн., гласный ā, темнаго происхожденія.

Судьба суффикса амс въ Славянскомъ была противоположна его судьбѣ въ языкахъ классическихъ. Въ послѣднихъ утратился элементъ м, а сохранился с (ἵππους, equos); въ Славянщинѣ же наоборотъ исчезъ звукъ с, тогда какъ м хранился еще въ историческую эпоху языка, въ видѣ ринезованнаго гласнаго. Результатъ этой ринезаціи былъ двоякій, смотря по твердости или мягкости послѣдняго слога: въ слогахъ твердыхъ отъ соединенія тематическаго а, у съ назвукомъ м(н) образовался большой юсъ, видоизмѣненный (какъ и во многихъ другихъ позвукахъ) въ ѫ; въ слогахъ же мягкихъ вышелъ юсъ малый, который и сохранился въ Древнеславянскомъ:

а) влъкѫ (изъ влъка-амс=влъкāм=влъкѫ; λύκους, lupos), рѫчѫ, сѣнѩ (изъ сѣну-амс=сѣнум=сѣнѫ);
б) коня (изъ конйа-амс=коньам), вола; дэуша, матерд.

Въ темахъ и и нѣкоторыхъ согласныхъ (напр. ѩ=ень) носовой позвукъ совершенно отпалъ въ формахъ винит. мн., но аналогія требуетъ допущенія и въ этихъ формахъ для древняго періода ринезма, хотя и утраченнаго, т. е. кости, пѫти развились изъ костин(с), пѫтин(с).

Разсмотрѣвъ падежи зват., именит. и винительный, составляющіе въ совокупности особую и тѣсно между собой связанную группу формъ, переходимъ къ четыремъ остальнымъ падежамъ, которые въ свою очередь смыкаются въ двѣ пары: 1) родительный съ предложнымъ (мѣстнымъ) и 2) дательный съ творительнымъ (орудным). Существованіе между ними внутренняго сродства выразилось всего нагляднѣе въ совпаденіи параллельныхъ формъ въ двойст. числѣ, о чемъ упомянуто выше. Въ Сербскомъ нарѣчіи и во множ. числѣ совершилось аналогичное сліяніе формъ тѣхъ же двухъ паръ падежей. Ниже увидимъ, что въ склоненіи прономинальномъ тоже совпали формы падежей родит. и предложнаго множеств. (тѣхъ, сихъ; насъ, васъ). Вслѣдствіе этихъ соображеній мы распредѣляемъ дальнѣйшій

обзоръ падежныхъ формъ въ слѣдующемъ порядкѣ: родит. и предложный; дател. и творительный.

4. *Родительный* падежъ нѣкоторыми своими сторонами уже въ Древнеславянскомъ примыкалъ къ винительному (ср. **матере, камене**: родит. и винит.); въ Новославянскихъ же нарѣчіяхъ взаимный ихъ обмѣнъ попадается, какъ извѣстно, на каждомъ шагу (въ одушевленныхъ именахъ муж. и средняго родовъ родит. и винит. даже вовсе не отличаются теперь какъ въ Русскомъ, такъ и другихъ нарѣчіяхъ). Тѣмъ не менѣе между суффиксами обоихъ падежей не видно особенной близости. Вмѣсто слога ам мы встрѣчаемъ здѣсь образовательную приставку ас, с, а въ нѣкоторыхъ темахъ (напр. а, муж и средн. рода) какъ-будто видоизмѣненіе или развитіе послѣдней: сйа (sja). Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что мы имѣемъ предъ собою въ послѣднемъ суффиксѣ соединеніе двухъ указательныхъ корней: са+йа.

Согласный элементъ этого суффикса, сохранившійся во многихъ формахъ языковъ классическихъ (ὁπός, χώρας; vocis, pater-familias), совершенно исчезъ въ Славянщинѣ, какъ и въ именит. единственнаго. Что касается гласнаго а, то онъ либо преломился въ звукъ е, либо слился съ тематическими у, і, а и потерялся въ нихъ: **небесе** (νέφεσος=νέφεος), **дъщере** (θυγατέρος=θυγατρός), **имене** (nominis), **сѣноу**; **ношти** (noctis); **влъка, нова**. Послѣднія двѣ формы отличны отъ предшествующихъ не только тематическимъ гласнымъ (а), но и происхожденіемъ суффикса. Историческія изслѣдованія доказали, что въ основѣ какъ Греческихъ формъ ἵππου, νέου, такъ и Латинскихъ equi, novi и Славянскихъ **коня, нова**, скрывается суффиксъ—не as, s, но—sja (sjo); т. е. что ἵππου развилось изъ ἵπποσjo, equi изъ equasja, **коня** изъ **конйай-са** (**конйа(сй)а**=**коня**).

Характеристическую особенность Славянскаго языка составляетъ появленіе носоваго звука въ суффиксѣ родит. ед. женскихъ основъ на а. Этотъ звукъ, подобно именит. множ. жен. рода, выражается въ видѣ то ѫ (въ твердыхъ слогахъ), то ѧ (въ мягкихъ): **водѫ, доушѧ**. Появленіе здѣсь носоваго элемента объясняютъ различно, считая его то замѣнителемъ древняго с(s), то перенесеніемъ формы мѣстнаго ед. (in, an?), или винит. и имен. множ. (**водѫ, доушѧ**), то приставкою звука м, н къ обычному суффиксу род. ед. as: mas, nas. Наиболѣе правдоподобнымъ представляется третье предположеніе, такъ какъ замѣна с въ м(н) въ Славянщинѣ была-бы явленіемъ безпримѣрнымъ; въ мѣстномъ же падежѣ Славянскаго, какъ и большей части другихъ

Арійскихъ языковъ, носовой элементъ если и былъ, то такъ давно исчезъ оттуда, что не могъ реагировать на форму родительнаго.

Правда, и безпричинная приставка элемента м(н) къ суффиксу ас(as) не принадлежитъ къ числу явленій легко объяснимыхъ. Она могла однако совершиться подъ вліяніемъ аналогіи другихъ падежей и всего скорѣе не винит. или именит. множ., а родительнаго же множ., гдѣ находимъ суффиксъ ам(сам), равносильный вышеприведенному суффиксу ѣı, ѧ(ам, зам).

Суффиксъ родит. множ. ам считаютъ сокращеніемъ древнѣйшаго сам, который уцѣлѣлъ преимущественно въ формахъ прономинальнаго склоненія. Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что и суф. sam не есть исконный, а развился изъ sams.

Слогъ ам, видоизмѣненный въ ων, um, сохранился въ языкахъ классическихъ (ὀπῶν, vocum), но въ Славянщинѣ онъ долженъ былъ, по общимъ фонетическимъ законамъ, перейти въ ѫ, оу, ъ (ср. sam.: сѫ, соу, съ): **небесъ** (νεφέσων), **именъ** (nominum), **матеръ** (μητέρων); **сынов** (υἱέϜων); **влъкъ** (λύκων), **вьдовъ** (viduarum); **пѫтий** (изъ **пѫти-йам**=**пѫтиимъ**=**пѫтий**; ср. ovium).

Къ формѣ родит. множественнаго примыкаетъ соотвѣтственная падежная форма двойств. числа, имѣющая въ Славянщинѣ суффиксъ **оу** (Санскр. ōs). Происхожденіе этого суффикса совершенно еще не разъяснено. По аналогіи другихъ формъ двойственнаго, представляющихъ растяженіе суффикса множественнаго, слѣдовало-бы предположить здѣсь связь съ родит. множественнаго. На почвѣ Славянскаго языка легко видѣть въ звукѣ **оу** растяженіе того ъ, который образовался изъ ам въ род. мн: **небесъ**: **небесоу**; **сынов**, **сынъ**: **сыновоу**, **сыноу**; **влъкъ**: **влъкоу**; **рѫкъ**: **рѫкоу**; **костий**: **костию**; **пѫтии**: **пѫтию** (но. **матеръ**: **материю**, вм. **матероу**, какъ будто по аналогіи темъ и). Но слишкомъ смѣло было-бы принимать на вѣру такое объясненіе, пока оно не будетъ согласовано съ формами языковъ родственныхъ.

5. *Мѣстный* или *предложный* падежъ. Его суффиксомъ является звукъ i, который, по аналогіи формъ прономинальнаго склоненія, считаютъ сокращеніемъ слога ин (in); послѣдній же сближаютъ съ указательнымъ корнемъ ан (Слав. **ван**, **вѫ**, **въ**; Греч. ἔν, Лат. in).

Этотъ падежъ уцѣлѣлъ въ четырехъ лишь Арійскихъ языкахъ: Санскригѣ, Зендѣ, Литовскомъ и Славянскомъ; въ другихъ онъ слился съ дательнымъ, который вообще очень близокъ къ мѣстному какъ по формѣ, такъ и по значенію. Такъ и въ Славянскомъ мѣстный часто фунгируетъ вмѣсто дательнаго.

Отъ соединенія суффикса i съ тематическими a, y, i получаются въ Славянскомъ формы: ѣ (a+i), **сви** (y+i), **и** (i+i): **влъцѣ, дѣлѣ, рѫцѣ, новѣ; сѣнови, кости.** При темахъ же съ согласными позвуками i остался неизмѣненнымъ: **небеси, имени, матери, свекръви.**

Почти всѣ эти формы (за исключеніемъ формъ на ѣ) употребляются и въ Славянскомъ вмѣсто дательныхъ, какъ это постоянно случается въ языкахъ классическихъ.

Во множественномъ предложный имѣетъ въ суффиксѣ звукъ s, при которомъ въ Санскритѣ стоитъ гласный y: su. Этотъ слогъ сближаютъ съ прономинальнымъ корнемъ sva (**свой**). Слогъ су правильно преобразился въ Славянщинѣ въ **хъ**, подобно тому, какъ это случилось въ аористѣ, гдѣ Славянское **хъ** соотвѣтствуетъ Греческому σα(ν). Такимъ образомъ вм. Греческаго λόγοισ(ι) получается Славянская форма: **влъкохъ, влъцѣхъ.** Замѣчаемое въ послѣднемъ случаѣ растяженіе тематическаго a въ ѣ (a+i) вполнѣ соотвѣтствуетъ Греч. перемѣнѣ изъ α(ο) въ οι (αι). Впрочемъ это растяженіе не есть фактъ всеобщій и необходимый; такъ въ женскихъ темахъ на a никогда его не бываетъ: **рѫкахъ, доушахъ.**

Шафарикъ [1]) нашелъ въ памятникихъ Древнечешскаго нѣсколько образцевъ сигматическаго мѣстнаго падежа: Topolas (въ Тополяхъ), Bukovas, Polas. Они представляютъ такое-же ослабѣвшее эхо старины, какъ и аористы на **съ.**

6. *Дательный падежъ.* Его суффиксъ въ единст. ai очень близокъ къ мѣстному и является какъ-бы усиленіемъ послѣдняго. Въ склоненіи прономинальномъ въ суффиксѣ дат. ед. появляется элементъ губной: **тебѣ, томоу,** который мы встрѣтимъ и въ формахъ дат. множествен-

[1]) См Sebrané Spisy III, 579.

наго. Это повело къ предположенію, не скрывается ли въ суффиксѣ ai древнѣйшее созвучіе: abhi?

Нормальной замѣною слога ai въ Славянщинѣ является дифтонгъ ѣ (какъ въ Греческомъ αι, οι). Такимъ образомъ отъ темы рѫка получимъ форму рѫцѣ (изъ рѫка+ai=рѫкai), какъ въ Греческомъ χώρᾳ (г. е. χώραι), ἵππῳ, а въ Латинскомъ equo(i), populo(i).

Въ мужескихъ и среднихъ темахъ на а Древнеславянскій языкъ обнаруживаетъ суффиксъ не ѣ (ai), но оу: **влъкоу, рогоу**. Подобная форма встрѣчается въ Литовскомъ: vilkui, ragui. Трудно сказать, скрывается ли тутъ суффиксъ ai (ѣ), или i, т. е. имѣемъ ли мы здѣсь предъ собой форму дат. или мѣстнаго? Первое вѣроятнѣе, такъ какъ для мѣстнаго существовала въ Славянскомъ при этихъ темахъ другая форма: **влъцѣ, розѣ** Объяснить же звуковой процессъ, которымъ изъ формъ: **влъка-ai, рога-ai** развились формы: **влъкоу, рогоу**—представляется дѣломъ очень труднымъ. Быть можетъ это оу развилось тутъ подъ вліяніемъ темъ на у,—что не представляется въ Славянщинѣ явленіемъ исключительнымъ.

Во множеств. дательномъ встрѣчаемъ въ Славянскомъ слогъ **мъ**, который соотвѣтствуетъ Латинскому bus (**именьмъ**: nominibus, **матерьмъ**: matribus), а Санскритскому bhjas. На основаніи Древнепрусскаго суффикса mans предполагаютъ для Праарійскаго форму bhjams. Если это вѣрно, то Славянскій утратилъ не только позвучное с, но и м, удержавъ лишь первый согласный губной элементъ, съ перезвукомъ его въ м. Такимъ образомъ предполагается слѣдующій рядъ переходовъ: bhjams, **мѧнс**, **манс**, **мѫс**, **мѫ**, **мъ**. Что касается тематическаго гласнаго, то онъ уцѣлѣлъ въ формахъ: **рѫкамъ, влъкъмъ, пѫтьмъ**, но видоизмѣнился въ темахъ оу: **сы̆номъ, сы̆новомъ**; въ послѣднемъ второе о есть вставочное, какъ а, ь при согласныхъ темахъ: **црькъвамъ, каменьмъ, матерьмъ, небесьмъ**.

Двойствен. число дательнаго представляетъ въ Славянскомъ такое же усиленіе суффикса множественнаго, какъ и въ родительномъ: **влъкъма: влъкъмъ=влькоу: влъкъ**. Что касается отношенія Славянскаго суффикса ма къ другимъ Арійскимъ, то онъ является, повидимому, сокращеніемъ суффикса bhjāms. Мягкость этого слога замѣчательнымъ образомъ сохранилась въ нѣкоторыхъ формахъ Русскаго языка: **двумя**, тремя, ср. плашмя, стоймя, ливмя.

7. *Творительный* падежъ. Суффиксомъ его служилъ, кажется, слогъ bhi, аналогичный предшествующему множест. bhj-am s и уцѣлѣвшій въ дательныхъ формахъ прономинальнаго склоненія: tibi, sibi. Слѣды этого суффикса сохранились въ Греческомъ, въ гомерическихъ формахъ на φι (φιν): βίηφι, κεφαλῆφι, Ἰλιόφιν.

Въ Славянскомъ изъ bhi развился суффиксъ мь: **влъкъмь, сѫнъмь, пѫтьмь, каменьмь.** Въ темахъ женскаго рода, процессомъ вторичной дифференцировки, этотъ суффиксъ преобразился въ юсовую форму: **рѫка-мь**=**рѫкѫ**[1]) (и: **рѫко**+**ѣ**, со вставочнымъ гласнымъ), **доушѫ** (и: **доушеѫ**); **кости мь. костиѣ** (изъ **костѣ**? ср. Пол. kośćią, nićą, dłońą).

Во множеств. приставляется спеціальный его суффиксъ s bhi-s. Нормальною замѣной этого слога въ Славянщинѣ является **ми** (Греч. φι, φιν) **рѫками; костьми, каменьми.** Въ мужескихъ и среднихъ основахъ съ твердыми позвуками мы находимъ видоизмѣненіе суффикса **ми** въ звукъ **ы**: **влъкъı** (изъ **влъкъ-ми**=**влъкъи**, **сѫны, именъı, словесъı**. Темы у служили здѣсь, повидимому, образцемъ, на который сбились затѣмъ темы а и наконецъ нѣкоторыя темы согласныя (**ен, ес**).

Падежные суффиксы мѣстоименій.

Разсмотрѣнные выше суффиксы прилагаются къ образованію всѣхъ именъ-какъ существительныхъ, такъ и простыхъ (не сложныхъ съ мѣстоименіемъ) прилагательныхъ. Нѣсколько уклоняются отъ приведенныхъ нормъ лишь падежные *суффиксы мѣстоименій*, выдѣляемые вслѣдствіе того въ особое склоненіе основъ прономинальныхъ. Хотя это различіе и представляется вторичнымъ, а не исконнымъ [2]), однако для историческихъ эпохъ языка оно является довольно существеннымъ и должно быть принимаемо въ расчетъ. Причина различія формъ склоненія номинальнаго и прономинальнаго заключается въ звуковомъ искаженіи нѣкоторыхъ общихъ суффиксовъ, а также

[1]) См Miklosich, Altslovenische Formenlehre Wien. 1874, 10.

[2]) Ср. Grimm, Grammatik. I. 807.

въ нѣсколькихъ архаистическихъ формахъ, сохранившихся въ одномъ мѣстоименномъ склоненіи и утраченныхъ въ именномъ.

Подобно тому, какъ въ отдѣлѣ именъ существуетъ группа словъ а) съ опредѣленнымъ родовымъ характеромъ и б)—безъ таковаго (т. е. существительныя, и прилагательныя), такъ и въ отдѣлѣ мѣстоименій встрѣчаемъ аналогичную двойственность формъ, для мѣстоименій а) *родовыхъ* и б) *неродовыхъ*.

Разсмотримъ характеристическія особенности въ падежныхъ суффиксахъ тѣхъ и другихъ.

Мѣстоименія родовыя.

1. *Именительный падежъ.* Въ языкахъ классическихъ сохранились въ этой формѣ слѣды суффикса т (t) для словъ средняго рода (id, istud). Въ Славянскомъ въ соотвѣтствующихъ формахъ нѣтъ ни с, ни т: то, ѥ. Очевидно, что лозвучный согласный здѣсь отпалъ; но трудно рѣшить, былъ-ли онъ т (t) или м, т. е. произошли ли то, ѥ изъ tat, jat, или изъ tam, jam.

2. *Родительный.* Вмѣсто суффикса ас (as), распространеннаго въ формахъ именныхъ, мы находимъ здѣсь слогъ сѧ (sja), тотъ же, какой мы видѣли въ мужескихъ и среднихъ именныхъ темахъ на а. Но фонетическій рефлексъ этой формы въ мѣстоименіяхъ нѣсколько отличенъ отъ суффикса именнаго. Вмѣсто звука а (влъка изъ влъкасйа) мы получаемъ здѣсь со, го: чьсо, сего, того (ср. Греч. τοῖο изъ τόσιο=tasja). Слогъ со представляетъ древнѣйшій видъ суффикса, а го его позднѣйшее видоизмѣненіе. Звуковой переходъ, здѣсь совершившійся, не вполнѣ разъясненъ. Согласный г (h?) развился тутъ либо изъ с (s), либо изъ й (j). И то, и другое не принадлежитъ къ числу обычныхъ Славянскому языку перезвуковъ. Но нельзя отрицать извѣстныхъ точекъ соприкосновенія между тремя этими звуками, изъ которыхъ одинъ (г=h) есть протяжный задненебный, другой (j) средненебный а третій (с=s) передненебный или зубной. Четвертымъ элементомъ въ томъ же ряду стоимъ губной протяжный в (v). Переходъ изъ в, с въ г (h) совершился, какъ извѣстно, въ Греческомъ, въ формахъ развитыхъ чрезъ дигамму: vespera. Fεσπέρα, ἑσπέρα; vesta: ἑστία; septimus: ἕβδομος. Въ

Русскомъ аналогичная замѣна суффикса го въ во (тово, злово) есть тоже, какъ кажется, переходъ чисто эвфоническій, подобный древнему изъ sja въ го. Подобно звукамъ й, в,—г (h) является иногда придыхательнымъ знакомъ гострый: вострый; Параскевга. Всѣ эти соображенія дозволяютъ предположить образованіе суффикса го изъ sja, посредствомъ простаго перезвука элементовъ втораго въ первый, причемъ возможно допустить промежуточную ступень со (а не: jo), такъ какъ какъ она уцѣлѣла даже въ языкѣ, хотя и въ единственномъ лишь словѣ: чьсо.

Въ родит. множ. находимъ въ Славянскомъ суффиксъ хъ, произво димый изъ того же sam, которое скрывается въ Славянскомъ именномъ суф. род. множ. ъ Здѣсь мы имѣемъ предъ собою примѣръ того, что формы мѣстоименныя архаичнѣе соотвѣтствующихъ именныхъ.

Другая особенность прономинальной формы родит. множ. заключается въ растяженіи тематическаго гласнаго: а=ѣ тѣхъ Тоже повторяется въ формахъ: тѣмь, тѣмъ, тѣми, тѣма

3. *Предложный.* Въ Славянскомъ находимъ суффиксъ мь (томь, кемь), который, по сравненію съ Санскритомъ, оказывается сокращеніемъ изъ smin=min=mi=мь [1]).

Въ женскомъ родѣ встрѣчаемъ совершенно другой суффиксъ, именно не мь, но й: той, кей. Послѣдняя форма фунгируетъ и въ дат падежѣ; ея происхожденіе темно. Шлейхеръ[2]) видѣлъ въ ней сокращеніе изъ суф. smjām; но надобно сознаться, что это предположеніе имѣетъ очень слабую вѣроятность.

4. *Дательный.* Славянскій суффиксъ моу (томоу, семоу) соотвѣтствуетъ, какъ кажется, Санскритскому smai, при чемъ м=sm; что касается оу, то оно не могло развиться изъ слога аі иначе, какъ по вліянію темъ у, перенесенному, быть можетъ, изъ именныхъ формъ: влъкоу, рогоу.

---

[1]) Schleicher, Compend. 629.

[2]) ib. 630.

5. *Творительный.* Суффиксъ его какъ въ един. (мь), такъ и во множ. (ми) не отличенъ отъ соотвѣтствующаго именнаго. Оригинально здѣсь лишь расширеніе тематическаго гласнаго, выражающееся въ замѣнѣ звука а въ ѣ: тѣмь, тѣми. Тоже мы видѣли въ род., предл. и дат. мн., а также въ дат. и твор. двойственнаго.

Таковы особенности падежныхъ суффиксовъ родовыхъ мѣстоименій. Второстепенное различіе замѣчается еще въ склоненіи темъ съ твердыми и мягкими позвуками; но это различіе обусловлено исключительно фонетическими мотивами и не имѣетъ этимологическаго значенія: **тъ, сь; того, сего; томоу, семоу; тѣмь, симь** и т. д. По примѣру **тъ** склоняются слова: **овъ, онъ, инъ, самъ, къто; какъ, такъ, вьскакъ, ѥдинъ, дъва, оба;** по типу же **сь** слова: **и (иже), чь-то; вьсь, нашь, вашь; мой, твой, свой, чий, кой, дъвои, обои, трои** и т.

Сюда же относится *склоненіе прилагательныхъ, сложныхъ* съ мѣстоименнымъ корнемъ **и**, употребленнымъ въ видѣ послѣдовательнаго члена (какъ въ Нѣмецкомъ jains=n): **благъ+и** (ὁ ἀγαθὸς); **блага+ѥго** (τοῦ ἀγαθοῦ); **благоу+ѥмоу** (τῷ ἀγαθῷ) и т. п. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ мы и находимъ подобныя нормальныя формы; но уже рано началъ дѣйствовать законъ сначала ассимиляціи, а потомъ и стяженія сосѣднихъ слоговъ этого сложнаго суффикса: **благааго, благоуоумоу; благаго, благомоу.** Что это стяженіе обнаружилось очень рано, видно изъ того, что даже въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянской письменности мы не встрѣчаемъ уже полныхъ формъ: **благъмь+имь; благъмъ+имъ; благъма+има,** но, вмѣсто нихъ, стяженныя: **благъимь, благъимъ, благъима.** Между тѣмъ, нѣтъ основанія предполагать, будто изъ всѣхъ формъ лишь три приведенныя уклонялись отъ общей нормы полнаго воспроизведенія какъ именнаго, такъ и мѣстоименнаго суффикса.

Мѣстоименія неродовыя.

Слова: **азъ, тъı, сѧ** стоятъ совершенно особнякомъ въ ряду не только мѣстоименій, но и вообще именъ, тѣмъ, что не имѣютъ отношенія къ родамъ, или безразлично прилагаются къ всѣмъ тремъ родамъ.

Падежные суффиксы этихъ словъ представляютъ столь же много загадочнаго, какъ ихъ основы. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь

дѣло съ формами очень древними и искаженными въ звуковомъ отношеніи.

Въ *именит.* ед. суффиксомъ формъ· **азъ**, **тъı** могло быть м, если основательна ихъ реставрація въ формы· agam, tuam. Это м представляло-бы аналогію съ суффиксомъ винит. средняго рода (bonum, malum), переносимымъ и на именительный.

Въ *винит.* ед. сохранился носовой элементъ суффикса въ формахъ: **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** (изъ: mam, tvam, svam?).

Въ *родит.* ед. суффиксъ c(s) отпалъ. Въ формахъ: **мене**, **тебе**, **себе** можно видѣть удвоеніе темъ: ma-ma, tva-tva, sva-sva (какъ Санскр. mama, tava; ср. Латин. sese). Формы эти фунгируютъ нерѣдко и въ Винит. падежѣ.

Въ *предложномъ* древнѣйшая форма сохранилась въ энклитикахъ: **ми**, **ти**, **си** (изъ: ma-i, tva-i, sva-i; ср. μοί, σοί, οἱ), гдѣ і могло развиться изъ ѣ=a+i. Она фунгируетъ и въ *дательн.* ед.

Параллельно съ этой формой развилась другая (мѣст. и дат.): **мънѣ**, **тебѣ**, **себѣ**, изъ редупликованныхъ, какъ кажется, основъ, съ суффиссомъ і (**мънѣ**=mama+i=manai). Здѣсь мы встрѣчаемъ въ суффиксѣ форму, подобную женской темъ на а (**мънѣ**: **женѣ**): аналогія, которая повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ этого склоненія: творит. ед. **мъною**, **тобоѭ**, **собоѭ**: ср. **вьдовоѭ**; твор. множ. **нами**, **вами**: ср. **вьдовами**; дат. мн. **намъ**· **вамъ**: ср. **вьдовамъ**, винит. мн. **нѫı**, **вѫı**: ср. **вьдовѫı**. Трудно объяснить, какимъ образомъ развилась эта аналогія неродовыхъ мѣстоименій съ женскими именами; но едва-ли можно ее отвергать.

Въ родит. (и предложн.) *множ.* встрѣчаемъ въ неродовыхъ мѣстоименіяхъ форму, столь же древнюю, какъ сигматическій род. **чьсо**, или аористъ: **вѣсъ**, именно: **насъ**, **васъ**, гдѣ **съ** вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему суффиксу sam, видоизмѣненному во всѣхъ другихъ мѣстоименіяхъ въ звукъ **х**· **тѣхъ**, **сихъ**.

Что касается, наконецъ, формъ *двойственнаго* числа, то здѣсь во второй и третьей формахъ находимъ обычные мѣстоименные суффиксы **ю**, **ма**: **наю**, **ваю**; **нама**, **вама**; ср. **тою**, **сею**; **тѣма**, **има**.

Но въ первой формѣ (им., вин., зват.) эта аналогія выдержана

лишь на половину: отъ азъ получаемъ въ именит. дв. вѣ, въ винит. на; отъ тꙑ: ва, ва. Послѣднія три формы не отличны отъ нормальныхъ мѣстоименныхъ: та, та; но первая (вѣ) уклоняется не только отъ мѣстоименій, но и отъ всѣхъ склоняемыхъ словъ, представляя единственный остатокъ архаичнаго различенія въ двойственномъ формъ именит. и винит. падежей. Что касается окончанія формы вѣ, то она аналогична женскимъ: дъвѣ, вьдовѣ и т. п.

Разсматривая совокупность морфологическихъ средствъ, которыя употреблены Славянскимъ языкомъ для образованія падежныхъ формъ, не въ ихъ генезисѣ, а въ дѣйствительномъ, и притомъ древнѣйшемъ видѣ, мы находимъ слѣдующее.

Большая часть падежныхъ формъ Славянщины отличены *вокальными* суффиксами. Очень часто послѣдніе представляютъ видоизмѣненіе тематическаго гласнаго. Такъ напр. е, о, оу въ формахъ зват. ед., (рабе, жено, сꙑну), ъ, ь, 0, въ формахъ именит. и винит. ед. (влъкъ, конь, око), а въ имен. ед. и мн., род. ед. и вин. мн. (жена раба, окна) и многія другія позвучныя гласныя несутъ двойную функцію: суффиксовъ тематическихъ и падежныхъ. Въ другихъ случаяхъ для послѣдней функціи присоединенъ особый вокальный элементъ, напр. е въ формахъ род. ед. (небесе, имене), ѣ въ дат. и мѣстн. ед. (женѣ, т. е. женаи), ꙑ въ род. ед. (вьдовꙑ), оу въ дат. ед. (рабоу т. е. раба+у) и т. п. Три послѣдніе дифтонга заключали въ себѣ по два вокальные элемента (а+і; у+і; а+у), изъ коихъ одинъ могъ относиться къ основѣ, а другой къ падежной формѣ.

Что касается *согласныхъ* элементовъ падежныхъ суффиксовъ, то они большею частію утрачены, напр. *с* въ формахъ им. и род. ед., *м* въ формахъ винит. ед. муж. и средн., тотъ и другой (sam) въ род. мн. и т. п. Но въ нѣкоторомъ числѣ формъ и эти элементы уцѣлѣли, то въ ослабѣломъ, то въ полномъ видѣ. Такъ *м* является въ видѣ ѫ(ꙑ), а въ суффиксахъ винит. и творит. ед. жен. (женѫ), въ род. ед. жен. (женꙑ, доушѧ), въ им. и вин. множ. жен. (землѧ), въ винит. ед. неродовыхъ мѣстоим. (мѧ, тѧ, сѧ) и т. п. Въ полномъ же видѣ этотъ звукъ уцѣлѣлъ въ суф. моу, мъ, ма, мь, ми (томоу, тѣмъ, тѣма, тѣмь, тѣми) и т. п.

Звукъ *с* уцѣлѣлъ то въ чистомъ видѣ (**чьсо**; **насъ**, **васъ**; Toplas), то въ перезвукѣ х (**тѣхъ**, **сихъ**), то наконецъ въ видѣ г(h: **того**, **сего**, ср. **чьсо**).

5. *О суффиксахъ лицъ.*

Такъ какъ глаголъ означаетъ по преимуществу дѣйствіе или состояніе, то есть энергію или инерцію силы въ отношеніи къ матеріи (выражаемой именемъ), и такъ какъ источникомъ этой силы является обыкновенно лице—реальное или фиктивное; то въ этомъ обстоятельствѣ скрывалась уже въ зародышѣ частая и тѣсная связь личныхъ мѣстоименій съ глагольными основами. Въ Арійскихъ языкахъ онѣ срослись съ послѣдними въ одно органическое цѣлое, самое простое и первобытное предложеніе, заключавшее въ единствѣ слова элементъ какъ субъективный (подлежащее), такъ и объективный (предикатъ).

При тожествѣ функцій этихъ мѣстоименныхъ приростовъ къ глаголамъ разныхъ временъ, наклоненій, залоговъ и пр., не было первоначально въ языкѣ причины разнообразить ихъ форму; но впослѣдствіи, когда стали вырабатываться вторичные способы для внѣшняго разграниченія различныхъ глагольныхъ значеній, и когда дуализмъ временъ положительныхъ (praes., perf., futurum) съ одной стороны, а условныхъ или историческихъ (imperf., aor.) съ другой сталъ все болѣе развиваться, то и личные суффиксы подверглись вторичной дифференцировкѣ, на суффиксы *полные* (во временахъ главныхъ) и *сокращенные* (въ историческихъ).

Въ Славянскомъ языкѣ это различеніе не имѣетъ впрочемъ такого значенія, какъ въ Санскритѣ или Греческомъ; но есть признаки древняго различенія суффиксовъ полныхъ и сокращенныхъ и въ Славянскомъ: въ настоящемъ напр. личный суффиксъ сохранялъ въ I л. свой согласный элементъ (**да-мь**; **дѣ**ѭ), между тѣмъ въ аористѣ послѣдній совсѣмъ исчезалъ (**дахъ**, **дѣхъ**). Точно такъ въ 3 л. мн. въ praesens элементъ т(t) уцѣлѣлъ въ Древнеславянщинѣ, а въ аористахъ испарился: **дадатъ**: **даша**, **дѣхѫ**.

Мало имѣетъ приложенія къ Славянскому языку и различеніе личныхъ суффиксовъ по залогамъ, такъ какъ образованіе глаголовъ возвратнаго и пассивнаго значенія совершалось въ Славянскомъ съ помощію одного мѣстоименія **сѧ** и не касалось нормальныхъ личныхъ суффиксовъ глагола.

Существенное значеніе имѣетъ въ нашемъ языкѣ лишь различеніе личныхъ формъ по числамъ, которыхъ Древнеславянскій, подобно Санскриту, Греческому и Литовскому, имѣлъ три.

Въ личномъ суффиксѣ Арійскихъ глаголовъ *перваго лица* является носовой согласный м. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ скрывается мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица, котораго древнѣйшій видъ звучалъ ма (ср **мене, мънѣ, мѧ, мъı, мой**. Этотъ слогъ нигдѣ почти не уцѣлѣлъ въ чистомъ видѣ, такъ какъ даже въ формахъ Санскр. и Греч. перфекта (baḃhāra, λέλοιπα изъ: λέ-λοιπ-μα? [1]), при сохраненіи празвука а, утраченъ согласный м. Вмѣсто слога ма находимъ почти всюду его видоизмѣненіе ми (mi) или **мь**. **ѥсмь, вѣмь, ѓамь, дамь**; ср. εἰμί, δίδωμι; sum, inquam. Довольно рано и слогъ ми(мь) сталъ ослабѣвать и сокращаться. Прежде всего это сокращеніе началось и раньше завершилось въ условныхъ (историческихъ) временахъ и наклоненіяхъ: **бѣı-хъ** (изъ **бѣı-са м**), **да-хъ(-м)**; но потомъ оно коснулось и главныхъ временъ, хотя въ послѣднихъ носовой элементъ суффикса долго хранился, а отчасти и теперь остается въ Славянщинѣ въ видѣ носоваго позвука: **берѫ** (ср. φέρω, изъ φέρωμι).

Во *множественномъ* числѣ къ суффиксу ма приставлялся новый элементъ, съ зубнымъ придыхательнымъ с, за которымъ кажется слѣдовалъ гласный i: ma+si. Этотъ второй элементъ сохранился въ Латинскомъ суффиксѣ: mus, а также въ Дорической формѣ: μες. По происхожденію онъ могъ быть родственнымъ мѣстоименному корню tu, σύ (ты), такъ что masi означало-бы: я+ты=мы. Въ Славянщинѣ второй суффиксъ исчезъ, такъ что остался лишь слогъ **мъ ѥсмъ, бѫдемъ**.

Суффиксъ I лица *двойственнаго* числа отличается отъ множествен. (masi) лишь первымъ согласнымъ: вмѣсто м(m) здѣсь

---

1) Ср. Schleicher, Compend. 663. 664.

является в(v): vasi. Этотъ переходъ совершился подъ вліяніемъ аналогичнаго перезвука м въ в въ двойствен. мѣстоименнаго корня ма: вм **ма** въ двойств. находимъ **вѣ**. Это **вѣ** и воспроизведено въ глагольномъ суффиксѣ: **ѥсвѣ**, **вѣвѣ**, **давѣ**. Впослѣдствіи эта форма раздвоилась: для муж. рода **ва**, для средн. же и женскаго—**вѣ**.

Въ суффиксахъ *втораго лица* находимъ мѣстоименный корень tva=**тъı**. Подобно тому, какъ въ I лицѣ ma преобразилось въ mi, такъ во II л. изъ tva, ta: ti. Послѣднее появляется иногда въ чистомъ видѣ, напр. fecisti, tutudisti; но большею частію этотъ суффиксъ перегласовался въ слогъ **си** (si): **ѥси**, **даси**, **ѣси**, **вѣси** (ср. εἰσί, φέρεις(ι). Впрочемъ, и это не было еще концемъ перезвуковъ разсматриваемаго суффикса. Подобно тому, какъ въ падежныхъ суффиксахъ с уцѣлѣлъ лишь въ одиночныхъ формахъ (**чьсо**, **насъ**, **васъ**), въ большинствѣ же ихъ преобразился въ х, такъ и въ суффиксахъ личныхъ звукъ с уцѣлѣлъ лишь въ четырехъ исчисленныхъ архаическихъ формахъ; во всѣхъ же другихъ либо совсѣмъ исчезъ (въ аористахъ: **бꙑı**, **рече**), либо перешелъ въ звукъ ш (**везеши**, **дѣюши**; ср. **доусити**: **доушѫ**; **писати**: **пиши**).

Во *множеств.* числѣ для II л. находимъ въ Славянскомъ суффиксъ **те**, совершенно сходный съ Греческимъ τε: **ѥсте**, **берете**: ἐστέ, φέρετε. Сравненіе съ Латинскимъ (tis) показываетъ, что и здѣсь скрывается второй прономинальный корень si, вѣроятно такого-же происхожденія, какъ въ I л. множ., то есть отъ корня **тъı**: σύ. Если это вѣрно, то въ суффиксѣ II л. множ. tasi заключалось бы первоначально значеніе: ты+ты=вы.

Въ *двойств.* II л. господствовалъ суффиксъ **та** (**ѥста**, **вѣста**, **бѣста**),—т. е. форма множественнаго (**те**), съ перезвукомъ гласнаго въ характеристическій для двойст. звукъ **а** (ср. **ва**; **та**).

Наконецъ въ суффиксахъ *третьяго лица* появляется указательный корень та (ta), ослабленный (какъ и въ I и II лицахъ) въ слогъ ти (ti), **ть**: **ѥсть**, **везеть** (ср. ἐστί, τίθητι; est, vehit). Въ историческихъ временахъ ослабленіе этого суффикса прошло еще дальше и онъ совершенно исчезъ наконецъ: **бꙑı**, **рече**; **глаголаше**. Если же иногда мы находимъ въ аористахъ III л. личный суффиксъ (**бꙑıсть**, **дасть**), то онъ явился туда процессомъ вторичнаго образованія, по аналогіи временъ настоящихъ. Въ послѣдняго рода формахъ замѣчательно древнее

появленіе ъ вм. ь: бꙑстъ, дастъ, сънѣстъ, питъ, житъ, клатъ, сатъ Дѣйствовала ли здѣсь аналогія супина (бꙑтъ, датъ, питъ и т. п.), или другія причины, трудно рѣшить.

Во *множ* числѣ суффиксъ 3-го л. расширяется: вмѣсто слога ti мы находимъ форму anti (или nti, послѣ гласныхъ основъ). Послѣднюю разлагаютъ на an+ti, объясняя ту и другую указательными корнями: an-а, ta (онъ, тъ), такъ что ихъ соединеніе означало бы: онъ+тотъ=они. Слогъ ant хорошо сохранился въ Латинскомъ (veh unt, am-ant), но еще лучше въ Славянскомъ, такъ какъ здѣсь удержался и позвучный гласный і въ видѣ ь: везѧть, несѧть. Въ историческихъ временахъ второй согласный элементъ суффикса исчезаетъ: несѧхѫ(ть). Замѣчательно при этомъ въ аористахъ смягченіе большаго юса въ малый (несошѧ(ть)),—явленіе, повидимому, вторичное и не исконное. Впрочемъ въ аористахъ древнѣйшихъ (II аор), безъ характера времени, встрѣчаемъ большой юсъ въ III л. множ.: вънидѫ (вм. вънидошѧ), падѫ (падошѧ), сѣдѫ (сѣдошѧ), сърѣтѫ (сърѣтошѧ), възмогѫ (възмогошѧ), иштезѫ (иштезошѧ)

Есть рядъ глаголовъ, имѣющихъ малый юсъ въ III л. мн. настоящаго времени. Это глаголы съ тематическимъ и(ѣ) въ инфинитивѣ, удерживающіе этотъ звукъ и въ настоящемъ. Можно предполагать, что тематическій гласный (и) былъ причиною смягченія большаго юса въ малый, т. е. что формы: ходѧть, трьпѧть развились изъ древнѣйшихъ: ходи-ѫть, трьпѣ-ѫть.

Труднѣе объяснить появленіе ѧ въ архаическихъ глаголахъ: дадѧть, гадѧть, вѣдѧть (но: сѫть). Быть можетъ тутъ дѣйствовала аналогія формъ императива, съ суффиксомъ и: дадимъ, гадимъ, вѣдимъ,—формъ, которыя въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ вытѣснили и въ изъявительномъ древнѣйшія формы: вѣмъ, дамъ, гамъ.

Форма III л. *двойственнаго* очень близка къ личному суффиксу II л. дв. Вмѣсто та мы находимъ здѣсь те, хотя очень часто и въ древнѣйшихъ памятникахъ тутъ употребляется та, особенно въ муж. родѣ, тогда какъ для женскаго и средн. предпочтительнѣе употреблялись формы на те, (а въ женскомъ также и на) тѣ: дѣлаѣта, дѣлаасте; посꙑластѣ.

Личные суффиксы глаголовъ возвратнаго и страдательнаго значенія отличаются отъ разсмотрѣнныхъ своимъ сложнымъ характе-

ромъ. Одно мѣстоименіе (первое) играетъ тутъ роль субъекта, а другое (послѣднее) объекта: **можсѧ**=мою я себя.

Различіе Арійскихъ языковъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что въ однихъ второй мѣстоименный корень представляетъ редупликацію перваго (напр. Греч. μαι, σαι, ται изъ: mami, sasi, tati), тогда какъ въ другихъ онъ есть особый мѣстоименный корень. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ языки Латинскій (amor=amo-se) и Славянскій: **боѭсѧ**, **боишисѧ**, **боитьсѧ** и т. п.

6. *Объ образованіи частицъ.*

Наука объ языкѣ принимаетъ за достовѣрное, что въ древнѣйшую эпоху жизни Арійскихъ языковъ не существовало ни одного слова, которое не было-бы падежемъ какого нибудь имени (съ мѣстоименіемъ), либо личною формою какого нибудь глагола. Частицы или неизмѣняемыя части рѣчи не могли развиться иначе, какъ чрезъ окоченѣніе извѣстныхъ падежныхъ и личныхъ формъ словъ. Онѣ принадлежатъ слѣдовательно къ новообразованіямъ языка, хотя нѣкоторыя восходятъ ко временамъ очень отдаленнымъ. Число частицъ увеличивается непрерывно, по мѣрѣ того, какъ гибкость словъ слабѣетъ, формы застываютъ, каменѣютъ:—имена и глаголы обращаются въ частицы, которыя могутъ быть названы окаменѣлостями измѣняемыхъ частей рѣчи.

Что касается корней и темъ, лежащихъ въ основѣ частицъ, то хотя тутъ преобладаютъ (особенно въ формахъ древнѣйшихъ) корни субъективные, однако и объективные появляются уже въ Древнеславянскомъ въ немаломъ числѣ образованій. Отъ корней мѣстоименныхъ, безъ сомнѣнія, произошли частицы: **а**, **и**, **нъ**, **бо**, **да**, **же**; **въ**, **вѣ**, **до**, **за**, **изъ**, **къ**, **на**, **надъ**, **объ**, **отъ**, **по**, **подъ**, **при**, **про**, **съ**; **ни**, **не**, **ли**, **чи**, **кѣде**, **сьде**, **когда**, **тогда** и т. п

Отъ корней же и темъ именно-глагольныхъ образовались частицы: **васнь**, **рекъше** (igitur), **зѣло**, **обаче**, **тъчиⷢ** и т. п.

По суффиксамъ своимъ [1]) однѣ изъ частицъ примыкаютъ къ

1) Ср. Miklosich, Syntax, 157 сл.

формамъ падежей, другія же къ формамъ личныхъ глаголовъ; въ первомъ случаѣ необходимо отличать падежи самостоятельные отъ соединенныхъ съ предлогами.

1. Частицы въ формахъ *винительнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **зѣло, любо; како, вънъ, обаче, дьнесь**; Рус гораздо, точь въ точь, ближе, вечо̀ръ, тотчасъ, теперь, лѣтось. Быть можетъ сюда относятся и Древнеславянскія несклоняемыя формы: **двогоубь, трегоубь, исплънь, различь, свободь(-дъ)**.

б) *съ предлогами*: **въинѫ, въскѫѭ, въскрай, єкрьстъ, окрѫгъ**, Рус. вдоль, вдругъ, врознь, порознь, вообще, насилу, насквозь, навзничь, опричь, около; Пол. wbrew, Серб. након(ьць).

2. Частицы въ формахъ *родительнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **дѣлꙗ? ради?** Рус. вчера, дома;

б) *съ предлогами*: **искони, заоутра, изъвъноу, досꙑти** (Пол. dosyć, dość); Рус. издавна, изстари, слегка, сперва, снова, наизусть; Чеш. zejmena; Пол. natychmiast (ср. покамѣстъ), Серб. због (съ бока? ради).

3. Частицы въ формахъ *предложнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **блазѣ, добрѣ, льзѣ, поздѣ, прѣди; врьхоу, близоу, вънѣ, горѣ, долѣ, лани, трѣбѣ, ꙗвѣ, годѣ, нꙑнѣ, сквозѣ**; Рус. намедни (Серб. ономадне, nuper); среди;

б) *съ предлогами*: Рус. вмѣстѣ, вскорѣ, вчужѣ, наяву, наединѣ, потомъ, позади; Пол. owszem, powoli.

4. Частицы въ формахъ *дательнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **домови**; Рус. домой, долой; ср. нѣтуть (ти), Пол. gdzieś(i), jakoś(i).

б) *съ предлогами*: Рус. кстати, по̀просту, поелику; Пол. gwoli; Чеш. počesku.

5. Частицы въ формахъ *творительнаго*:

а) *безъ предлоговъ*: **тъчиѭ, ѥдиноѭ** (semel), **большьмь** (magis), **большьми, малꙑ** (parum), **панꙑ, римьскꙑ** (romane); Рус. пѣшкомъ,

даромъ, рядомъ, днемъ и ночью, опрометью, пятью; щеголь-ски; Чеш. honem, Пол. razem;

б) *съ предлогомъ*: Рус. порусски.

6. Что касается формъ *именительнаго* падежа, то къ нимъ можно причислить Новославянскія дѣепричастія, т. е. причастія съ адвербіальнымъ характеромъ: Рус. читая, играючи; написавъ, выпивши. Сюда же относятся частицы: хотя и молъ (изъ: молвилъ?).

Къ частицамъ же должны быть относимы по своей формѣ *инфинитивы и супины*, такъ какъ и они являются въ одномъ неизмѣнномъ видѣ, представляющемъ окаменѣлость формы падежной. Какой падежъ скрывается въ инфинитивѣ, родительный, дательный или предложный, трудно рѣшить, такъ какъ при суффиксѣ **ть** (ti) во всѣхъ трехъ означенныхъ формахъ является слогъ **ти**: такъ Рус. знать, честь, имѣютъ: знати, чести, вь род., дат. и предложномъ. Слѣдов. вопросъ о падежной роли инфинитивнаго суффикса не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ морфологической и долженъ быть перенесенъ на симазіологическую.

Что касается супина (на: **тъ**, **тоу**), то въ немъ можно видѣть форму винит. или дат. темъ на tu **бытъ**, **бѫтоу**.

Въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще рѣзче выразилась метаморфоза инфинитива въ частицы: напр. Рус. знать (вм. видно); чуть-чуть (еле-еле).

Изъ личныхъ формъ глагола, окаменѣлыхъ въ частицы, встрѣчаются слѣдующія.

1. *Настоящее* изъявительнаго. Суффиксъ II л. множ. **те** соединяется иногда съ частицами для образованія новыхъ: Рус. на, нате; ну, нуте; ср. полно, полноте; Срб. овамоте. Въ другихъ случаяхъ появляется въ подобной роли суф. двойственнаго числа, въ формѣ: ста (**ѥста**?): пожалуйста. Въ Малорусскомъ же нарѣчіи и суффиксъ I л. множ. (мо) встрѣчается въ такихъ соединеніяхъ: нумо, нумте.

Отъ личныхъ формъ наст. изъявит. произошли наши союзы: если (**ѥстьли**), буде (**бѫдеть**); частица де (**дѣѥть**?); Пол. albowiem, Чеш. pry (inquit), Серб. морда (fortasse, изъ: море бити да).

2. *Повелительное.* Рус. будьто, что-ни-будь, вѣдь, небось, спасибо(гъ), пусть, пускай, почти; Пол. niechaj, Серб. нека, Хут. naj.

3. *Аористъ.* Союзъ бы (чтобы, дабы), существующій теперь въ Русскомъ, Пол., Чеш., Хут., развился изъ аориста: бѫхъ, бѫ, бѫ. Въ глагольномъ значеніи онъ и донынѣ употребляется въ Сербскомъ, Болгарскомъ и Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

Не всѣ однако формы частицъ такъ легко могутъ быть пріурочены къ одной изъ падежныхъ или личныхъ формъ. Есть цѣлый ихъ рядъ довольно темнаго происхожденія. Таковы напр. не только простые односложные предлоги и союзы (въ, къ, а, и и т. п.) но и многія нарѣчія, которыхъ корень ясно выдѣляется отъ суффикса: да, де, доу, дѣ, жди (шти), ли, лѣ, ма, ми (когда, къде, кѫдоу, кѫдѣ, трижди, коли, доколѣ, кольма, кольми). Лишь послѣднія (ма, ми) формы съ нѣкоторою вѣроятностію можно пріурочить къ формамъ творит. множ. и двойствен. (ср. тѣма, тѣми); всѣ же остальныя представляютъ образованія загадочныя.

На этомъ мы заключаемъ *анализъ* составныхъ элементовъ Славянскаго слова. Къ задачамъ морфологіи относится еще ихъ *синтезъ*, какъ онъ выражается въ системахъ склоненія и спряженія: но разсмотрѣніе послѣднихъ можетъ быть предметомъ особой статьи.

Опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Читай.
7	4	силъбъ	стлъбъ
8	13	свану ти	сванути
17	27	пдти.	пдти:
18	20	морфологическее	морфологическое
19	19	потверждается	подтверждается
25	33	тему	темъ
30	6	которые	которыя
31	23	(foras)	(foras),
37	12	побратимь	побратим
38	14	камѫ	камѫ
44	24	отврьстъ	отъврьстъ
„	31	гато	гато.
47	24	зубнымъ	зубнымъ д.
48	7	молодежи	молодежи:
51	28	ъха;	ъха:
52	16	дроуг ици	дроугоици
58	7	протяжнныхъ	протяжныхъ
66	39	позволитетьно	позволительно
„	37	имперфиктъ	имперфектъ
71	36	нензсякаемымъ	неизсякаемымъ
74	20	звукосочетаніе	звукосочетанія
„	22	потвержденія	подтвержденія
75	3	т говъ	тоговъ
„	9	часто	чисто
„	25	ova	ava
85	1	подежнаго	падежнаго
86	15	вьд вѫ	вьдовѫ
90	8	зам	гам
91	24	памятникихъ	памятникахъ
93	15	влъкъи	влъкъи)
95	8	какъ какъ	какъ
96	13	и т.	и т. п.
100	12	мой	мой)